

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКИСТАНА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. А. ДОНИША**

УДК:902.6 (575.3)

На правах рукописи

ЗАРИФОВ МАНУЧЕХР АБДУХОЛИКОВИЧ

**Б.И. МАРШАК - ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СОГДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ
(по археологическим материалам Пенджикента)**

Специальность 5.6.3. – Археология

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук
Каримова Г.Р.

Душанбе - 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. НАУЧНАЯ, ПОПУЛЯРИЗАТОРСКАЯ И ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Б.И. МАРШАКА	15
1.1. Жизнь и научная деятельность Б.И. Маршака	15
1.2. Научная школа и публицистическая деятельность Б.И. Маршака	27
ГЛАВА II. ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ АРХЕОЛОГИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Б.И. МАРШАКА	59
2.1. Хронологическая модель развития согдийской культуры и искусства Б.И. Маршака по археологическим материалам Пенджикента.....	59
2.2. Археологическая шкала датировок средневековой керамики Согда Б.И. Маршака	68
2.3. Методика археологических раскопок раннесредневековых городов Б.И. Маршака	78
ГЛАВА III. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА СОГДИЙЦЕВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ Б.И. МАРШАКА	91
3.1. Искусство древнего Пенджикента	91
3.2. Религия согдийцев	119
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	144
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	154
ПРИЛОЖЕНИЕ	178

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы выражается следующими моментами:

Во-первых, в то время как некоторые ученые мотивируют свои концепции о значении и роли таджиков в истории Центральной Азии собственными или чьими-то политическими амбициями, намеренно искажая исторические факты, Б.И. Маршак, беспристрастно и объективно исследуя древнюю и средневековую историю таджикского народа, на основе археологических материалов определяет ведущую роль таджикского народа и его предков в истории мировой цивилизации в целом и региональной Согдийской культуры в частности. Работы Б.И. Маршака не утратили своего научного значения и продолжают сохранять лидирующие позиции в исторической науке. Они имеют важное научное, теоретическое и практическое значение при постановке основных проблем истории, культуры, искусства и религии народов Центральной Азии;

Во-вторых, применение педагогического и научно-исследовательского опыта Б.И. Маршака, создавшего свою школу учеников и последователей, влившихся в таджикскую археологическую и историческую школы, способствует решению проблем исторической науки и её дальнейшему развитию в Республике Таджикистан. которые могут практически применяться учеными при подготовке молодого поколения национальных кадров;

В-третьих, проблемы реставрации, консервации и реконструкции памятников древней истории, материальной культуры, искусства и мирового наследия, неоднократно разрабатываемые Б.И. Маршаком, и сегодня продолжают оставаться актуальным и перспективным научным достижением, на основе которого возможна дальнейшая разработка вышеперечисленных направлений.

Богатое научное наследие Б.И. Маршака имеет поистине огромное значение в изучении истории и культуры таджикского народа, в использовании его открытий и достижений в становлении и развитии

археологии и исторической науки в республике, и это обусловило актуальность выбранной темы, заявленной нами в диссертации.

Таким образом, изучение, анализ и обобщение вклада Б.И. Маршака в изучение археологии, истории и культуры народа Таджикистана является актуальной проблемой, что имеет не только научное, теоретическое и практическое, но и политическое значение в условиях независимости, способствуя созданию полного банка данных о достижениях направлений, разработанных этим именитым учёным, позволяющих определить новые параметры необходимых исследований, которые являются весомым вкладом в развитие национального самосознания таджикского народа.

Актуальность темы подчёркивается еще и необходимостью изучения опыта сосуществования и взаимодействия различных национальных культур, их взаимной терпимости, существовавших на территории современного Таджикистана с древности. Отражает ряд новых направлений, согласно которым повышается масштаб научных разработок историографических, археологических исследований, напрямую зависящих от личного вклада каждого учёного.

Степень изученности темы. Выбор темы диссертации обоснован следующими моментами: необходимостью комплексного изучения и обобщения вклада профессора Б.И. Маршака в разработку проблем археологии, истории и культуры таджикского народа, который до настоящего времени не стал предметом специального научного исследования.

Анализ материалов, освещающих его жизнь и деятельность в Таджикистане, позволил выявить и представить инновационные научные исследования и актуальные разработки археологической науки, которые способствовали развитию опыта сохранения национального наследия, что на сегодняшний день имеет большое практическое значение.

Характеристике научного наследия, анализу исследований Б.И. Маршака как ученого, организатора науки и педагога посвящено небольшое количество изданий, в их числе – материалы юбилейной

конференции¹ и монографии². Примечательно, что при жизни учёного никакие материалы о нем не публиковались – ни юбилейного характера, ни жизнеописательного. И только после смерти были проведены посвященные ему научные конференции и опубликовано несколько некрологов, в которых перечислены заслуги и достижения Б.И. Маршака.

Первая, и следует отметить, весьма успешная, попытка сделать это была осуществлена коллективом единомышленников и младших коллег.

В 2008 г. в Государственном Эрмитаже состоялась конференция памяти Бориса Ильича Маршака (1933-2006), которая называлась "Согдийцы дома и на чужбине", посвященная юбилейной дате – 75-летию со дня его рождения. Вышел библиографический очерк, в котором представлены материалы о жизни и деятельности Б.И. Маршака, к которому прилагается список опубликованных им работ, а также список научно-популярных статей о проведённых им экспедициях, отдельных разноплановых статей его учеников и соратников о нем³.

Ценность таких сборников заключается в том, что в них собраны и приводятся беседы и воспоминания учеников, друзей, коллег и соратников Б.И. Маршака, таких как В.И. Распопова⁴, В.Г. Шкода⁵, Г.Л. Семёнов, Д.А. Абдуллаев, Г.Р. Каримова⁶, Ш.Ф. Курбанов, М. Исамиддинов, М. Хасанов

---

¹ См.: Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 62: Согдийцы, их предшественники, современники и наследники: на основе материалов конференции «Согдийцы дома и на чужбине», посвященной памяти Бориса Ильича Маршака (1933-2006) / Государственный Эрмитаж. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. – 504 с.: ил., XXVIII, [8] с. цв. вкл.

² См.: Каримова Г.Р. Археологи Таджикистана. – Самарканд: МИЦАИ, 2021. – 342 с.: ил.

³ См.: Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 62: Согдийцы, их предшественники, современники и наследники: на основе материалов конференции «Согдийцы дома и на чужбине», посвященной памяти Бориса Ильича Маршака (1933-2006) / Государственный Эрмитаж. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. – 504 с.: ил., XXVIII, [8] с. цв. вкл.

⁴ См.: Лурье П.Б. К юбилею Валентины Ивановны Распоповой // Археологические вести. – 2021. – № 32. – С. 10-18

⁵ См.: Шкода В. Г. Борис Ильич Маршак. 1933-2006 // СГЭ. – 2007. – [Вып.] 65. – С. 129-130

⁶ См.: Каримова Г.Р. Борис Ильич Маршак // АРТ. – 2007. – Вып. 31. – С. 248-257; Каримова Г.Р. Археологи Таджикистана. – Самарканд: МИЦАИ, 2021. – 342 с.: ил.

¹и других, которые в настоящее время успешно продолжают работать в разных сферах науки и преподавать в вузах.

Тем самым вышеуказанные работы, несомненно, составили основную канву материалов для изучения вклада учёного, послужив весомым заделом в научной разработке исследуемой нами тематики. Однако в отечественной историографии подобная работа предпринимается впервые. До сих пор никем не проводилось исследования, посвященного изучению и обобщению вклада Б.И. Маршака в разработку проблем древней и средневековой истории таджикского народа, археологии Таджикистана.

Анализ литературы, проливающей свет на направления настоящего исследования, отразил слабую разработанность проблемы в плане осмысления и воссоздания научной биографии и научного определения феномена Б.И. Маршака. В историографии не проведен анализ всей научной продукции Б.И. Маршака.

Таким образом, основные стороны жизни и деятельности ученого, представляющие несомненный интерес для нашего исследования, оставались не привлечёнными. Кроме того, анализ историографии вопроса отразил полное отсутствие специального монографического исследования, посвященного научной, просветительской и педагогической деятельности Б.И. Маршака в исторической науке Таджикистана. Разностороннее изучение произведений Б.И. Маршака расширяет понимание и представление о сложении и динамике проблем отечественной историографии, значительно дополняет сведения, необходимые для более глубокого изучения периода становления таджикской исторической науки и археологии. Отражает направления исследований, хорошо разработанных благодаря исследованиям Б.И. Маршака и перспективных в плане доработок на будущее.

Отсутствие даже краткого историографического обзора подтверждает необходимость и важность комплексного, всестороннего, основанного на

---

¹ См.: Исамиддинов М., Хасанов М. Памяти нашего учителя // Вестник МИЦАИ. – 2007. – Вып. 5. – С. 66-68.

научных принципах анализа и обобщения научного творчества Б.И. Маршака.

Источниковедческая база исследования хорошо распадается на блоки, связанные с направлениями исследований Б.И. Маршака:

- в первую группу входят научные статьи, доклады и труды Б.И. Маршака, посвященные исследованию археологии, истории, вопросов культуры, искусства, религии и уклада жизни населения Таджикистана в древности и средневековье;

- вторую группу составляют архивные документы, хранящиеся в архиве отдела археологии Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной Академии наук Таджикистана, в частности, годовые отчеты, подготовленные совместными усилиями сотрудников отдела археологии Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ при технической поддержке Университетского Колледжа Лондона (UCL) и МИЦАИ (Международный Институт Центрально-Азиатских Исследований), создают цифровой архив всех документов археологических экспедиций, работавших в Таджикистане¹. Кроме того, это отчёты об археологических работах, опубликованные в сборнике «Археологические работы в Таджикистане», который ежегодно публикуется с 1951 г. по сегодняшний день². Также нами были привлечены протоколы ежегодных отчётных сессий, проходивших в Институте истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной Академии наук Таджикистана после окончания каждого экспедиционного сезона³, а также отчеты совместных международных экспедиций за годы независимости Таджикистана, опубликованные в сборнике отчётов «Материалы

---

¹ См.: Final Technical Report on the results of the UNESCO/Japanese Funds-in-Trust project: Support for Silk Roads World Heritage Sites in Central Asia (Phase II), April 2015 – November 2019. – London: London University College, 2020. – 237 p.

² См.: Каримова Г.Р. Сороковой юбилейный выпуск сборника «Археологические работы в Таджикистане» – сложение и значение // АРТ. – Душанбе: ООО «Хирадмандон», 2019. – Вып. 40. – С. 11-20

³ См., напр.: Отчёт Пенджикентской археологической базы Института истории им. А. Дониша за 11 месяцев 1973 года (Архив Отдела археологии папка П – 1973 – Ар_TJ_ARCH2-000036)

Пенджикентской археологической экспедиции»¹, где приводятся отчеты о раскопках, составленные непосредственными начальниками объектов. Кроме отчетов о раскопках, приводятся также репортажи о результатах консервационной и реставрационной деятельности, археологических разведках; отчеты и архивные материалы Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша АН РТ; сведения о монографиях и публикациях археологов, принимавших непосредственное участие в деятельности Пенджикентской археологической экспедиции. Серия отчётных статей Б.И. Маршака, опубликованных в «Трудах Отдела Востока Государственного Эрмитажа» и «Сообщениях Государственного Эрмитажа»;

- третью группу составили статьи, имеющие научно-популярный характер, опубликованные Б.И. Маршаком на страницах периодической печати, которые посвящены археологическим раскопкам в Таджикистане;

- в четвертую группу входят воспоминания коллег по работе и учеников Б.И. Маршака. Встречи и беседы с ним, которые раскрывают его многогранную личность, отношение к актуальным проблемам истории, оценку отдельных событий. Свои суждения о Б.И. Маршаке высказали Олег Грабарь² (доктор Принстонского университета, историк искусства, археолог), В. Луконин (историк-востоковед, иранист, доктор исторических наук), Я.А. Шер и И.С. Каменецкий (коллеги, друзья)³, И.Л. Кызласов⁴ (историк, археолог, профессор), Франц Гренэ (археолог, профессор научного археологического центра Франции), Клод Рапен (археолог,

---

¹ См.: Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. Выходит ежегодно с 1999 г по сегодняшний день

² См.: Grabar, Oleg. A Letter to the Organizers of the Conference // Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 62: Согдийцы, их предшественники, современники и наследники: на основе материалов конференции «Согдийцы дома и на чужбине», посвященной памяти Бориса Ильича Маршака (1933-2006) / Гос. Эрмитаж. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. – 504 с.

³ См.: Шер Я.А., Каменецкий И.С. Борис Ильич Маршак (1933–2006) // РА. – Вып. 4. – 2007. – С. 187-188.

⁴ См.: Кызласов И.Л. Енисейская руническая надпись с иранским заимствованием // Согдийцы, их предшественники, современники и наследники: на основе материалов конференции «Согдийцы дома и на чужбине», посвященной памяти Бориса Ильича Маршака (1933–2006) . – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. – С. 266-293.

директор Французской археологической миссия Согдианы)¹, В.И. Распопова (археолог, доктор исторических наук и супруга Б.И. Маршака), В.Г. Шкода (археолог, коллега и ученик Б.И. Маршака)², Г.Р. Каримова (археолог, биобиблиограф, коллега и ученица Б.И. Маршака)³, Жун Синьцзян (профессора Пекинского университета)⁴, Цзян Боцинь (профессора Университета Сунь Ятсена)⁵, Д. Абдуллаев (археолог, коллега и ученик Б.И. Маршака), Ш.Ф. Курбанов (археолог, коллега и ученик Б.И. Маршака), П.Б. Лурье (коллега и ученик Б.И. Маршака) и др., которые продолжают успешно трудиться в научных подразделениях Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша и вузах страны. После кончины учёного целая серия некрологов и памятных воспоминаний была размещена на страницах сборников и журналов, в числе их авторов – Ж.А. Лернер⁶, А.И. Наймарк⁷, Дж. Джоан⁸, Д. Войг⁹ и многие другие. Привлечены также данные, полученные из интервью с Б.И. Маршаком, снятые телевидением Худжанда для программы С. Марофиева «Зов веков» в 1985 году.

---

¹ См.: Гренэ, Франц, Рапен, Клод. Формационные этапы согдийской культуры // Согдийцы, их предшественники, современники и наследники: на основе материалов конференции «Согдийцы дома и на чужбине», посвященной памяти Бориса Ильича Маршака (1933–2006). – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. – С. 13-26.

² См.: Шкода В.Г. Борис Ильич Маршак. 1933-2006 // СГЭ. – 2007. – [Вып.] 65. – С. 129, 130; Шкода В.Г. Б. И. Маршак и живопись Пенджикента (метод исследователя) // Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 62: Согдийцы, их предшественники, современники и наследники : на основе материалов конференции «Согдийцы дома и на чужбине», посвященной памяти Бориса Ильича Маршака (1933–2006) / Государственный Эрмитаж. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. – С. 147-159.

³ См.: Каримова Г.Р. Борис Ильич Маршак // АРТ. – Душанбе, 2007.– Вып. 31. – С. 248-257.

⁴ См.: Жун Синьцзян. Чжунгу чжунго юй сутэ вэньмин // Средневековый Китай и культура Согда (на китайском языке). – Пекин, 2014.

⁵ См.: Цзян Боцинь. Ценность русской согдологии для синологии. – Пекин, 2000.– С. 201-208.

⁶ См.: Lerner J. A. Boris Il'ich Marshak, 1933-2006 // AJA. – 2007. –No. 111. – P. 783-785.

⁷ См.: Naymark A. I. In Memoriam Boris Il'ich Marshak // CESR. – 2007. Fall. – Vol. 6. – No. 1-2. – P. 56-64.

⁸ См.: Jouanna J. Allocution du Président à l'occasion du décès de Boris Marshak // CRAIBL. – 2006. A. – 150 p.; No 3. – P. 1505, 1506.

⁹ См.: Waugh D. Boris Il'ich Marshak July 9, 1933 – July 28, 2006 // The Silk Road. – Summer 2006. – Vol. 4. – No 1. – P. 4.

Объектом исследования является направление, определяющее неопределимый вклад Б.И. Маршака в изучение согдийской культуры (раннее средневековье), на основе результатов, полученных в процессе проведенных им раскопок на городище древнего Пенджикента, и совершённых теоретических и практических работ по ключевым проблемам истории и археологии, в том числе обоснования возникновения и сложения культуры согдийцев, их места и роли в Центральноазиатской цивилизации.

Предметом исследования диссертации является определение личного вклада Б.И. Маршака в изучение и научную разработку проблем истории и археологии, материальной и духовной культуры на примере исторических и археологических памятников Таджикистана.

Опыт проведения различных видов деятельности (популяризаторство, наставничество и др.), способствующих использованию и применению результатов, направлений и путей исследования, необходимых для развития и подготовки нового поколения исследователей, занимающихся разработкой проблем исторических дисциплин, заявленных Б.И. Маршаком.

Основные положения, выносимые на защиту. Приводится анализ основополагающих научных достижений Б.И. Маршака:

- хронологическая модель развития согдийской культуры и искусства Б.И. Маршака по археологическим материалам Пенджикента;
- археологическая шкала датировок средневековой керамики Согда Б.И. Маршака;
- методика археологических раскопок раннесредневековых городов Б.И. Маршака;
- духовная культура народов Центральной Азии по археологическим материалам Пенджикента в интерпретации Б.И. Маршака;
- научная, популяризаторская и воспитательная деятельность Б.И. Маршака.

Цель и задачи исследования: Исходя из вышеизложенных моментов об актуальности темы и степени ее изученности, определяется цель

диссертации, которая заключается в тщательном изучении и дальнейшем освещении выдающихся заслуг профессора Бориса Ильича Маршака в деле археологического изучения вопросов истории и культуры таджикского народа в раннем средневековье.

Профессор Борис Ильич Маршак с 1978 года возглавлял Центрально азиатский и Кавказский отдел Государственного Эрмитажа в Ленинграде (Санкт-Петербурге), и с этого же года он являлся руководителем археологических раскопок важного древнего согдийского города Пенджикент (Таджикистан), где он работал с 1954 года. Ведущий специалист по иранистике, археологии и искусствоведению Согда, он являлся членом многих международных научных обществ и читал лекции по всему миру.

На основе выше изложенного хотелось подчеркнуть важный характер и содержание научной, общественной деятельности ученого и осветить заслуги ученого в изучении археологии и истории Таджикистана

Научное и творческое наследие ученого, несомненно, является золотым фондом исторической и археологической науки Таджикистана. Это одна из тех фундаментальных разработок, которые считаются важной основой для работы будущих поколений учёных.

История таджикского народа без научных трудов Б.И. Маршака была бы не полной. Чем больше и всестороннее познаётся научное наследие Б.И. Маршака – археолога, историка, искусствоведа, культуролога, религиоведа и педагога в интересах развития исторических знаний в будущем, тем больше ощущается его значение в числе основоположников исторической науки нашей Родины и стран СНГ.

В связи с этим определяются следующие задачи:

- через призму его научных открытий изложить основные вехи биографии ученого;
- осветить научный вклад Б.И. Маршака в развитие мировой и отечественной истории и археологии;

- показать вклад в подготовку научно-педагогических кадров в рассмотрении наставнической деятельности Б.И. Маршака;

- в сфере популяризации исторических знаний отразить деятельность Б.И. Маршака как профессионального распространителя научных знаний о согдийцах и согдийской культуре;

- проанализировать работы Б.И. Маршака, посвященные исследованию исторических и археологических источников;

- подчеркнуть значение научных достижений Б.И. Маршака по разработке методов и методики археологических исследований.

Хронологические рамки исследования охватывают период жизни и деятельности Б.И. Маршака как исследователя археологии, истории и культуры таджикского народа, в частности согдийской культуры, на основе проведённых им раскопок городища Пенджикент с 1956 по 2006 гг.

Научная новизна диссертации заключается в том, что:

- во-первых, впервые проанализирована научная деятельность Б.И. Маршака на основе полного объёма разнообразного фактического материала;

- во-вторых, впервые показан вклад Б.И. Маршака в разработку сложных проблем истории, культуры, археологии, этнических и социальных процессов, верований и религии населения Таджикистана и Центральной Азии в целом на основе комплексного подхода;

- в-третьих, данное исследование впервые отражает создание и роль научной школы Б.И. Маршака, определяется его личный вклад в подготовку национальных кадров;

- в-четвертых, впервые доказывается, что вопросы истории и культуры согдийцев, на основе которых Б.И. Маршаком определена их связь с мировыми культурами и народами, получили неопровержимое подтверждение.

- в-пятых, впервые доказывается, что объективность научных методов Б.И. Маршака, рациональна и продолжает продуктивно использоваться в исследованиях археологии Центральной Азии;

- в-шестых, впервые на основе анализа исследований проблем истории, искусства и религии, проведённых Б.И. Маршаком, показывается уникальность и эталонность его научных заключений, которые являются в основной своей массе неоспоримыми до сегодняшнего дня.

Практическая значимость работы. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при составлении и разработке новых программ проектов археологического исследования, написании новых глав и дополнений разделов древнейшей и древней истории и археологии Таджикистана, составлении спецкурсов и методических программ по направлениям археологической подготовки студентов и докторантов.

Методологической основой диссертации стал принцип объективного освещения и анализа деятельности выдающегося археолога, историка и искусствоведа Б.И. Маршака по изучению проблем археологии, древнейшей истории и культуры Таджикистана. При подготовке диссертации были использованы различные методы изучения научного наследия как в виде отдельных публикаций, так и в виде монографических изданий исторических трудов. При проведении исследования применялись в основном специализированные методы, с критериями объективности:

- метод сравнительного анализа использовался для установления подлинности и различия исследуемых вопросов;

- метод научно-исторического анализа использовался с целью показа системы целостности исторических знаний и практических археологических исследований в динамике и во взаимодействии с основными понятиями исторического процесса;

- методы анализа и синтеза;

- метод перехода от абстрактного к конкретному;

- количественные и качественные методы, которые также широко применяются при написании диссертационных работ.

Апробация работы. Диссертация обсуждена на заседании отдела археологии Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша

НАНТ (протокол № 5 от 24 октября 2023г.) и рекомендована к защите. Основное содержание работы отражено в докладах на ежегодных научно-практических конференциях в Таджикском национальном университете, Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Национальной Академии Наук и 70-летию Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ. Основные проблемы, затрагиваемые в диссертации, изложены в 6 научных статьях, опубликованных в ведущих научных журналах, рецензируемых ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации, и 5-статьях в других изданиях.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав и семь параграфов, а также заключение, и списка использованных источников и литератур и приложение.

ГЛАВА I. НАУЧНАЯ, ПОПУЛЯРИЗАТОРСКАЯ И ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Б.И. МАРШАКА

1.1. Жизнь и научная деятельность Б.И. Маршака

"Русские в Таджикистане", "Русские учёные в Таджикистане", "Русские путешественники и исследователи Таджикистана" – эти направления и вопросы исследования занимали одну из ведущих позиций ещё в советской историографии. Их преобладающее положение хорошо определено в работах ученых среднеазиатских республик, в том числе и таджикских. В таком ракурсе вопросы, определяющие основные заслуги русских учёных в изучении истории и культуры народов центрально азиатского региона, снова заняли достойное место в научных разработках исследователей¹. Отрадно заметить, что важность проведения такого рода исследований всегда осознавали и таджикские историки. Одна ситуация, когда рассматривается научный вклад национальных учёных, научные труды которые связаны с достижениями таджикского народа и государства. И совершенно иное положение восходит к рассмотрению и оценке научного подвига представителей другого народа – русского, так как принимаются во внимание личностные аспекты отдельных учёных. Это и определяет степень актуальности данного диссертационного исследования, где для объективной оценки роли русских и советских ученых в развитие науки в Таджикистане, рассматривается научная деятельность Б.И. Маршака, одного из видных, ярких, маститых представителей мировой исторической науки.

---

¹ См.: Рахматова З.Ю. Вклад русских ученых в формирование и развитие естественных наук Таджикистана во второй половине XIX - начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. – Душанбе, 2009. – 167 с.; Тожиев Э.И. Вклад академика Б.А. Литвинского в изучение истории культуры Северного Таджикистана : дисс. ... канд. ист. наук. – Душанбе, 2009. – 178 с.: ил.; Шарофуддинов С.С. Вклад академика В.В. Бартольда в изучение истории и культуры таджикского народа IX-XV вв.: дис. ... канд. ист. наук. – Душанбе, 2014; Сайфуллоев Н. Вклад Ранова В.А. в изучение каменного века Таджикистана: дис. ... канд. ист. наук. – Душанбе, 2015. – 165 с.; Икромов Н., Рахимов Н. Сахми шаркшиносони рус дар омузиши таърих ва маданияти аҳолии шимоли Тоҷикистон (1867-1917). – Хучанд, 2015. – 124 с.; Вклад российской науки в изучение уникального историко-культурного и природного богатства Таджикистана: сборник материалов Международной научной конференции, посвящённой 200-летию российского востоковедения (г. Худжанд, 23 ноября 2018 года). Серия: «Евразийский перекресток». Вып. 11. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2019. – 362 с. и др

В 1951 году в структуре Академии наук Таджикской ССР был создан самостоятельный Институт истории, археологии и этнографии, который возглавил учёный с мировым именем – академик А.А. Семенов, который явился организатором исторической науки в Таджикистане, создал национальную научную школу учёных-историков. Он же был инициатором проведения обширных археологических работ в республике. Именно благодаря его настойчивости в 1958 году была создана Пенджикентская археологическая база, на которой, по сути, и проходил весь объем научно-практической деятельности Б.И. Маршака.

Борис Ильич Маршак – археолог, историк искусства, востоковед, доктор исторических наук, член Американского Археологического Института, почетный иностранный член французской Академии Надписей и Изящной Словесности, член-корреспондент Итальянского Института Африки и Востока, почетный член Королевского Азиатского Общества Соединенного Королевства¹

Б.И. Маршак, сын писателей М. Ильиной и Е. Сегала, родился 9 июля 1933 г. в городе Луга Ленинградской области. Детство его прошло в Ленинграде, но во время войны семья была эвакуирована и вернулась в Ленинград в 1957 году. Всю свою жизнь Б.И. Маршак прожил в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург). Научная же его жизнь была связана с Таджикистаном.

В 1951 г. Б.И. Маршак поступил в Московский государственный университет, где закончил кафедру археологии Исторического факультета. В 1954 году впервые поехал на раскопки городища древнего Пенджикента в Таджикистан, и с тех пор только один сезон – 1956 г., пропустил из-за военных сборов в МГУ. По окончании вуза был принят на работу в Институт истории Академии наук Таджикской ССР. В 1958-1961 гг. – аспирант Государственного Эрмитажа. По окончании аспирантуры становится сотрудником Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Успешная археологическая практика позволила Борису Ильичу в 1965 г.

---

¹ См.: Каримова Г.Р. Археологи Таджикистана. – Самарканд: МИЦАИ, 2021. – С. 250.

защитить кандидатскую диссертацию по теме «Керамика Согда V-VIII веков как историко-культурный памятник (к методике изучения керамических комплексов)»¹. В 1980 г. защитил докторскую диссертацию по теме: "История восточной торевтики III-XI вв. и проблемы культурной преемственности"². С 1978 г. Б.И. Маршак становится заведующим сектором Средней Азии и Кавказа, кем и оставался до последних дней жизни, а также бессменным руководителем Пенджикентской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа, на этом посту он сменил А.М. Беленицкого.

В научном творчестве Борис Ильич не ограничивался только исследованиями Средней Азии. Его научные интересы с аспирантских времен в основном охватывали временной промежуток от III до XIII вв. н. э. Если суммировать его опубликованные работы, написанные за время исследовательской деятельности, то получится, что хронология его исследований включает период истории от античной торевтики Бактрии до серебра Золотой Орды. География же охватывает территории от Северного Китая и Монголии до Западной Европы. В последние годы своей жизни он с огромным интересом исследовал раннесредневековое небуддийское искусство Тибета³.

Богатейшее и абсолютно уникальное творческое наследие Б.И. Маршака по-прежнему вызывает живой интерес. Научные идеи, высказанные им в его трудах, сохраняют свою значимость и актуальность до сегодняшнего дня. Научные разработки и отдельные аспекты его творчества дают наглядный пример серьезного историографического анализа. Научным подвигом Б.И. Маршака считается созданная им научная методика, а также школа единомышленников – учеников и последователей,

---

¹ См.: Маршак Б.И. Керамика Согда V-VII веков как историко-культурный памятник: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1965.– С. 88.

² См.: Маршак Б.И. История восточной торевтики III-XI вв. и проблемы культурной преемственности: автореферат дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1980. – 36 с.

³ См.: Предисловие // Согдийцы, их предшественники, современники и наследники: на основе материалов конференции «Согдийцы дома и на чужбине», посвященной памяти Бориса Ильича Маршака (1933–2006) / Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 62. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. – С. 7.

учеников его учеников, которые сегодня продолжают его работу и сами возглавляют команды исследователей во многих научных коллективах.

Основная сфера научных разработок связана с археологией цивилизации и культуры Согда; это торевтика и восточное серебро, метрология, история религий, политическая история Востока, методология археологических исследований и методика раскопок, издание и интерпретация восточных текстов и множество других не менее важных направлений. Последние годы жизни Б.И. Маршак посвятил изучению искусства и истории Тибета, венцом которого стало направление – "Согдийцы на чужбине". Данная тема основана на согдийских находках известных погребальных памятников, открытых в Китае. Б.И. Маршак – один из авторитетных авторов второго тома 6-томной "Истории таджикского народа", в котором его перу принадлежат раздел "Изобразительное искусство" и глава "Материальная культура V-VIII веков". Б.И. Маршак являлся одним из организаторов публикации монографической серии "Материалы Пенджикентской археологической экспедиции" (МПАЭ), издающейся с 1999 года в Государственном Эрмитаже. Он является автором более трёхсот научных трудов и нескольких монографий.

Еще при его жизни получил заслуженное признание подвижнический труд Б.И. Маршака. Он – обладатель почетного звания «Заслуженный деятель науки Таджикской ССР». Награжден орденом Дружбы (Дусти) Республики Таджикистан. Член Академии наук Франции, член-корреспондент Итальянского Института изучения Африки и Востока, почетный член Королевского Азиатского общества Великобритании и Ирландии, почетный член Археологического Института Америки, член Института передовых исследований Принстона (США), Лауреат премии академика Р. Гиршмана Академии наук Франции и Смитсонского Института (США). В 2003 году удостоен премии Фирдоуси (Лондон).

Профессор университетов Вены, Рима, Пенсильвании, а также Йельского Университета (США)¹.

Важность исследования жизни и творчества, исторических воззрений и научных открытий ученого повышается разработкой основополагающих проблем, встающих перед новым поколением исследователей. Творчество Б.И. Маршака находится в неразрывной связи с наследием ведущих учёных. Имя Б.И. Маршака стоит в одном ряду с известными и выдающимися учеными прошедшего столетия.

Не только в Средней Азии и России, но и далеко за их пределами каждый археолог стремится научно обосновать всю сложность и справедливость своих научных открытий. Этому посвящается вся трудовая деятельность, которая отражается также в научно-популяризаторской, воспитательной и публицистической сферах. Борис Ильич Маршак как яркий представитель именитой Ленинградской (ныне Санкт-Петербургской) школы учёных не обходился без этой деятельности и не сторонился её. Напротив, солидный список публикаций и разносторонний и разнонаправленный тематический профиль его исследований – наглядное подтверждение вышесказанному. О том же свидетельствуют присвоенные ему почетные звания, награды и титулы. Его имя всегда ассоциируется с исследованиями высокого профессионального теоретического уровня. Проводится ли археологический анализ стратиграфии древнего памятника или находок раннесредневековой керамики, описываются или анализируются результаты раскопок Пенджикента, или изучения сасанидской и согдийской теревтики, или уникальных сюжетов фресок, изображений на художественном металле работы сасанидских, согдийских и раннехристианских мастеров – всё это выполнено мастерски. Певец согдийского искусства, поэт согдийской живописи – таким был и останется в памяти поколений Борис Ильич Маршак, чьи труды пользуются мировой известностью.

---

¹ См.: Каримова Г.Р. Борис Ильич Маршак // АРТ. – Душанбе, 2007. – Вып. 31. – С. 250.

Ни для кого не секрет, что также с именем этого удивительного человека ассоциируется возникновение и развитие особого направления научной популяризации. Мало кто отдаёт время и практикует данное направление в своей научной деятельности. Однако Б.И. Маршак отводил важное место популяризации научных знаний и открытий. Он обладал редким даром захватывающе интересно рассказывать о научных открытиях, привлекая внимание к теме рассказа.¹

Достаточно простого знакомства или просмотра его научно-популярных книг и очерков, чтобы понять особую направленность творческого поиска автора. Для Б.И. Маршака было важно показать обычные явления, полученные в результате раскопок, сохраняя при этом научную безупречность их интерпретации². Но основной чертой являлось исключительное умение творческим методом привлечь слушателя, направить внимание на объект повествования. При этом занимательность изложения отнюдь не являлась самоцелью.

Острое научное мышление, остроумное, порой неожиданное истолкование, знание и использование многочисленных научных, литературных фактов и сюжетов приводили к появлению значительных научно-художественных произведений³. При этом, напротив,

---

¹ См.: Рахматуллаев И. Городище древнего Пенджикента – первый археологический музей-заповедник Таджикистана // 50 лет раскопок древнего Пенджикента: тез. докл. научной конференции в г. Пенджикенте (15-20 августа 1997 года). – Пенджикент, 1997. – С. 18-21; Каримова Г.Р. Борис Ильич Маршак // АРТ. – Душанбе, 2007. – Вып. 31. – С. 248-257; Лурье П.Б. Из истории Пенджикентской археологической экспедиции // Экспедиции. Археология в Эрмитаже / Государственный Эрмитаж. – СПб.: АО «Славия», 2014. – С. 252-265.

² См.: Маршак Б.И., Распопова В.И. Раскопки в Пенджикенте и открытие согдийской культуры // 50 лет раскопок древнего Пенджикента: тез. докл. научной конференции в г. Пенджикенте (15-20 августа 1997 года). – Пенджикент, 1997. – С. 9-12.

³ См., например: Маршак Б.И. Историко-культурное значение согдийского календаря // Мировая культура: традиции и современность. – М., 1991. – С. 183-197; Маршак Б.И. Сюжеты повествовательных росписей в домах Пенджикента // 75 лет Отделу Востока: материалы юбилейной научной сессии. – СПб. 1994. – С. 31-36; Он же. Миф о Нане в искусстве Согда // 50 лет раскопок древнего Пенджикента: тез. докл. научной конференции (15-20 августа 1997 г.). – Пенджикент, 1997. – С. 22-24 (в соавторстве с Ф. Гренэ); Он же. Indian motifs in Sogdian art // Fifteenth International Conference on South Asian archaeology: Abstracts. – Leiden, 1999. – P. 27-28; Он же. Legends, Tales, and Fables in the Art of Sogdiana / with an Appendix by V.A. Livshits. – New York, 2002. – (Biennial Ehsan Yarshater Lecture Series. No. 1).

художественность изложения, объясняющего научные истины, – это сущность литературного и популяризаторского метода Бориса Ильича¹.

Профессор Б.И. Маршак никогда не был кабинетным научным деятелем. Он активно участвовал в экспедициях, оперативно откликался в печати на каждое научное достижение и открытие. Б.И. Маршак одну из первых своих популярных брошюр опубликовал на тему сюжетов живописи². Он часто читал лекции в рабочих, школьных и профессиональных аудиториях³.

Педагогическая деятельность Б.И. Маршака отмечена подлинным талантом профессионала. Он читал лекции на разных языках в различных учебных заведениях на протяжении ряда лет,⁴ тем самым также расширяя аудиторию своих слушателей.

Книги Б.И. Маршака продолжают служить народу – они пользуются неизменным успехом у читателей и переиздаются⁵. Так, книга «История восточной торевтики III-XIII вв. и проблемы культурной преемственности», изданная в 1986 г. в ГДР на немецком языке, была переиздана в России в 2017 г. Так же широко востребованная коллективная работа: Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А. «Анализ археологических источников: возможности формализованного подхода» была переиздана в 2013 г. Книги Б.И. Маршака широко известны и за рубежом. Они переведены на венгерский, болгарский, английский, французский, немецкий и многие

---

¹ Каримова Г.Р. Борис Ильич Маршак // АРТ. – Душанбе, 2007. – Вып. 31. – С. 248-257.

² Маршак Б.И. Живопись средневекового Востока: Каталог выставки [Государственный Эрмитаж]. – Л., 1967. – С. 9-11; Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Росписи древнего Пенджикента // Декоративное искусство. – М., 1977. – № 9. – С. 38-39 и др.

³ Личное сообщение в интервью с С. Марофиевым в передаче «Зов веков», телевидение Ленинабада.

⁴ Shkoda V. Marshak's Bibliography and CV // Eran ud Aneran. Studies presented to Boris Plich Marshak on the Occasion of His 70th Birthday / ed. by M. Compareti, P. Raffetta, G. Scarcia. – Venice, 2006. – С. 5-19.

⁵ См.: Маршак Б.И. История восточной торевтики III-XIII вв. и проблемы культурной преемственности. / под ред. В.П. Никонорова. – СПб.: Академия исследования культуры, 2017.

другие иностранные языки¹. Это также является наивысшим показателем уровня популяризации его научных достижений.

Борис Ильич принадлежал к элитарному типу языковой среды, будучи лучшим из популяризаторов исторической науки. Его научные интересы охватывают очень важные стороны исследований деятельности человека. Это материальная и духовная культура, ее знаковость, понимание места и роли народа в истории и т. д.

Популяризация открытий и достижений в исследуемой области, в частности в археологии, являлась основной целью его популяризаторской деятельности. Его знания, стремление и умение донести значимость и важность сделанных открытий в археологии, предоставить другим возможность их понять и оценить по достоинству также показывает основные причины изысканий в области популяризации. Научно-популяризаторскую и просветительскую деятельность Б.И. Маршака, несомненно, можно расценивать как научный подвиг. Прежде всего, отметим целый ряд мастерски написанных им научных монографий, которые уже в 1970-е годы стали настольными книгами для тех исследователей, которые занимались поиском новых путей и инновационных методов комплексных исследований. Здесь, прежде всего, стоит назвать труды: "Работа над кодами для описания массового археологического материала в Отделении Средней Азии Отдела Востока Гос. Эрмитажа"²; "Статистико-комбинаторные методы в археологии"³; "Анализ археологических источников: Возможности формализованного

---

¹ См.: Всевиов Л.М., Шкода В.Г., Распопова В.И., Лурье П.Б., Торгоев А.И. Библиография Б.И. Маршака // Маршак Б.И. История восточной тюрвтики III-XIII вв. и проблемы культурной преемственности / под ред. В.П. Никонорова. – СПб.: Академия исследования культуры, 2017. – С. 19-40.

² См.: Балашова Г.Н., Кондратьева Ф.А., Маршак Б.И. Работа над кодами для описания массового археологического материала в отделении Средней Азии Отдела Востока Гос. Эрмитажа // Проблемы археологии Средней Азии. – Л., 1968. – С. 73-75.

³ См. Колчин Б.А., Маршак Б.И., Шер Я.А. Археология и математика (вместо предисловия). // Статистико-комбинаторные методы в археологии. – М.: Наука, 1970. – 220 с.

подхода"¹ и ряд других книг. Но особенно Б.И. Маршак преуспел в написании научно-популярных книг и брошюр, посвященных искусству и живописи Согдийской культуры в целом и Пенджикента в частности. Неудивительно, что эти работы были востребованы тогда, и до сих пор пользуются большим успехом. Приведём их названия, чтобы ещё раз продемонстрировать разносторонность интересов и широкую эрудированность учёного: *Legends, Tales and Fables in the Art of Sogdiana / Bibl. Persica Press. – New York, 2002*; *Murals along the Silk Road. – St. Petersburg (co-authors A.I. Kossolapov). "Formica"; Sokrovishcha Khana Kubrata. Pereshchepinskii klad. (Treasures of Khan Kubrat: The Hoard from Pereshchepino). – St. Petersburg, 1997 (co-authors V. Zalesskaia and others)*; *The Treasures of Khan Kubrat. – St. Petersburg, 1997 (co-authors Z. Lvova and others)*; *Treasures from the Ob' Basin (in Russian with the English title and summary). Exhibition Catalogue. – St. Petersburg, 1996 / Editing (co-editor M. Kramarovsky), Introductory Article, 24 entries*; *Silberschätze des Orients. Metallkunst des 3-13. Jahrhunderts und ihre Kontinuität. – Leipzig, 1986*; *The Painting of Sogdiana (co-author A. Belenitskii). Part one of the book: Azarpay G. Sogdian Painting. Berkeley; Los Angeles; London, 1981:11-77*; *Sogdian Silver (in Russian with large English summary). – Moscow, 1971*².

Помимо своих монографий и научно-популярных книг, Б.И. Маршак инициировал подготовку и издание ряда сборников, таких как Материалы

---

¹ См.: Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода) / отв. ред. Д.Г. Лахути; Гос. Эрмитаж. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1975. – 174 с.

² См.: *Legends, Tales and Fables in the Art of Sogdiana / Bibl. Persica Press. – New York, 2002*; *Murals along the Silk Road. – St. Petersburg (co-authors A.I. Kossolapov). "Formica"; Sokrovishcha Khana Kubrata. Pereshchepinskii klad. (Treasures of Khan Kubrat: The Hoard from Pereshchepino). – St. Petersburg, 1997 (co-authors V. Zalesskaia and others)*; *The Treasures of Khan Kubrat. – St. Petersburg, 1997 (co-authors Z. Lvova and others)*; *Treasures from the Ob Basin (in Russian with the English title and summary). Exhibition Catalogue. – St. Petersburg, 1996. Editing (co-editor M. Kramarovsky), Introductory Article, 24 entries*; *Silberschätze des Orients. Metallkunst des 3-13. Jahrhunderts und ihre Kontinuität. – Leipzig, 1986*; *The Painting of Sogdiana (co-author A. Belenitskii). Part one of the book: Azarpay G. Sogdian Painting. – Berkeley; Los Angeles; London, 1981:11-77*; *Sogdian Silver (in Russian with large English summary). – Moscow, 1971.*

Пенджикентской археологической экспедиции (МПАЭ)¹. Важно отметить, что с выходом этого сборника отчётов Пенджикентской археологической экспедиции стали доступными для научного пользования материалы, изначально обречённые оставаться только в архивном пользовании. Издание не ограничено в объёме, сопроводительных иллюстрациях и таблицах. Кроме того, в связи с расширенной тематикой исследований, предполагающей комплексность, приводятся отчёты профильно-экспериментального порядка²

За эту его широкую просветительскую деятельность Б.И. Маршак был провозглашён иностранным членом Французской Академии надписей и изящной словесности (Institute de France), почетным действительным членом Королевского Азиатского общества Великобритании и Ирландии и ряда других весьма почтенных научных обществ. Отмечались уникальные черты характера и способности Б.И. Маршака и среди его коллег и в кругу друзей. Он пользовался авторитетом как интеллектуал с обширной научной эрудицией. Перечислялся ряд компонентов, создающих его творческую личность, – генетический (связанный с его родителями и родными), воспитание (связанное с его именитыми наставниками), образование (связанное с обучением в МГУ у известных и заслуженных ученых-преподавателей)³.

Видимо, полученное им образование занимало в этом не последнее место: исторический факультет МГУ, кафедра археологии того времени и наставления преподавателей А.В. Арциховского, С.В. Киселева и других выдающихся ученых, которые сами активно пропагандировали достижения науки.

Своё научное и практическое образование Б.И. Маршак поддерживал и развивал на протяжении всей своей жизни. Он работал в высоконаучной

---

¹ См.: Лурье П.Б. К юбилею Валентины Ивановны Распоповой // Археологические вести / Ин-т истории материальной культуры РАН. Вып. 32 / [гл. ред. Н.В. Хвоцинская]. – СПб., 2021. – С. 10-19.

² См.: МПАЭ. – 2021 – Вып. 16.

³ См.: Шер Я.А., Каменецкий И.С. Борис Ильич Маршак (1933- 2006) // РА. – 2007. – № 4. – С. 187.

среде, что очень способствовало научному познанию. Атмосфера тесного творческого сотрудничества, сложившаяся между Эрмитажем и Институтом истории материальной культуры Российской академии наук, способствовала его становлению как учёного. Годы работы под руководством А.М. Беленицкого, сотрудничество с А.В. Банк, К.В. Тревером, В.Г. Лукониным, В.А. Лившицем, А.А. Ивановым, Е.В. Зеймалем, со своими таджикскими, узбекскими и французскими коллегами не могли не оставить свой след.

Талант Б.И. Маршака как ученого и лектора полностью раскрылся в 1980-е и последующие годы, когда после А.М. Беленицкого он возглавил Пенджикентскую миссию и начал выезжать за границу с лекциями и семинарами по приглашениям европейских и американских университетов. В качестве приглашенного профессора он читал лекции в Лондоне и Вене, в Вашингтоне, округ Колумбия, Принстоне, Нью-Йорке и Йеле, в Риме и Париже, в образовательных и научных центрах ряда других городов¹

Стоит отметить, что научные интересы Б.И. Маршака не ограничивались только центральноазиатскими проблемами теоретической археологии, которые привели к появлению отдельных статей и книги "Анализ археологических источников" (Москва, 1975). В научном сообществе и по сей день остаётся актуальной устроенная им выставка в середине 1980-х годов, на заседании Восточного отдела Государственного Эрмитажа, посвященная африканской прародине человека, по результатам работы американских генетиков во главе с Р. Канном, опубликованной в журнале "Nature". Это было первое исследование по данной проблеме, представленное на русском языке.

Б.И. Маршак был коммуникабельным и как автор, и как соавтор. Статьи и книги, написанные в соавторстве с А.М. Беленицким, коллегами и учениками, а также с супругой, Валентиной Ивановной Распоповой, составляют объёмный список. Но кроме соавторства Б.И. Маршак активно

---

¹ См.: Шер Я.А., Каменецкий И.С. Борис Ильич Маршак (1933- 2006) // РА. – 2007. – № 4. – С. 188.

сотрудничал с различными научными журналами, как отечественными, так и зарубежными.

Согласно информации о научных контактах, с 1990-х гг. Б.И. Маршак и В.И. Распопова все чаще выезжали в командировки за границу (в США и Францию), и публиковали там большие статьи, где пенджикентские росписи вводились в научный оборот с неременным учетом археологического контекста¹ (Marshak, Raspopova, 1990; 1991; 1992; 2001; *Une image sogdienne du dieu patriarche de l'agriculture // StIr. T. 16/2. P. 193-199* (в соавторстве с В.И. Распоповой); *Les nomades et la Sogdiane // Nomades et sédentaires en Asie centrale. Apports de l'archéologie et de l'ethnologie. Actes du colloque franco-soviétique. Alma Ata (Kazakhstan, 17-26 octobre 1987), Paris. – P. 179-185* (в соавторстве с В.И. Распоповой); *Wall Paintings from a House with a Granary: Panjikent, 1st Quarter of the Eighth Century A.D. // SRAA. – Vol. 1. – P. 123-176* (в соавторстве с В.И. Распоповой); *Cultes communautaires et cultes privés en Sogdiane // Histoire et cultes de l'Asie Centrale préislamique. Sources écrites et documents archéologiques. Actes du Colloque. – P. 187-195* (в соавторстве с В.И. Распоповой); *A Hunting Scene from Panjikent // BAI. NS. – Vol. 4 [1990]. P. 77-94* (в соавторстве с В.И. Распоповой); *"L'Art Sogdien (IV – IXe siècle)". В разделе Les Arts de l'Asie Centrale / P. Chuvin, ed. – Paris, 1999. – P. 114-163; "Les fouilles de Pendjikent", CRAI, 1990: P. 286-313; "Les nomades et la Sogdiane" (соавтор В. Распопова). В кн.: *Nomades et sedentaires en Asie Centrale, Paris, 1990: 179-85.**

Его научные заслуги не остались незамеченными и были высоко оценены Правительствами Республики Таджикистан (Орден Дружбы, 1999 г.) и Российской Федерации (Орден Почета, 2005 г.). Он был иностранным членом Института Франции, почетным членом Американского Археологического института, почетным членом Королевского Азиатского общества Великобритании и Ирландии, членом-корреспондентом Римского

---

¹См.: Лурье П.Б. К юбилею Валентины Ивановны Распоповой // Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. Вып. 32 / [гл. ред. Н.В. Хвоцинская]. – СПб., 2021. – С. 10-19.

института Среднего и Дальнего Востока. Но, прежде всего, Борис Ильич был добрым и обаятельным человеком.

Таким образом, исследование научной деятельности Б.И. Маршака показывает, что все его исследования были связаны с историей и культурой согдийцев – предков таджиков. Тем самым ученый внес большой вклад в изучение древней и раннесредневековой истории таджикского народа.

1.2. Научная школа и публицистическая деятельность Б.И. Маршака

Творческая биография Б.И. Маршака не ограничивалась только научной деятельностью. Будучи человеком харизматичным и увлечённым, он умел заинтересовать студентов, и его роль в подготовке высококвалифицированных специалистов-археологов действительно велика. Далек не все заслуженные исследователи могут похвастаться таким количеством неофициальных учеников, как он. А число студентов, с интересом посещавших лекции по искусству Согда, Согдийской культуре и цивилизации, археологии Согдианы и восточному серебру, политической истории Востока, истории религий, метрологии, изданию и интерпретации восточных текстов, методологии археологических исследований, которые Борис Ильич читал в разных университетах, сложно подсчитать. Обладатель почетного звания Заслуженный деятель науки Таджикской ССР, почетный член археологического Института Америки, член Института передовых исследований Принстона (США). Лауреат премии Академии наук Франции и Смитсонского Института (США), Профессор университетов Вены, Рима, Пенсильвании, а также Йельского Университета (США) – это яркое свидетельство официального признания его заслуг как исследователя и педагога. Даже несмотря на преклонный возраст, Б.И. Маршак продолжал работать со студентами, читал курс истории и религии Востока¹.

---

¹ См.: Каримова Г.Р. Борис Ильич Маршак // АРТ. – 2007. – Вып. XXXI. – С. 257.

Обучение у Б.И. Маршака прошли десятки молодых студентов, аспирантов, стажеров, работающих в настоящее время в различных университетах, музеях, научных центрах нашей страны и за рубежом. Немногие археологические экспедиции практиковали метод обучения путем научных докладов, сделанных многочисленными уже хорошо известными и/или только начинающими исследователями после сложнейших, а иногда и тяжелейших раскопок на городище древнего Пенджикента. В Пенджикентской археологической экспедиции такая традиция, заложенная ещё А.М. Беленицким, свято продолжалась всеми руководителями раскопок, и особенно Б.И. Маршаком. И. Рахматуллаев, Д. Абдуллаев, Ш.Ф. Курбанов и Г.Р. Каримова в личной беседе рассказали, что у Бориса Ильича была традиция водить по городищу Пенджикент экскурсии для всех аспирантов, студентов, кто приехал в Пенджикентскую экспедицию впервые¹. А традиция делать доклады сохранилась в экспедиции и до сегодняшнего дня².

Б.И. Маршак в лекциях по теории археологии и искусства всегда широко использовал новейшие, и прежде всего собственные, научные достижения, которые всегда воспринимались положительно и пользовались большим успехом у коллег.

Б.И. Маршак никогда не ставил целью получение каких-либо руководящих должностей. Тем не менее, все годы работы в Государственном Эрмитаже он был фактически научным руководителем всех теоретических работ в области вычислительной технологии археологических исследований и раскопок. В связи с этим, как результат, появлялись новые направления исследований. Это, прежде всего, теоретические и методологические направления по проблемам искусства³ и

---

¹ См.: Личные сообщения И. Рахматуллаева, Д. Абдуллаева, Ш.Ф. Курбанова и Г.Р. Каримовой.

² См.: Личное сообщение П.Б. Лурье.

³ См.: Маршак Б.И., Распопова В.И., Шкода В.Г. Новые исследования согдийской культуры в Пенджикенте // АВ. – № 2. – С. 91-102; Marshak B.I. Le programme iconographique des peintures de la «Salle des Ambassadeurs» à Afrasiab (Samarkand) // Arts Asiat. – Т. X, IX. – P. 1-20 и др.

систематическим исследованиям¹, затем – методы проектирования координационных систем на точки фиксации раскопок объектов², идентификация и реконструкция объектов и совмещение раскопов³ и др.

Известно, что ученые подразделяются на отдельные категории по следующим признакам: 1) первооткрыватели-первопроходцы; 2) творцы-иллюстраторы; 3) пропагандисты-просветители. Первые открывают новое явление, вторые развивают и инкорпорируют его в виде различных приложений, а третьи доводят и то, и другое до широкой публики в доступной форме. По нашему мнению, Б.И. Маршак был воплощением долга и просветителем по духу. Как иллюстратор, он разработал множество приложений метода случайного поиска ("метод Монте-Карло", который известен под этим названием на Западе)⁴, а как педагог он написал много хороших книг, успешно описывающих преимущества этого метода и важность его практического применения. Б.И. Маршак был теоретиком и экспериментатором, то есть всегда изучал исследуемый предмет в своей математической модели (это осталось у него как хобби). Стоит отметить, что во всех своих научных разработках Б.И. Маршак предпочитал делать расчеты сам, и поручал своим сотрудникам и студентам выполнение только вспомогательных частей исследования (эксперименты, расчеты и т.д.) в соответствии с их научной специализацией. «Момент математики присутствовал в его обучении повсеместно. Составить таблицу с подсчётами

---

¹ См.: Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. в искусстве Пенджикента // История и культура народов Средней Азии (Древность и средние века). – М., 1976. – С. 75-89; Маршак Б.И. Образ мира в позднесасанидской торевтике // Культура Востока: проблемы и памятники: тез. докл. – СПб., 1992. – С. 87-93; Маршак Б.И., Распопова В.И. Связи искусства Средней Азии с искусством стран Дальнего Востока // Средняя Азия и мировая цивилизация: тез. докл. – Ташкент, 1992. – С. 84-86; Маршак Б.И. Согд V-VIII вв. Идеология по памятникам искусства // Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. – М., 1999. – С. 175-191 и др.

² См.: Отчёт о наложении точек фиксации находок на план-схему сети колов раскопок на объектах древнего Пенджикента (Архив отдела археологии, папка П 1990 Аг_TJ_ARCH2-000289. С приложением: Альбом технических чертежей. Объект XXIX).

³ См.: Отчет о научно-исследовательской работе отдела археологии и нумизматики Института истории, археологии и этнографии им А. Дониша за 2000 г.

⁴ См.: Левин В.И. Профессор Л.А. Растринин – ученый и популяризатор науки. К 85-летию со дня рождения // Педагогика и просвещение. – 2014. – № 2. – С. 37-49.

находок по профилям. Сравнить данные с предыдущими результатами. Отобразить в диаграмме. Если возможно, обозначив знаками, выразить формулой. Свои поручения он излагал чётко и доступно»¹.

Как правило, результат переходил в совместные научные работы – это выполненные с другими авторами исследования в пограничных областях, скорее всего, с использованием математического аппарата – статистико-комбинаторные методы в археологии с Б.А. Колчиным и Я.А. Шером², языкового прочтения текстов надписей с А.В. Пайковой³ и П.Б. Лурье⁴, художественно-живописные заключения и лабораторное исследование с А.И. Косолаповым⁵, работа над кодами для описания массового археологического материала с Г.Н. Балашовой и Ф.А. Кондратьевой⁶, анализ сходных информационных процессов в развитии вещей и эволюции живых организмах с М.И. Маршак⁷. Такой подход оказывается успешным только при хорошей интуиции исследователя. А Борис Ильич обладал такой интуицией⁸.

Он был “пишущим” ученым. Его перу принадлежат как многочисленные статьи, доклады, обзоры, монографии, научно-популярные книги, брошюры, так и методички⁹. Художественное изложение материала в его работах всегда отличалось ясным, четким и понятным языком.

---

¹ См.: Личное сообщение Г.Р. Каримовой.

² См.: Маршак Б.И., Колчин Б.А., Шер Я.А. Археология и математика. (Вместо предисловия) // Статистико-комбинаторные методы в археологии. – М.: Наука, 1970. – С. 3-7

³ См.: Маршак Б.И., Пайкова А.В. Сирийская надпись из Пенджикента // КСИА. – 1976 – Вып. 147. – С. 34-38.

⁴ См.: Маршак Б.И., Лурье П.Б. Согдийские надписи // МПАЭ. – 2002. – Вып. 4. – С. 84-86.

⁵ См.: Маршак Б.И., Косолапов А.И. Стенная живопись Средней и Центральной Азии: Историко-художественное и лабораторное исследование. – СПб–1999 С. 57.- 58.

⁶ См.: Маршак Б.И. Балашова Г.Н., Кондратьева Ф.А. Работа над кодами для описания массового археологического материала в Отделении Средней Азии Отдела Востока Гос. Эрмитажа // Проблемы археологии Средней Азии. – Л., 1968. – С. 73-75.

⁷ См.: Маршак Б.И., Маршак М.И. Сходные информационные процессы в развитии вещей и эволюции живых организмах // Количественные методы в гуманитарных науках. – М., 1981- С. 35-40.

⁸ Личные сообщения И. Рахматуллаева и П.Б. Лурье.

⁹ См.: Маршак Б.И. Искусство Тогда // Материалы к методическим программам. – СПб: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2008. – 20 с.; Маршак Б.И., Распопова В.И. К

У Бориса Ильича дар педагога просматривался во всём. Лекции, читанные студентам, аспирантам и научным работникам вузов разных стран, были очень яркими, и за ними были видны эрудированность, хорошее знание материала и умение его преподнести аудитории.

В середине 60-х гг. в Эрмитаже действовал кружок по археологии Согдианы, который вел Б.И. Маршак, в котором среди слушателей был его ученик и последователь В.Г. Шкода¹. Поступив на вечернее отделение кафедры археологии в ЛГУ в 1968 г., В.Г. Шкода сразу выбрал тему по Пенджикенту, руководителем которой стал заместитель начальника Пенджикентской экспедиции Б.И. Маршак. На его курсе кафедры археологии было воспитано много будущих видных археологов Советского Союза. Четыре человека связали свои научные интересы со Средней Азией. Это были Г.П. Иванов, В.А. Завьялов, В.Г. Шкода и Г.Л. Семенов. Последнего Валентин Германович Шкода привел в археологию Пенджикента, они вдвоем учились у Б.И. Маршака².

Руководство аспирантами, соискателями, докторантами и вообще молодыми учеными было наиболее важной частью педагогической деятельности Б.И. Маршака. Число молодых ученых, исследованиями которых он в той или иной форме руководил, всегда было велико. Вот список участников одного года Пенджикентской экспедиции: «Под руководством Б.И. Маршака обмеры архитектурных объектов проводили студенты Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина и Ленинградского инженерно-строительного института О.Д. Богомолова, С.А. Ковалев, Д.Я. Томилло, О.В. Андреева, Е.Е. Кургузова, О.Н. Степанова. Росписи колировали художники И.Г. Нахимов, Д.К. Титов и студентки Н.М. Федорова и Е.П. Ремерова. Студент кафедры археологии ЛГУ Н.Ф. Саввониди провел большую работу по фиксации керамики.

вопросу о методике изучения реалий росписей Средней Азии // Древности Востока: сборник статей к 80-летию профессора Л.Р. Кызласова. – М., 1984 – С. 47-56.

¹ См.: Памяти Валентина Германовича Шкоды // МПАЭ. – СПб., 2012. – Вып. XIV. – С. 7.

² См.: Памяти Валентина Германовича Шкоды // МПАЭ. – СПб., 2012. – Вып. XIV. – С. 9.

Кроме того, в работах экспедиции принимали участие З.А. Короваева, Н.К. Масюлионите, В.В. Ромодин, К.М. Дьяконов. Как и в другие годы, раскопки на городище были возможны лишь благодаря участию учеников старших классов школ г. Пенджикента»¹. Такой обширный список воспитанников, учеников и соратников присутствует в каждом отчёте Пенджикентской археологической экспедиции.

К участникам экспедиции он всегда был доброжелателен и открыт для диалога по обучению, особенно к тем, кто показывал заинтересованность и преуспевал в обучении. Под его руководством (или при его участии как консультанта) было написано и успешно защищено несколько кандидатских и докторских диссертаций. В этом выражалась результативность деятельности Б.И. Маршака как научного руководителя и консультанта аспирантов, соискателей и докторантов. Официально защитившие диссертации – Шкода В.Г. (диссертация на тему: «Пенджикентские храмы и проблемы религии Согда (V-VIII вв.)»), Д. Абдуллаев (в 1980 г. защитил диссертацию на тему: «Пенджикент периода арабского завоевания Средней Азии и вопрос о согдийском культурном наследии»), Ш.Ф. Курбанов (в 1999 г. защитил диссертацию на тему: «Античные памятники Верховья Зеравшана»), И. Рахматуллаев (в 2006 г. защитил диссертацию на тему: «История жилых комплексов согдийского города VII-VIII веков (по материалам объекта XXIII городища древнего Пенджикента»)), Семёнов Г.Л. (кандидатская диссертация по теме «Городские стены раннесредневекового Согда как исторический источник» (1985). Докторская диссертация на тему: «Согдийский город V-XI вв.» (2002)).

Борис Ильич оказывал большое положительное влияние, своим примером демонстрируя порядочность, честность, непреклонность в плане требований научной этики в первую очередь на окружавшую его научную молодежь.

---

¹ См.: Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И. Раскопки древнего Пенджикента в 1980 г. // АРТ. – Душанбе, 1987. – Вып. 20. – С. 255-268.

Конечно, о результатах научной, организационной и педагогической деятельности Б.И. Маршака (наиболее значительных) со всей полнотой рассказать в одном разделе диссертации практически невозможно. Попробуем остановиться на отдельных событиях, связанных с воспитанием последователей и учеников на идеях и открытиях именитого ученого, относящихся преимущественно к пенджикентскому периоду работы Б.И. Маршака согласно воспоминаниям очевидцев, так как отдельных письменно зафиксированных воспоминаний не существует.

Попробуем отразить достижения разработок тем и научных направлений последователями, учениками и коллегами Б.И. Маршака. За последние два десятилетия исследованием жилых кварталов занимались ученики Б.И. Маршака – Д.А. Абдуллаев, И.М. Рахматуллаев, Ш.Ф. Курбанов, П.Б. Лурье.

Открытие уникальных памятников согдийского искусства – стенных росписей и резной скульптуры, принесло всемирную славу Пенджикенту. Пенджикент становится подлинной сокровищницей изучения согдийской живописи до арабской эпохи благодаря детальному изучению этих фресок, проведенному А.М. Беленицким и Б.И. Маршаком, создана специальная лаборатория по их консервации и реставрации. Прямых последователей у данных направлений исследований у Б.И. Маршака нет. Но его разработки активно использовались в разных сферах археологических реконструкций – костюма (исследование В.И. Распоповой), убранства, внешнего облика архитектуры (с В.И. Распоповой и А.Г. Найшулером)¹, воинских облачений (Ю.Я. Якубов и Г.Р. Каримова)², атрибутики (Г.Р. Каримовой)³ – при непосредственном консультировании и по рекомендации учёного.

---

¹ См.: Маршак Б.И., Распопова В.И., Найшулер А.Г. Реконструкция дворца правителей Бухары VII-VIII вв. и жилая архитектура Пенджикента // Материалы I Международного симпозиума «Бухара и мировая культура». – Бухара, 1984 – С. 109-112.

² См.: Якубов Ю.Я., Каримова Г.Р. Случайные находки // АРТ. – Душанбе, 2017. – Вып. 39. – С. 237-252.

³ См.: Каримова Г.Р. Уникальная находка из Пенджикента (к вопросу о символах и культах) // Наследие предков. – Душанбе, 2007. – № 10. – С. 103-128.

Научные исследования Б.И. Маршака тесно связаны с разработкой проблем археологии и истории культуры Согда, и в связи с ними – с постановкой исторических проблем на основе археологического материала, а также эталонных математических методов изучения древней керамики, которые позволяют провести детальное изучение керамики Пенджикента, что привело к созданию сквозной периодизации керамики, которая позволила построить подробнейшую шкалу датировок средневековой керамики Согда¹. О последователях и разработчиках данного направления мы упоминали в разделе «Археологическая шкала датировок средневековой керамики Согда Б.И. Маршака».

Исследование религиозных обрядов согдийцев было впервые предпринято Б.Я. Стависким. Затем эта тематика успешно разрабатывалась В.Г. Шкодой и Г.Р. Каримовой, которые вслед за А.М. Беленицким и Б.И. Маршаком занимались согдийской культовой архитектурой и изучением пенджикентских храмовых сооружений².

Открытие К.Г. Большаковым и Б.Я. Стависким крепостной стены на пенджикентской цитадели, с успехом продолженное А.И. Исаковым, послужило толчком к изучению методов и типов возведения фортификации. Выявленные Б.И. Маршаком и Г.Л. Семеновым местные традиции в фортификации позволили судить о постоянном видоизменении, которое, эволюционируя от нескольких ярусов обороны до фортификационных

---

¹ См.: Маршак Б.И. Керамика Согда V–VII вв. как историко-культурный памятник (К методике изучения керамических комплексов): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1965; Маршак Б.И. Керамика Согда V–VII веков как историко-культурный памятник (К методике изучения керамических комплексов). – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. – 384 с.

² См.: Шкода В.Г. Генезис согдийской культовой архитектуры // Древние цивилизации Евразии: История и культура: тезисы докладов научной конференции. – М., 1998. – С. 99-101; Шкода В.Г. Пенджикентские храмы и проблемы религии Согда (V–VIII вв.). – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. – 280 с.; Каримова Г.Р. Уникальная находка из Пенджикента (к вопросу о символах и культах) // Наследие предков. – Душанбе, 2007. – № 10. – С.103-128; Karimova G.R., Kurbanov Sh. F. Mural Painting from Panjikent (to the Problem of Symbols and Cults) // Miho Museum. – 2008. – Vol. 3. – No 7/8. – P. 196-215; Якубов. Ю.Я., Каримова Г.Р. Зороастризм в древней истории таджиков // Этногенез и этническая история таджикского народа: в 2-х томах. Том 1. – Душанбе: Дониш, 2021. – С. 752-805; Каримова Г.Р. Эволюция духовных координат культовой архитектуры Таджикистана (из древности к исламу) // Муаррих. – 2021. – № 1 (25). – С. 121-129.

монолитных стен, прослеживалось на протяжении V-VIII вв.¹. Исследования Б.И. Маршаком, В.И. Распоповой, Д. Абдуллаевым, И. Рахматуллаевым, Ш.Ф. Курбановым и др. жилых кварталов городища древнего Пенджикента показали, что каждый вновь открытый квартал существенно дополняет знания о раннесредневековом городе².

В конце жизни в одной из бесед Б.И. Маршак, не называя фамилий, скромно обозначил круг представителей своей научной школы, состоящий из докторов и кандидатов исторических наук АН СССР. Он с гордостью заметил, что это далеко не все, кого он может назвать своими учениками. Исследователей, реально прошедших школу Б.И. Маршака в полевых экспедициях, лабораториях, университетах, с полным правом можно определить как научное подразделение – Школу Маршака. Это сегодняшние доктора и кандидаты наук, которые, продолжая его начинания, исследования и проекты, успешно работают в Душанбе, Пенджикенте, Москве, Санкт-Петербурге, Ташкенте, Самарканде, Алма-ате и других городах.

В Пенджикенте при непосредственном участии Б.И. Маршака был организован гуманитарный факультет Свободного университета (сегодня Пенджикентский педагогический институт). В 1990 г. здесь он был утвержден в звании почетного профессора и преподавателя по курсу «Археология и искусство Востока». Небольшой список тем и название институтов, где Б.И. Маршак провел научно-преподавательскую деятельность, более полно позволят представить масштабы его активности в данном направлении.

Май 1995 г. – "Лекции Эхсана Яршатера по иранскому искусству и археологии", Лондонский университет;

---

¹ См.: Семенов Г.Л. Согдийская фортификация Согда V-VIII вв. – СПб., 1996; Семенов Г.Л. Структура согдийского города раннего средневековья // ИМКУ. – 1998. – Вып. 29. – С. 96-108; Семенов Г.Л. Структура согдийского города раннего средневековья // ОНУз . – 1998 . – № 4-5. – С. 30-43.

² См.: Распопова В.И. Раннесредневековый согдийский город (по материалам Пенджикента): дис. ... д-ра ист. наук в форме научного доклада. – СПб., 1993. – 70 с.

1995 г. – 24 лекции по археологии Шелкового пути. Венский университет (Австрия);

Март 1996 г. – "Лекции Акопа Кеворкяна об искусстве и цивилизации Ближнего Востока", Нью-Йоркский университет;

Июнь 1997 г. – четыре лекции на тему: "Согдийское религиозное искусство" в College de France, Париж,

2000 г. – приглашенный профессор Пенсильванского университета. Курс: "Культурные связи Востока и Запада в III-XIII веках".

1989 г. – старший научный сотрудник Смитсоновского института (Галерея Артура Саклера).

1997-98 гг. – Семинар: "Пенджикент. Его искусство и культура". Старший научный сотрудник, CASVA;

1996 г. – приглашенный профессор Университета "Ла Сапиенца", Рим;

1995 г. – приглашенный профессор Венского университета;

1994 г. – старший научный сотрудник Музея искусств Метрополитен;

1992 г. – член Института перспективных исследований, Принстон¹.

Результатом высокого профессионального научного авторитета, общительности, личного обаяния, превосходных качеств лектора и педагога Бориса Ильича стало наличие большого количества коллег и друзей, учеников и последователей.

Единственная и постоянная его спутница, соратница, друг и жена – Валентина Ивановна Распопова, о которой не рассказать было бы несправедливо. Борис Ильич "привел" Валентину Ивановну в Пенджикент, с раскопками которого она, так же, как и он сам, связала всю дальнейшую научную работу. В экспедиции она трудилась до 2009 г. Как в совместной жизни, так и в совместном научном руководстве они прошли рука об руку. Если посмотреть на обложки авторефератов диссертаций, то практически везде где значится руководителем Б.И. Маршак, консультантом назначена

---

¹ Shkoda V. Marshak's Bibliography and CV // Eran ud Aneran. Studies presented to Boris Ilch Marshak on the Occasion of His 70th Birthday / ed. by M. Compareti, P. Raffetta, G. Scarcia. – Venice, 2006. – P. 5-19.

В.И. Распопова и наоборот. Такой научно-воспитывающий тандем всегда был гарантией высокого научного уровня работы.

Очевидец проявления высоких принципов названного тандема П.Б. Лурье пишет: «Многие годы они вместе исследовали древности уникальнейшего памятника Согдийской культуры – древнего Пенджикента в длительных экспедициях, в которых В.И. Распопова выполняла работу художника и фотографа, раскопщика-землекопа и бухгалтера. Валентина Ивановна была заместителем начальника Пенджикентской экспедиции. Она решала многие организационные и все финансовые вопросы: составление отчётной документации и описей, реставрация монет и металлических изделий. Принимала активное участие в воспитании молодого поколения. Экспедиционным руководящим и организующим стержнем в течение десятилетий были погруженный в свои мысли интеллектуал Борис Ильич и бескомпромиссная, встречающая с открытым забралом вызовы реальности Валентина Ивановна. Борис Ильич всегда высоко ценил ее вклад в его успехи. В последние десятилетия их совместной деятельности и после смерти мужа Валентина Ивановна проделала неоценимую работу по подготовке и изданию трудов ученого»¹.

После его смерти с её помощью увидели свет три неизданные монографии Б.И. Маршака² (2009, 2012, 2014); она подобрала материалы для четвертой монографии, в основу которой была положена докторская диссертация Бориса Ильича, в 1986 г. на немецком языке опубликованная в ГДР³; в этом издании были учтены и дополнения (2017)¹; Кроме этого, опубликовала совместное исследование дворца на Кайнаре (2012)².

---

¹ Лурье П.Б. К юбилею Валентины Ивановны Распоповой // Археологические вести. – 2021. – № 32. – С. 10-18.

² См.: Маршак Б.И. Искусство Согда / науч. ред. В.И. Распопова. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. – 64 с.; Маршак Б.И. Керамика Согда V-VII веков как историко-культурный памятник (К методике изучения керамических комплексов) / подгот. к печати В.И. Распоповой. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. – 384 с.; Маршак Б.И. Культурные связи Востока и Европы в тюркитике XI–XIII вв. Серебро с чернью / подгот. к печати В.И. Распоповой. – СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2014. – 175 с.

³ См.: Marschak B. Silberschatze des Orients: Metallkunst des 3. – 13. Jahrhunderts und ihre Kontinuität / Fotos: W. Terebenin; Übertragung aus dem Russischen: L. Schirmer. – Leipzig: VEB E.A. Seemann Verlag, 1986. – 440 S.

Ученики профессора Б.И. Маршака, являясь его последователями, уже сегодня составляют активно практикующую научную школу, которой по плечу ставить и решать актуальные проблемы не только таджикской археологии, но и исторической науки³.

Очень по-доброму и правдиво была дана прощальная оценка и характеристика отношения к Борису Ильичу его учеников: "Он был Преподавателем с большой буквы не только для своих аспирантов, но и для чужих, которые искренне считают его с тех пор своим учителем"⁴. "В памяти его учеников – археологов, историков, искусствоведов, Борис Ильич Маршак останется как ученый с необычайной работоспособностью, талантливый исследователь, полный новаторских поисков и идей, необычайных энциклопедических знаний, педантичной точности в практике исследовательских работ"⁵.

Добротный список работ, основную часть которого составляют публикации по археологии, отражает плодотворную издательскую деятельность Б.И. Маршака. Все публикации от издания отчётов материалов раскопок археологических объектов до монографий характеризуются высоким уровнем и профессиональным знанием описания исследованного материала, глубоким анализом полученных данных, основательной обоснованностью, продуманностью заключений и научностью исторических выводов. Они практически целиком введены в

---

¹ См.: Маршак Б.И. История восточной торевтики III-XIII вв. и проблемы культурной преемственности / под ред. В.П. Никонорова; вступ. ст. Ф. Гренэ. – СПб.: Академия исследования культуры, 2017. – 736 с.

² См.: Маршак Б.И., Распопова В.И. Дворец VI века у подножия цитадели древнего Пенджикента. – СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2012. – 80 с.

³ См.: Рахматуллоев И. Вклад российской науки в историко-археологические исследования Таджикистана // Вклад российской науки в изучение уникального историко-культурного и природного богатства Таджикистана: сборник материалов Международной научной конференции, посвящённой 200-летию российского востоковедения (г. Худжанд, 23 ноября 2018 года). Серия: «Евразийский перекресток». Вып. 11. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2019. – С. 219-223.

⁴ Shkoda V.. Marshak's Bibliography and CV // Eran ud Aneran. Studies presented to Boris Pich Marshak on the Occasion of His 70th Birthday / ed. by M. Compareti, P. Raffetta, G. Scarcia. – Venice, 2006. – С. 5-19.

⁵ Исамиддинов М., Хасанов М. Памяти нашего учителя // Вестник Международного института центральноазиатских исследований. – Самарканд, 2007. – Вып. 5. – С. 66-68

обобщающие труды по истории таджикского народа и Центральной Азии в целом, а также широко используются коллегами, студентами, аспирантами и др. Согласно сделанной подборки публикаций, изданной в разные годы¹, из-под его пера вышло более 300 научных работ, включая 10 монографий. И судя по тому, как работы профессора продолжает издавать его супруга В.И. Распопова, этот список может пополниться ещё не одной статьёй, а может, и монографией. Научное наследие Б.И. Маршака является важнейшей частью таджикской и российской археологической науки. Однако оно не анализировалось и не изучалось при его жизни, а после смерти составлялись лишь полные библиографические списки.

Особо важно сделать акцент на то, что издательская деятельность Б.И. Маршака неоднократно отмечалась коллегами и редакторами издательств, где публиковались его труды. Один из самых маститых редакторов в Академии наук Таджикистана – В.А. Ранов в своем поздравлении с семидесятилетием в сборнике отчётов "Археологические работы в Таджикистане" особо подчеркнул, что "благодаря стараниям руководителя экспедиции рукописи, представленные для печати коллективом пенджикенцев, всегда отличались аккуратностью, выверенностью текста, прекрасным исполнением рисунков и интересным содержанием. Несмотря на то, что Б.И. Маршак публиковал свои работы во многих престижных как отечественных, так и зарубежных изданиях, он всегда считал своим долгом оказывать большое внимание нашему изданию"².

Как выдающийся и признанным учёный, исследователь истории и культуры таджикского народа и народов Центральной Азии, Борис Ильич являлся неременным участником многих международных научных

---

¹ См.: Vsevirov L.M., Škoda V.G. A Bibliography by Boris Il'ič Maršak // *Ērān ud Anērān. Studies Presented to Boris Il'ič Maršak on the Occasion of His 70th Birthday.* – Venezia, 2006. – P. 13-30; Каримова Г.Р. Список основных печатных трудов Б.И. Маршака // АРТ. – 2007. – Вып. XXXI. – С. 252-257; Распопова В.И., Лурье П.Б., Торгоев А.И. Дополнения к библиографии Б.И. Маршака // Согдийцы, их предшественники, современники и наследники: на основе материалов конференции «Согдийцы дома и на чужбине», посвященной памяти Бориса Ильича Маршака (1933-2006). – СПб., 2013. – (ТГЭ. Т. LXII). – С. 10-12.

² Ранов В.А. Начальнику Пенджикентской экспедиции Б.И. Маршаку – семьдесят лет // АРТ. – 2004. – Вып. 29. – С. 25-27.

симпозиумов, конференций, конгрессов, семинаров и тренингов в странах Содружества Независимых Государств, во Франции, в Англии, Германии, США, Иране, Индии, Пакистане.

Многогранность научных исследований Б.И. Маршака представляет широкий диапазон хронологического объёма. Он постоянно занимался вопросами и проблемами археологии, истории архитектуры, этнологии, культурологии Центральной Азии, с пристальным вниманием относился к материалам касательно исторического Таджикистана и таджикского этнокультурного социума.

В первую очередь среди наиболее значимых открытий Б.И. Маршака следует назвать открытие раннесредневековой школы живописи Согдийской цивилизации, которой посвящены многочисленные публикации¹. Именно благодаря раскопочным работам 1960-1970-х годов ТАЭ (Таджикская археологическая экспедиция), руководимой Б.И. Маршаком, мировая наука получила уникальные шедевры монументального искусства и архитектуры по археологическим раскопкам городища древнего Пенджикента. Только в результате раскопок был получен редчайший материал для детальных обобщений. Были открыты монументальные сооружения и очень хрупкие изделия из резного дерева, фризы настенной живописи и глиняной скульптуры. Это – многометровая сюжетная композиция, иллюстрирующая известные сюжеты легенд, сказаний о приключениях литературных героев.

Одним из основополагающих обобщений стала версия, подтвержденная документально и принятая многими зарубежными авторами, сделанная на основе выше названных материалов, посвященная раскрытию посреднической роли согдийцев в трансконтинентальном проекте самой знаменитой в истории торговой дороги по суше – Великого Шёлкового пути, которая также великолепно описана в книге «Стенная живопись

---

¹ См. Vsevirov L.M., Škoda V.G. A Bibliography by Boris Il'ič Maršak // *Ērān ud Anērān. Studies Presented to Boris Il'ič Maršak on the Occasion of His 70th Birthday.* – Venezia, 2006. – P. 13-30.

Средней и Центральной Азии» А.И. Косолапова и Б.И. Маршака¹. Подчеркивается, что согдийцы были купцами, искусными переговорщиками и отважными путешественниками, дипломатами, миссионерами. Б.И. Маршаком предлагается употребление термина "культурная колонизация", так как установлено, что согдийцы при переселении в значительной степени повлияли на материальную и духовную культуру населения тех территорий, на которых они поселились. В.И. Распопова, изучая материальную культуру согдийцев, установила, что в Чаче и Семиречье приезжие согдийцы – специалисты при постройке архитектурных сооружений, руководили местными рабочими и использовали приемы проектирования и возведения зданий, известные в разных районах Средней Азии. Согдийские мастера при тесном контакте с мастерами-строителями других народностей, создали оригинальные произведения искусства. Эти произведения отражают синкретизм культурных традиций разных народов – согдийцев, иранцев, тюрков и китайцев. Исследователи повсеместно и неоднократно отмечали тесное переплетение этих элементов. В связи этим Б.И. Маршак подметил, что "одни и те же явления с равным основанием относят к западным или, напротив, восточным влияниям"². По исследованиям данного направления впервые сопоставлены колористические схемы и палитры художников различных регионов с помощью как историко-художественных, так и лабораторных методов³.

Другому выдающемуся открытию Бориса Ильича Маршака посвящен ряд публикаций по теме историко-культурного наследия Согдийской цивилизации⁴. Значение Б.И. Маршака проявляется не только в том, что он

---

¹ См.: Косолапов А.И., Маршак Б.И. Стенная живопись Средней и Центральной Азии (Историко-художественное и лабораторное исследование). – СПб.: Изд-во «Формика», 1999. – 80 с.

² Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по восточной тюревтике. – М., 1971. – С. 50.

³ См.: Косолапов А.И., Маршак Б.И. Стенная живопись Средней и Центральной Азии (Историко-художественное и лабораторное исследование). – СПб.: «Формика». 1999. – С. 3-14.

⁴ См.: Всевиов Л.М., Шкода В.Г., при участии В.И. Распоповой, П.Б. Лурье и А.И. Торгоева. Библиография Б.И. Маршака // Маршак Б.И. История восточной тюревтики III-XIII вв. и проблемы культурной преемственности / под ред. В.П. Никонорова; вступ. ст. Ф. Гренэ. – СПб.: Академия исследования культуры, 2017. – С. 21-40.

проводил раскопки и сделал ряд фундаментальных открытий, но и в том, что он смог научно задокументировать, определить и показать историческое и культурное наследие Согдийской цивилизации. Целые регионы и города с их многочисленными уникальными памятниками, представлены как важнейшие центры таджикской культуры с древними традициями градостроительства, виртуозными образцами архитектуры, сельского хозяйства и животноводства, развитым ремесленным мастерством, подлинными шедеврами монументального искусства, стали известными благодаря самоотверженному труду ученого. Стоит отметить, что мы пока не знаем других примеров в Центральной Азии, когда можно было бы датировать объекты с точностью до четверти века, как это было обнаружено и установлено по материалам древнего Пенджикента. Это полностью заслуга Б.И. Маршака¹.

Книга "История восточной торевтики III-XIII вв. и проблемы культурной преемственности" (2017)² представляет собой переработанную и существенно дополненную версию докторской диссертации Б.И. Маршака, защищенной в 1982 году и опубликованной в 1986 году в ГДР на немецком языке. Текст и пояснительная часть русского издания, по сравнению с немецким, серьезно расширены. По предложению В.И. Распоповой, добавлено несколько работ Б.И. Маршака, написанных им после публикации немецкой версии его диссертации и полностью соответствующих ей по своей тематике. Прежде всего, это монография о культурных связях Востока и Европы в торевтике XI-XIII вв.³, введенная в часть I как глава 4⁴ взамен небольшого раздела "К торевтике крестоносцев"

---

¹ См.: Исамиддинов М., Хасанов М. Памяти нашего учителя // Вестник Международного института центральноазиатских исследований. – Самарканд, 2007. – Вып. 5. – С. 66-68.

² См.: Маршак Б.И. История восточной торевтики III-XIII вв. и проблемы культурной преемственности / под ред. В.П. Никонорова. – СПб., 2017.

³ См.: Маршак Б.И. Культурные связи Востока и Европы в торевтике XI-XIII вв. Серебро с чернью. – СПб: Изд-во Политехн. ун-та, 2014. – 176 с.

⁴ См.: Маршак Б.И. История восточной торевтики III-XIII вв. и проблемы культурной преемственности / под ред. В.П. Никонорова. – СПб.: Академия исследования культуры, 2017. – С. 146-252.

главы 3 немецкого издания¹, а также две статьи: одна – об интереснейшем памятнике византийской торевтики XII – начала XIII в. – серебряном блюде со сценой полета Александра Македонского, обнаруженном в с. Мужы Ямало-Ненецкого автономного округа²; другая касается серебряных сосудов IV-XIV веков, найденных на территории России и представляющих собой свидетельство существования интенсивного товарообмена вдоль Северного побережья³. Дополнительным материалом стала небольшая статья методологического характера, ранее не публиковавшаяся, о принципах выхода восточных торевтических продуктов.

Редактор этого издания, В.П. Никоноров, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории материальной культуры Российской академии наук, счел необходимым включить в книгу очень короткую, но вполне информативную статью Б.И. Маршака из каталога парижской выставки 2006 года, посвященную искусству Сасанидов, которая ввела в научный оборот малоизвестную серебряную пластину со сценой охоты на льва, изготовленную в Хорасане в конце VIII – начале IX веков.⁴

Переиздание монографии на русском языке доказало, что и спустя 30 лет эта работа продолжает сохранять инновационное значение, поскольку она не только охватывает период более тысячи лет и огромную территорию, но и предлагает совершенно новый метод визуализации памятников восточной торевтики, по которому можно определить место постройки. Относительная и абсолютная хронология более чем 150 сосудов представлена драгоценными металлами, украшенными различными

---

¹ См.: Маршак Б.И. Вильгортская и черниговская серебряные чаши // Тезисы докладов 3-й Республиканской научной конференции по проблемам культуры и искусства Армении. – Ереван, 1977; – С. 52-54, 139-140.

² См.: Маршак Б.И. Серебряное блюдо со сценой полета Александра Македонского // Византино-россияка. – СПб., 2003. – Т. 2. – С. 1-41; Marschak B. Central Asia from the Third to the Seventh Century // Nomads, Traders and Holy Men along China's Silk Road: Papers presented at a Symposium held at the Asia Society in New York, November 9-10, 2001. Turnhout (Silk Road Studies. VII). 2003. – P. 11-23.

³ См.: Маршак Б.И., Залеская В.А., Львова З.А., Соколова И.В., Фоякова Н.А. Злато на хан Кубрат. Перешчепинското съкровище. – София, 2006.

⁴ См.: Marshak B. Le décor de la vaisselle en argent à la in de la période sassanide et au début de l'époque islamique // PS. – 2006. – P. 76-79.

орнаментами и изображениями. В результате после тщательного изучения изделий древних мастеров, хранящихся в различных музеях и частных коллекциях, Б.И. Маршак первым в мировой исторической науке обоснованно выделил местные школы торевтики в Иране, Согде, Хорезме, Тохаристане, эфталитских владениях и других территориях Ближнего Востока и Центральной Азии. Самым важным результатом великолепной работы Б.И. Маршака стало появление первой полной истории Восточной торевтики, начиная с III и до XIII в. ¹.

Эта книга, до сих пор не имеющая аналогов в отечественной и зарубежной историографии, бесспорно, представляет собой исключительно уникальный вклад в наши представления о культуре и искусстве Востока в позднеантичную и средневековую эпохи.

Сформировав с самых первых публикаций своеобразный фундамент приоритетных направлений, он постоянно и планомерно их разрабатывал, возвращаясь к ним снова и снова. Одной из этих областей была керамика, которой он посвятил свою кандидатскую диссертацию, защищенную в 1965 г. и опубликованную впоследствии стараниями В.И. Распоповой², о которой мы говорили ранее в разделе о керамике. Другой привилегированной областью исследований стала торевтика, объединяющая работы разных лет, по совокупности которых им была защищена в 1982 г. докторская диссертация, о которой также говорилось ранее.

Б.И. Маршак глубоко и досконально исследовал произведения средневековых торевтов из Восточной и Западной Европы, что значительно расширило историческое и культурное значение его творчества. Высказанные в нем наблюдения и выводы, в том числе методологического характера, чрезвычайно важны и полезны для дальнейшего познания искусства древности на всем Евразийском континенте. Немалое внимание

---

¹ См.: Маршак Б.И. Раннеисламские бронзовые блюда (сиро-египетская и иранская традиции в искусстве халифата) // ТГЭ. – 1978. – Т. XIX. – С. 26-52.

² См.: Керамика Согда V-VII веков как историко-культурный памятник. (К методике изучения керамических комплексов). – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. – 384 с.

Б.И. Маршак уделил изучению восточного серебра¹. Уже в своей первой по этой тематике книге "Согдийское серебро", несколько позднее, в дополненном варианте, опубликованном на немецком языке, на основе формализованного анализа и других иконографических особенностей серебряных сосудов, обнаруженных на берегу реки Кама в Северо-Западной Сибири, он пришёл к весьма важному выводу, что эти серебряные сосуды имеют своим источником один крупный, ранее неизвестный центр, где серийно выпускались такие изделия. Не колеблясь, этот центр он отождествил с Согдианой.

По данному поводу необходимо отметить два аспекта. Во-первых, его исследования по согдийскому серебру постоянно подпитывали размышления о керамике. Так, в новаторской статье "Влияние торевтики на согдийскую керамику VII-VIII веков" (1961) Б.И. Маршак показал, что с VII века педжикентская керамика, ранее очень скупая на какие-либо новшества, приобретает новые мотивы, копируя серебряные согдийские чаши и особые чаши, характерные для новых тюркских согдийских правителей. Второй аспект заключается в том, что, в отличие от исследований керамики, работа с серебром увела его далеко за пределы Согда, открыв большие просторы для дальнейших исследований.

Это второе направление началось для Бориса Ильича с исследования и публикации разнообразного набора тарелок, состоящего из четырех сосудов, обнаруженного в 1961 году Я.К. Крикисом в Чилеке (близ Самарканда) и в хорошо датированном археологическом контексте конца VI или начала VII века². Два сосуда из этого набора представляли собой

---

¹ См.: Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. – М., 1971; Маршак Б.И. Серебряные сосуды X-XI вв., их значение для периодизации искусства Ирана и Средней Азии // Тезисы докладов 2-й Всесоюзной конференции по искусству и археологии Ирана на тему: «Проблемы периодизации искусства Ирана и его взаимосвязь с искусством других народов в средние века». – М., 1973. – С. 20-22; Маршак Б.И. Серебряные сосуды X-XI вв., их значение для периодизации искусства Ирана и Средней Азии // Искусство и археология Ирана: доклады 2-й Всесоюзной конференции. – М., 1976. – С. 148-173.

² См.: Маршак Б.И., Крикис Я.К. Чилекские вазы // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1962 г. – Л., 1963. – С. 18-20; Маршак Б.И., Крикис Я.К. Чилекские чаши // ТГЭ. – 1969. – Т. X. – С. 55-80.

чаши согдийского производства с дольчатыми стенками. На одной тарелке была изображена сцена охоты сасанидского правителя Пероза (457/459-484), а четвертый горшок представлял собой бактрийскую чашу, изображающую правителя-эфталита в индийском художественном контексте. Одновременное обнаружение трех различных и четко очерченных художественных традиций в комплексе позволило лучше скорректировать хронологический контекст для каждой из них и прояснить, как эти традиции изменялись в результате взаимодействия друг с другом¹.

Отказавшись от традиционного использования терминов, часто употребляемых для обозначения другой школы, – "провинциальная" или "восточная", он придал своим гипотезам более точное географическое определение. Борис Ильич связал место зарождения этой школы в конце III в. с одним из удельных дворов Северного Ирана и предположил, что в течение следующего столетия она была привнесена в Мерв и на недавно завоеванные персами кушанские земли, а в VI в. вновь сблизилась с другими школами сасанидской тореvтики². Он более точно, чем его предшественники, определил отношение отдельных сасанидских серебряных предметов к правлению того или иного государя, сгруппировав весь материал по девяти этапам – от Варахрана II (276-293) до Кавада I (488-531), при этом поместив чилекскую пластину в хронологические рамки 7-го этапа (от начала 470-х гг. до 484 г.). Его выводы оказали большое влияние на все дальнейшие исследования³.

Так, согласно археологическим памятникам согдийской культуры северной части Таджикистана, которые являются гордостью национального наследия, Б.И. Маршак совершил выдающиеся научные открытия:

---

¹ См.: Marshak B.I. Indian motifs in Sogdian art // Fifteenth International Conference on South Asian archaeology: Abstracts. – Leiden, 1999. – P. 27-28; Marshak B.I., Marsadolov L.S. Early Indian Mirrors and the Problem of the Pre-Mauryan Figurative Art // South Asian Archaeology 1997. – Roma, 2000. – Vol. III (Serie Orientale Roma. Vol. XC/3). – P. 1055-1063.

² См.: Маршак Б.И. Серебряные сосуды X-XI вв., их значение для периодизации искусства Ирана и Средней Азии // Искусство и археология Ирана: доклады 2-й Всесоюзной конференции. – М., 1976. – С. 148-173.

³ См.: Маршак Б.И., Даркевич В.П. О так называемом сирийском блюде из Пермской области // СА. – 1974. – № 2. – С. 213-222.

- выявлены три школы согдийской торевтики, одна из которых была прослежена до демонстрации типичных блюд халифа Аль-Мамуна и Махмуда Газнийского в исламском Хорасане¹;

- показал, что торевтика хазар, аваров, венгров и населения Киевской Руси уходит своими корнями в иранское наследие²;

- работы по торевтике латинских государств Востока, а также знакомство с этими изделиями, появление которых было связано с шедеврами согдийского серебра, недавно обнаруженными в святилищах сибирских манси, где они долгое время были скрыты от посторонних глаз³.

- изучение наследия сасанидских и согдийских мастеров привело Бориса Ильича к полному обновлению представлений о золотых сосудах Тибетской империи VII-IX вв., и толчком к этому послужило изучение коллекции М. и Т. Дж. Прицкеров (Margot and Thomas J. Pritzker Collection) в Чикаго, представляющая собой огромный проект, который ему удалось завершить⁴;

- серебряные сосуды, обнаруженные на берегу реки Кама в Северо-Западной Сибири, имеют один крупный центр изготовления, расположенный в Согдиане;

- выдвинул концепцию создания музея на базе городища древнего Пенджикента Пенджикентского историко-культурного заповедника, предложив методы и пути организации музея-заповедника сырцовой архитектуры⁵, подняв тем самым вопрос охраны и музеефикации

---

¹ См.: Маршак Б.И. К вопросу о восточных противниках Ирана в V в. // СНВ. – 1971. – Вып. X. – С. 58-66

² См.: Сокровища Приобья 1996 (Б.И. Маршак); Маршак 2014, глава 4 части I.

³ См.: Бауло А.В., Маршак Б.И. Серебряный ритон из хантыйского святилища // АЭАЕ. – 2001. – № 3. – С. 113-141; Бауло А.В., Маршак Б.И., Федорова Н.В. Серебряные блюда с реки Войкар // АЭАЕ. – 2004. – № 2. – С. 107-114.

⁴ См.: Маршак Б.И. Серебро Тибета VII-IX вв. // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского: тезисы докладов. – СПб., 1996. – С. 50-51.

⁵ См.: Маршак Б.И. О создании Пенджикентского археологического заповедника (Пути и методы организации заповедника-музея сырцовой архитектуры) // Проблемы охраны памятников археологии в населенных местах. – Ереван, 1980. – С. 99-101; Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И. Монументальная сырцовая архитектура городищ Средней Азии и проблема ее музеефикации // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. – М., 1987. Спец. вып. – С. 95-96.

уникального памятника и реставрации национального культурного наследия таджикского народа.

Результатом многолетней скрупулёзной работы с письменными источниками стала монография "Legends, Tales, and Fables in the Art of Sogdiana". Б.И. Маршак в этой книге, анализируя все сюжеты, распространенные в Средней Азии, пришёл к весьма важному выводу, что на Пенджикентских росписях изображены "бродячие" литературные сюжеты, широко распространённые в древности и в раннем средневековье¹.

Значение научной деятельности Б.И. Маршака определяется его фундаментальными аналитическими трудами по истории таджикского народа². В частности в 1999 г. в свет вышел капитальный труд "Средняя Азия в раннем средневековье. Серия: Археология СССР", в котором подводятся итоги многолетним поискам в аспекте вопросов и проблем археологии, архитектуры, этногенеза таджикского народа, истории науки и др. Эта работа вошла в золотой фонд таджикской науки, и сегодня считается настольной книгой таджикской интеллигенции, преподавателей школ и вузов и всех интересующихся историей родного народа. Эта книга вместе с другими его публикациями получила высокую оценку общественности.

Огромный резонанс среди научной общественности получил и другой его капитальный труд, вошедший в шеститомное издание "История таджикского народа"³. На основе обобщения огромного археолого-фактологического и источниковедческого материала в этой книге, Б.И. Маршак сумел блестяще аргументировать концептуальную и поэтапно-хронологическую разработку истории культуры и цивилизации согдийцев. Несколько десятков лет упорного и последовательного труда подвели его к

---

¹ См.: Legends, Tales, and Fables in the Art of Sogdiana / with an Appendix by V.A. Livshits. – New York, 2002. – (Biennial Ehsan Yarshater Lecture Series. No. 1).

² См.: Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И. Социальная структура населения древнего Пенджикента // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. – М., 1979. – С. 19-26.

³ См.: Маршак Б.И. Изобразительное искусство // История таджикского народа. Т. II: Эпоха формирования таджикского народа. – Душанбе, 1998. – С. 210-240.

созданию этого фундаментального произведения, которому предшествовали его разработки с добротными философскими историко-культурными заключениями и широкомасштабными обобщениями. Это хорошо отражено в следующих статьях: "Согдийский город (К вопросу о городах-государствах Востока)" (1983), "Согд V-VIII вв. Идеология по памятникам искусства" (1999), "Хорасанско-мавераннахрский культурный синтез в эпоху Саманидов и его исторические корни" (1999)¹ и получило завершённое обоснование в последующих фундаментальных работах.

Так, в многотомной "Истории таджикского народа" на основе новых письменных, вещественных и других теоретико-аналитических достижений исторической науки Б.И. Маршак выдвинул идею об этапах территориально-хронологического процесса культурного сложения цивилизации древних таджиков, которая изложена в главе "Изобразительное искусство" во втором томе «Истории таджикского народа», посвященном "Эпохе формирования таджикского народа" (1999),² и многотомной серии "Археология СССР", т. 17 который посвящен археологическим материалам Средней Азии и Дальнего Востока в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье³. Раздел "Согд V-VIII вв. Раздел «Идеология по памятникам искусства» этого свода также виртуозно написан Б.И. Маршаком⁴.

---

¹ См.: Маршак Б.И. Согдийский город (К вопросу о городах-государствах Востока) // Древние культуры Евразии и античная цивилизация. Краткие тезисы докладов научной конференции, 10-13 мая 1983 г. – Л.: Эрмитаж, 1983. – С. 11-14; Маршак Б.И. Согд V-VIII вв. Идеология по памятникам искусства // Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. – М., 1999. – С. 175-191; Маршак Б.И. Хорасанско-мавераннахрский культурный синтез в эпоху Саманидов и его исторические корни // 1100-летие образования государства Саманидов: материалы международной конференции. – СПб., 1999. – С. 32-42.

² См.: Маршак Б.И. Изобразительное искусство // История таджикского народа. Т. II: Эпоха формирования таджикского народа. – Душанбе, 1999. – С. 210-240.

³ См.: Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье / отв. ред. Г.А. Брыкина; авт. Б.В. Андрианов, К.М. Байпаков, Г.А. Брыкина и др. // Археология СССР. М.: Наука, 1999. Т. 17. 378 с.

⁴ См.: Маршак Б.И. Согд V-VIII вв. Идеология по памятникам искусства // Археология СССР. М., 1999. - С. 175–191

Во внушительном списке своих научных публикаций¹ Борис Ильич уделил особое внимание практически всем аспектам согдийской культуры. Однако благодаря его личным исследованиям, которые, как правило, были тесно связаны с работами его коллеги и друга В.А. Лившица, блестящего российского филолога-ираниста, утверждавшего, что Согд занимал центральное положение в исследованиях евразийского пространства с V по VIII века, в то время, когда там была сосредоточена редкая сеть различных коммуникаций – коммерческих, религиозных. Это привело к разработке концепции возрождения исторических достижений "Великого Шелкового пути" и их использования в социально-экономическом и интеллектуальном прогрессе современного общества Республики Таджикистан (по Согдийской области)².

Наряду с активной археологической деятельностью Б.И. Маршак разрабатывал отдельные аспекты истории культуры таджикского народа, совершил открытия разных периодов древней истории и культуры по археологическим материалам³.

Каждое из этих открытий нашло научное подтверждение десяткам уже осуществленных научных публикаций и докладов профессора Б.И. Маршака.

Не жалея своего времени, профессор разрабатывал и составлял каталоги экспозиций музеев страны. Им, совместно с коллегами, подготовлена методическая рекомендация "О принципах составления

---

¹ См.: Всевиов Л.М., Шкода В.Г., при участии В.И. Распоповой, П.Б. Лурье и А.И. Торгоева. Библиография Б.И. Маршака // Маршак Б.И. История восточной торевтики III-XIII вв. и проблемы культурной преемственности / под ред. В.П. Никонорова; вступ. ст. Ф. Гренэ. – СПб.: Академия исследования культуры, 2017. – С. 21-40.

² См.: Маршак Б.И., Распопова В.И. Международные связи согдийской цивилизации // Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза. – СПб., 1994. – С. 95-97; Маршак Б.И. Согдийцы в Китае и китайцы в Согде (по произведениям искусства) // Отделу Востока 80 лет: тезисы докладов юбилейной научной конференции. – СПб., 2000 – С. 43-48.

³ См.: Археологические материалы к истории Согда VI–VIII вв. // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1961 г. – Л., 1962. – С. 14-15.

каталога стеклянной посуды Средней Азии VIII-XIII вв. (1966)¹, Каталог выставки Государственного Эрмитажа, посвященный "Живописи средневекового Востока" (1967)², совместно с коллегами из Государственного Эрмитажа подготовлен Каталог выставки "Культура и искусство Средней Азии в кушанскую эпоху" (1968)³. Каталог тематической выставки, проходившей в Душанбе, – "Живопись и скульптура Таджикистана: Древность и средние века" (1984)⁴ и каталог выездной выставки в Эрмитаже "Древности Таджикистана" является традиционной демонстрацией совместных работ, отражающих картину развития древней культуры на территории Таджикистана (1985)⁵. Как эксперт, он работал в составе группы по написанию и составлению материалов каталога "Сокровища хана Кубрата: Каталог выставки" (1997)⁶. Многочисленные тематические выставки и экспозиции готовились при непосредственном участии Б.И. Маршака, например, "Христиане на Востоке. Искусство мелькитов и инославных христиан" (1998): "Земное искусство – небесная красота: Искусство ислама" (2000)⁷.

Огромный блок работ и статей Б.И. Маршака посвящен различным направлениям и тематике. Это развернутая характеристика товарно-денежных отношений в раннесредневековом Согде по материалам

---

¹ См.: Маршак Б.И., Балашова Г.Н., Кондратьева Ф.А. О принципах составления каталога стеклянной посуды Средней Азии VIII–XIII вв. // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1965 г. – Л.– М., 1966. – С. 34-36.

² См.: Маршак Б.И. Живопись средневекового Востока: Каталог выставки [Государственный Эрмитаж]. Л., 1967. – С. 9-11;

³ См.: Альбаум Л.И., Беленицкий А.М., Маршак Б.И. и др. Культура и искусство Средней Азии в кушанскую эпоху: каталог выставки. – Л., 1968

⁴ См.: Зеймаль Т.И., Литвинский Б.А., Маршак Б.И. и др. Живопись и скульптура Таджикистана: Древность и средние века: – Л., 1984.

⁵ См.: Зеймаль Е.В., Зеймаль Т.И., Литвинский Б.А., Негматов Н.Н., Маршак Б.И. Древности Таджикистана (Каталог выставки). – Душанбе, 1985.

⁶ См.: Маршак Б.И., Залеская В.Н., Львова З.А., Теляшев Р.Х. Сокровища хана Кубрата: каталог выставки. – СПб.: Изд-во «Славия», 1997. – 136 с.

⁷ См.: Маршак Б.И. Христиане на Востоке. Искусство мелькитов и инославных христиан: каталог выставки. – СПб., 1998. Кат. № 261, 262; Маршак Б.И. [Кат. № 27 (С. 124), 107, 108 (С. 182-183), 110-111 (С. 184-185) 145, 147 (С. 212–213), 154-155 (С. 218), 229-230 (С. 268-269), 246 (С. 278)] // Земное искусство – небесная красота: Искусство ислама: каталог выставки / Гос. Эрмитаж. – СПб., 2000.

памятников согдийской культуры, и Пенджикента, прежде всего¹, которая позволяет ему в следующей статье осветить "Социальную структуру населения древнего Пенджикента" (1979)².

Из тематики "Идеология по памятникам искусства Согда V-VIII вв." Б.И. Маршак совместно с В.И. Распоповой предлагает рассмотрение статей с практически не изученной направленностью исследования, в частности, "Согдийское изображение Деда-Земледельца" (1984)³, которые подводят к разработке тематики древних праздников. Как следствие, появляется статья "Историко-культурное значение согдийского календаря" (1991)⁴, которая чётко попадает в струю обсуждения праздников домусульманской традиции и связанных с исламом.

Как бы в сопоставление и подведение к реальной жизни, как напоминание о том, что в древности происходили не только веселье и праздники, Б.И. Маршак поднимает вопрос "Воины в искусстве Согда и Центральной Азии" (1992) и "Война глазами согдийских художников" (1998)⁵ и перекликающуюся с ней тематику атрибутики "Древнейшее изображение осадной машины" (1978)⁶ и "Подъемная машина в храме

---

¹ См.: Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И. К характеристике товарно-денежных отношений в раннесредневековом Согде // Бартольдские чтения, 1978. – М., 1978. – С. 11-12; Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И. К характеристике товарно-денежных отношений в раннесредневековом Согде // Ближний и Средний Восток: Товарно-денежные отношения при феодализме. – М., 1980. – С. 15-26

² См.: Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И. Социальная структура населения древнего Пенджикента // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. – М., 1979. – С. 19-26.

³ См.: Маршак Б.И., Распопова В.И. Согдийское изображение Деда-Земледельца // Вопросы древней истории Южной Сибири. – Абакан, 1984. – С. 108-116.

⁴ См.: Маршак Б.И. Историко-культурное значение согдийского календаря // Мировая культура: традиции и современность. – М., 1991. – С. 183-197.

⁵ См.: Маршак Б.И. Воины в искусстве Согда и Центральной Азии // Северная Азия от древности до средневековья: тезисы конференции к 90-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. – СПб., 1992. – (Археологические изыскания. Вып. 2). – С. 208-211; Маршак Б.И., Распопова В.И. Война глазами согдийских художников // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: материалы Международной конференции (2-5 сентября 1998 г.). – СПб., 1998. – С. 278-281.

⁶ См.: Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Древнейшее изображение осадной машины в Средней Азии // Культура Востока: Древность и средневековье. – Л.: Аврора, 1978. – С. 215-221.

древнего Пенджикента" (1987)¹. Первая статья рассматривает орудия разрушения, а вторая, наоборот, орудия, которые используются в созидательном труде – строительстве храма.

Б.И. Маршак своим самоотверженным трудом в виде основополагающих научных достижений оставил нам богатейшее наследие – это замечательные книги о различных научных открытиях и исследованиях, о которых говорилось выше; увлекательные научно-популярные книги. Но самым важным показателем его достижений является невероятно выразительный пример рыцарского, бескорыстного, беззаветного служения науке. Сегодня, когда личности с такими высокими профессиональными и этическими стандартами становятся легендой, величие подлинных научных достижений этого человека особенно впечатляет.

Борис Ильич Маршак – выдающийся историк и археолог современности, он вошел в плеяду выдающихся ученых мира. Его вклад в развитие таджикской исторической науки неоценим.

Таким образом, основная сфера научных интересов Б.И. Маршака представлена двумя объемными блоками исследований: 1. Археология и история искусства Центральной Азии, и в ней – археология Согдианы; 2. Торевтика, и в ней – средневековые восточные изделия из серебра. Однако он оставил глубокий след и в таких дисциплинах, как политическая история Востока, история религий, метрология, издание и интерпретация восточных текстов, методология археологических исследований и др.

Региональные рамки исследований Б.И. Маршака простирались от Византии до Китая, хронологические – от античности до монголов². Все

---

¹ См.: Маршак Б.И. Подъемная машина в храме древнего Пенджикента // Прошлое Средней Азии. – Душанбе, 1987. – С. 95-103.

² Библиография Б.И. Маршака до 2004 г. опубликована в сборнике в его честь (*Ēgān ud Anērān, Studies presented to Boris P'ič Maršak on the Occasion of His 70th Birthday* / ed. by M. Compareti, P. Raffetta, G. Scarcia. – Venezia, 2006. – P. 13-30; составители Л.М. Всевиов и В.Г. Шкода. Биобиблиография Б.И. Маршака. Борис Ильич Маршак (1933-2006) // Российская археология. – 2007. – № 4. – С. 187-188; Распопова В.И., Лурье П.Б., Торгоева А.И. Дополнения к библиографии Б.И. Маршака // Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 62: Согдийцы, их предшественники, современники и наследники: на

данные сопоставлялись, соизмерялись, соотносились с богатейшими археологическими материалами согдийской культуры, полученными в древнем Пенджикенте.

Так, в 2005 г. увидела свет статья, где поднимается и рассматривается вопрос о мерах веса в Согде¹. В 2012 г. публикуется материал, собранный при раскопках в древнем Пенджикенте дворца правителя, расположенного у подножия цитадели VI века. Изначально было отмечено, что ориентация укреплений напольной части расположена строго по сторонам света, тогда как главный замок ориентирован с некоторым отклонением, соответствующим осям планировки основной части города. Это объяснялось тем, что замок синхронен с первоначальной застройкой города, основанного в V в., а укрепленное поселение, ставшее позднее северным участком цитадели, возникло в более раннее время рядом с водным источником. Как подтверждение открытию, здесь обнаружены не только стена с башнями V в., но и предшествующая ей крепостная ограда, а также наслоения с керамикой первых веков н.э.². Данное открытие особенно важно, так как доставило подтверждающий материал о непрерывности жизни населения в данной местности.

Попадают в струю использования материалов исследований и публикации в сборнике по теме «Согдийцы, их предшественники, современники и наследники»³. В этот сборник включены доклады и статьи, присланные по завершении конференции, посвященной памяти Б.И. Маршака, которая была проведена в 2008 г. Лейтмотивом, отправной точкой для работы конференции стали вопросы формирования и генезиса

основе материалов конференции «Согдийцы дома и на чужбине», посвященной памяти Бориса Ильича Маршака (1933-2006) / Государственный Эрмитаж. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013.

¹ См.: Маршак Б.И., Распопова В.И.. Согдийские гири из Пенджикента // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. Вып. IX. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. – 108 с.

² См.: Маршак Б.И., Распопова В.И. Дворец VI века у подножия цитадели древнего Пенджикента. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2012. – 80 с.

³ См.: Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 62: Согдийцы, их предшественники, современники и наследники: на основе материалов конференции «Согдийцы дома и на чужбине», посвященной памяти Бориса Ильича Маршака (1933-2006) / Гос. Эрмитаж. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. – 504 с.: ил., XXVIII, [8] с. цв. вкл.

согдийской культуры. Были заслушаны доклады, посвященные изучению культур близких и дальних соседей Согда, в которых отмечалось, что согдийская культура в соприкосновении и постоянном контакте с современниками и сама развивалась и обогащалась, и питала окружающие народы. Основным композиционным центром сборника является раннесредневековая Согдиана, и в нём рассмотрены практически все направления проблематики изучения творчества Б.И. Маршака. Представленные разделы исследования посвящены религии (статьи Ю. Ёсида, С. Кристофоретти, Дж. Скарчия, П.Б. Лурье, С. Пелло), археологии (Ф. Грене, К. Рапен, М.К. Ахмедов), монументальному искусству (Л.Ю. Кулакова, Дж. А. Лернер, В.Г. Шкода, Т.Г. Цветкова). Отдельные статьи посвящены более ранним государствам Средней Азии (Э. Паппалардо, К. Липполис, Н. Симс-Уильямс), близким (Е.А. Смагулов, А.Н. Подушкин) и дальним (Ю.А. Пятницкий, В.Н. Залеская) соседям согдийцев, тюркам, воспитанным на согдийской культуре (И.Л. Кызласов, А.И. Торгоев), отражению согдийских прототипов в искусстве исламского времени (Э. Й. Грубе, М. Компарети, Э. Симс, Д.К. Мирзаахмедов, А.А. Иванов, Е.А. Армарчук), ягнобцам – современным носителям языка, близкого к согдийскому диалекту (А. Панаино, П. Онъибене). Территориально-хронологический диапазон конференции охватил время от становления античной культуры до позднего средневековья, и вопросы этнографической современности, которые отражают то, что, наследие согдийской культуры продолжает жить в веках. Мы специально привели фамилии авторов работ, составивших основу для написания этой книги, т.к. эти люди при жизни Б.И. Маршака были его друзьями, коллегами, последователями, учениками и научными единомышленниками. Даже название сборника – «Согдийцы, их предшественники, современники и наследники», можно сказать, является девизом всей научной деятельности Б.И. Маршака.

Несколько особняком по отношению ко всем выше названным исследовательским работам стоит исследование Б.И. Маршака по периоду арабского завоевания, и вероятно по этой причине не получившее

окончательной публикации при жизни, но как бы дающее возможность для дальнейшей разработки данного направления исследования.¹ Известно, что владение Пандж в своей экономической и политической жизни в некоторых случаях демонстрировало относительную автономию, как от центрального правительства Согда, так и от Тюркского каганата, так что вопросы подчинения зависимых территорий в центре, расположенном в Самарканде, решались через Пандж. Тот факт, что Паргар, минуя Самарканд, сослался на Пандж, свидетельствует о развитии могущества Деваштича после завоевания Самарканда арабами. Экономически Пандж был относительно независим от Самарканда и имел право чеканить квадратные монеты в китайском стиле. Обнаружение монетного двора в Панжикенте, найденные при раскопках более тысячи монет, на которых приведены имена и звания Пенджикентских правителей, является подтверждением относительной автономии владения Пандж. Рассматривая данные вопросы, в статье определяются рекомендации направлений дальнейшего более детального исследования названной проблемы.

В 2017 г. выходит долгожданная работа, можно сказать, обобщающий труд всей жизни Б.И. Маршака – «История восточной торевтики III-XIII вв. и проблемы культурной преемственности», написанная более 30 лет назад². Тем не менее, даже сегодня его работа продолжает сохранять новаторское значение. Б.И. Маршак предложил и разработал совершенно новый метод визуализации памятников восточной торевтики, охватывающий более тысячи лет и обширную территорию. С помощью этого исследования стало возможным определить место изготовления, а также относительную и абсолютную хронологию более 150 ваз из драгоценных металлов, украшенных различными орнаментами и рисунками. В результате

---

¹ См.: Маршак Б.И., Распопова В.И.. Пенджикент и арабское завоевание // Академическое востоковедение в России и странах ближнего зарубежья (2007-2015). Археология, история, культура / ЗВОРАО. Новая серия. Том III (XXVIII); Тр. ИИМК РАН. Т. XLV. – СПб.: Изд-во «Контраст», 2015. – С. 361-380.

² См.: Маршак Б.И. История восточной торевтики III-XIII вв. и проблемы культурной преемственности / под ред. В.П. Никонорова; вступ. ст. Ф. Гренэ. – СПб.: Академия исследования культуры, 2017.– С. 9-14.

тщательного изучения имеющихся в его распоряжении изделий древних мастеров, хранящихся в различных музеях и частных коллекциях, Б.И. Маршак первым в мировой исторической науке достоверно идентифицировал местные школы торевтики в Иране, Согде, Хорезме, Тохаристане, эфталитских владениях и других территориях Ближнего Востока и Центральной Азии. Важнейшим результатом великолепной работы автора стало появление первой полной истории восточной торевтики, начиная с III по XIII века. до сих пор не имеющей аналогов в отечественной и зарубежной историографии. Эта книга, бесспорно, представляет собой важнейший вклад в представления о культуре и искусстве Востока в позднеантичную и средневековую эпоху. Высказанные в ней наблюдения и выводы, в том числе методологического характера, ещё долго будут чрезвычайно важны и полезны в деле дальнейшего познания искусства торевтики древности в пределах всего Евразийского континента.

И завершает список публикаций ещё одно фундаментальное совместное исследование – «Купольные конструкции в Пенджикенте начала VIII века (на примере помещения 57 объекта XXIII)»¹. Раскопки объекта XXIII в 1981-1983 гг. открыли зал 57 – один из многих, раскопанных на городище древнего Пенджикента. Его план с четырьмя колоннами очень типичен для помещений, служивших для приёма гостей в аристократических жилищах Пенджикента. Парадных залов открыто много, и ни один из них не повторяет другой. Уникальность этого зала представляют обнаруженные в квадрате между колоннами трапециевидные доски от наборного декоративного купола. Купол обычно символизирует небо, а изображения на куполе связаны с небесными богами. На одной из досок изображён сидящий юный бог, опирающийся на меч левой рукой и держащий в правой руке павлина. Второе изображение – герой, убивающий крылатого льва. Значение зала с наборным декоративным куполом объекта XXIII для истории согдийского искусства и особенно архитектуры трудно

---

¹ См.: Маршак Б.И., Распопова В.И. Купольные конструкции в Пенджикенте начала VIII века (на примере помещения 57 объекта XXIII). – СПб.: Изд-во «Политех-пресс», 2021. – 158 с.

переоценить, он с полной наглядностью показывает, какой сложной и развитой была до мусульманская архитектура Согда.

Таким образом, значение литературной деятельности Б.М. Маршака невозможно не отметить отдельно. Сложившийся круг проблем и вопросов, который профессор выносил на суд научной общественности, отражает широкий спектр и направленность изучаемых направлений. Однако он также отражает и проблемы, которые остались в планируемом состоянии. Об этом дают представление материалы, издаваемые после его смерти, которые четко указывают направления и круг вопросов, нуждающихся в разработке в перспективе.

ГЛАВА II. ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ АРХЕОЛОГИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Б.И. МАРШАКА

2.1. Хронологическая модель развития согдийской культуры и искусства Б.И. Маршака по археологическим материалам Пенджикента

"...Жители этих долин назывались согдийцами, которые в последующие века сыграли важнейшую роль в процессе сложения культуры таджикского народа. Таджики издавна населяют регион среднеазиатского междуречья. Более тысячи лет назад они сложились уже как народность со своим нынешним именем. Это были создатели большой древней культуры, искусные ремесленники, трудолюбивые земледельцы. *Культура таджиков прослеживается с глубокой древности, через средние века и до современности...*"¹ Эту цитату можно без преувеличения назвать определяющей для хронологической модели развития согдийской культуры и искусства, заявленной Б.И. Маршаком.

Этой моделью он попытался охарактеризовать искусство Согда как нечто, обладающее собственной неповторимой ценностью, причём эта неповторимая ценность искусства заключается не в том, что выявленные темы и мотивы были чужими и всегда зарождались на местной почве, а в том, что оригинально новое художественное осмысление всех этих тем и мотивов связано с неповторимостью исторической ситуацией во времена сложения и расцвета согдийского искусства².

В качестве наиболее актуальных для этой модели исследования называются два направления. «Во-первых, только в раннем средневековье, в основном благодаря Пенджикенту, стало возможно говорить о согдийском искусстве на примере и в контексте деятельности согдийского общества. В то время как более ранний период остаётся не изученным ни в историческом, ни в художественном отношении. Открытые памятники

---

¹ Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. в искусстве Пенджикента М., 1976. – С. 5-6.

² См.: Маршак Б.И. Искусство Согда // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства. – М., 1987. – С. 10.

разрознены и неоднозначны по значению. И самая главная причина для того, чтобы судить об эволюции, это наличие слишком неопределённые дат. В связи с этим древние памятники рассматриваются только в связи с вопросом о том, с чего началось раннесредневековое искусство"¹. Поэтому первым направлением называется изучение искусства.

Второй важной проблемой обозначена сфера, связанная с использованием письменных источников. Колоссальный пробел в данном направлении относится непосредственно к эпохе раннего средневековья – V-VIII вв. и заключается в следующем. Памятников этого периода много, и в большей части точно датированы, изучаются по историческим и историко-культурным данным, которые получены из археологических и письменных источников. Однако сложность проблемы обусловлена односторонним характером письменных источников². Почти совсем ничего не известно о литературе согдийцев, кроме переводной; соответственно исследователи судят об их идеологии в основном по изобразительному искусству. В связи с этим Б.И. Маршак подчёркивает, что «важно, следуя общепринятому правилу, когда искусствовед привлекает широкую информацию о культурном фоне, приводя открытия современных авторов, которые составили весь фон идейной жизни общества по совокупности источников, проводить более широкое изучение и соответственно делать обширные заключения. Однако в случае с Согдом исследователи вынуждены поступать наоборот, то есть непосредственно сравнивать произведения искусства, отражающие все данные социальной и политической истории, с известными памятниками материальной культуры. Только такое сравнение помогает внести в исследование историзм. К сожалению, такие упрощения важны до тех пор пока не будут найдены новые согдийские литературные памятники и новые письменные доказательства о местной религии³. Поэтому вторым

---

¹ Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. в искусстве Пенджикента. М., 1976 – С. 75.

² Belenitskii A.M. and Marshak B.I. The Paintings of Sogdiana // Azarpay G. Sogdian Painting. – Berkeley; Los Angeles; London, 1981. – 18 p.

³ См.: Маршак Б.И. Искусство Согда // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства. – М., 1987. – С. 205.

определяющим направлением является согласованное изучение духовной и материальной культуры, как по письменным источникам, так и по археологическим материалам. Такой подход отразил классическую схему эволюции культуры и государства.

Историческая особенность Согда заключается в том, что, при таких многочисленных вражеских нашествиях, Согд не стремился объединиться для коллективной защиты от врагов с соседними странами. На его территории так и не сложилось сильное государство, где надолго превалировали бы общинные традиции. Исследования Б.И. Маршака также показали, что развитие Согда как древней страны, Согдийской цивилизации: "от столетия к столетию становилось богаче с его неповторимой культурой, которая в результате достигла очень высокого уровня. Особенность истории Согда, в том, что она отражает столь же яркий пример "неимперского пути" эволюции, известного в странах Среднего Востока, таких как Иран, который признан классическим примером имперского варианта эволюции в этом регионе¹.

Одним из проявлений этого была уникальная конфессиональная ситуация. Отсутствие авторитарной власти не позволило создать жестко канонизированную религию и выработать единую религиозную политику, где «трон был опорой алтаря, а алтарь — опорой трона»². Даже если не касаться согдийских колоний, в которых мировые религии стали господствующими, то и в коренных землях Согда сосуществовали, по крайней мере, четыре конфессии: 1) собственно согдийских верований, представлявших собой особую ветвь зороастризма³; 2) индуизма; 3) буддизма⁴; 4) христианства¹.

---

¹ См.: Там же. – С. 237.

² См.: Фирдоуси А. Шахнаме. Т. V (От начала царствования Искендера до начала царствования Йездигерда, сына Бехрама Гура) / пер. Ц.Б. Бану-Лахути и В.Г. Берзнева. – М.: Наука, 1984. – С. 148.

³ См.: Шкода В.Г. Особенности согдийского зороастризма в свете археологии // Итоги работ археологических экспедиций Гос. Эрмитажа. – Л., 1989. – С. 38.

⁴ См.: Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджина-тепе. Архитектура, живопись, скульптура. – М., 1971. - С. 110-113.

Следовательно, по мнению Б.И. Маршака, в V-VI вв. согдийцы разрабатывают свою собственную культуру, культовую иконографию, в которой они смело используют различные традиции, видоизменяя их, соединяя и комбинируя элементы различного происхождения². Подобное явление было ранее подмечено в архитектуре³.

Исследуя вышеназванные направления, Б.И. Маршак пришел к следующему вводу: "Согдийцы на протяжении веков были связаны почти со всем цивилизованным миром согласно и благодаря своей важной подвижнической роли в международной торговле шёлком, а так же участием в политической жизни тюркских степных государств VI-VIII вв. Их искусство повсеместно отражает, что они знали научные и культурные достижения разных стран, охотно перенимали и использовали те, или иные темы, мотивы, орнаменты и т.д."⁴.

Борис Ильич Маршак на протяжении своей более чем пятидесятилетней научной карьеры, но главным образом в нескольких работах последних двадцати лет (в частности, в публикациях сообщений Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. CRAIB: Comptes Rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, Paris, иностранным членом которой он являлся)⁵, окончательно воссоздал и практически выстроил

---

¹ См.: Никитин А.Б. Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. – М., 1984. – С. 121-137; Мкртычев Т. К., Наймарк А.И. Осуарии как памятники международных связей Согда // Формирование и развитие трасс Великого Шелкового Пути в Центральной Азии в древности и средневековье: тез. докл. междунар. семинара ЮНЕСКО. – Ташкент, 1990. – С. 172; Беленицкий А.М. Вопросы идеологии и культов Согда // Живопись древнего Пенджикента. – М., 1954. – С. 89.

² См.: Belenitskii A.M. and Marshak B.I. The Paintings of Sogdiana, p. 27, 28, 60.

³ См.: Семенов Г.Л. Согдийская фортификация V-VIII вв. – СПб.: ГЭ: Ин-т археологии, 1996. – С. 222; Семёнов Г.Л. Согдийский город V-XI вв. Формирование плана (по материалам Пайкенда в Бухарском оазисе и Ак-Бешима в Семиречье): диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 2002.

⁴ Маршак Б.И. Искусство Согда // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства. – М., 1987. – С. 239-240.

⁵ См.: Marshak B.I. Les fouilles de Pendjikent // CRAIBL – 1990. – P. 286–313; Marshak B.I. La thématique sogdienne dans l'art de la Chine de la seconde moitié du VIe siècle // CRAIBL. – 2001. – Vol. 1. – P. 227-264 и др

хронологическую модель развития согдийской культуры и искусства. Сегодня его взгляды резюмированы следующим образом¹:

1) После образования вначале I тысячелетия до н. э. согдийского народа, который упомянут в списке народов в первой главе Вендидада, начинается первый большой период сложения согдийской культуры. Он был, вероятно, в VIII-VI вв. до н. э. связан с влиянием Мидийской империи, в период её временного расширения вплоть до Средней Азии. Имеется в виду так называемая "мидийская парадигма", которая была модной темой в Санкт-Петербургской археологической школе и нашла свое отражение в работах И.М. Дьяконова², В.Г. Луконина и М.А. Дандамаева³. Согласно Б.И. Маршаку, эти контакты с Мидией оставили глубокий след в оборонительной архитектуре Согдианы. В частности они проявились в эллинистических оборонительных стенах Афрасиаба, с типами сводов и выступов, которые напоминают стальные выступы Тепе Нуш-и Джан в Иране. Это влияние возможно проследить до V в. н. э. в небольших укреплениях крестообразного плана⁴ в долине реки Зеравшан, то есть вплоть до того времени, когда в Согдиане под влиянием сасанидской фортификационной техники получили распространение более массивные стены⁵. Данное заключение также подтвердили исследования ученика Б.И. Маршака – В.Г. Шкоды, который первым выдвинул, а позднее доказал,

---

¹ См.: Гренэ, Франц, Рапен, Клод. Формационные этапы согдийской культуры. Согдийцы, их предшественники, современники и наследники: сборник в память Бориса Ильича Маршака (1933 – 2006). – СПб., 2011. – С. 7.

² См.: Дьяконов М.М. Очерк истории древнего Ирана. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1961. – 452 с.

³ См.: Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. – М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1980. – 416 с.

⁴ См.: Маршак Б.И. Восточные аналогии зданиям типа «вписанного креста». Пенджикент и Бамиан, V–VIII вв. Тбилиси (4-й Международный симпозиум по грузинскому искусству) [= Probleme der Architecture des Orients. Halle (Salle), 1983. – S. 53-64; Шкода В.Г. Пенджикентские храмы и проблемы религии Согда (V-VIII вв.) // СПб.: Гос. Эрмитаж, 2009. – 280 с.

⁵ См.: Семенов Г.Л. Согдийская фортификация V-VIII вв. – СПб., 1996. – С. 45.

идею, что в большинстве своём крестообразные постройки – здания являются замками, возведёнными по старым мидийским традициям¹.

2) Второй большой формационный период продолжался с V в. н. э. до арабского завоевания. Согдиана в этот период занимала господствующие позиции в геополитике и в обширной трансазиатской торговле; эта ситуация позволила ей быстрыми последовательными волнами ассимилировать элементы иноземных культур². Первая волна шла из Сасанидского Ирана V в. н. э., и при этом роль главного посредника играл Тохаристан, где, согласно хронологии В.Г. Луконина³, тогда продолжала царить кушано-сасанидская династия. В VI в. н.э. господствующее влияние переходит к Индии, точнее, к суб-гималайским регионам, которые, так же как и Согдиана, входили в империю Эфталитов. В течение этого периода восстанавливается сеть городов (в частности, основание Пенджикента относится к его началу). В первой половине VIII в. н. э. согдийское искусство достигает своего апогея, иноземные влияния полностью интегрируются в оригинальную художественную идиому, которая отразила уникальный характер согдийского общества. Глубокий анализ, который был сформулирован Борисом Ильичем в статье "Искусство Согда" (1987)⁴ и который он не переставал обогащать и уточнять вплоть до своей последней книги «Legends, tales and fables in the Art of Sogdiana»⁵, где также охарактеризовал два вышеуказанных периода.

Однако следует отдельно отметить, что между этими двумя главными периодами развития и обновления согдийской культуры Б.И. Маршак распознавал и другие фазы, которые, по его мнению, оказывали менее длительное воздействие: 1) период греческого господства. Относительно

---

¹ См.: Шкода В.Г. Пенджикентские храмы и проблемы религии Согда (V-VIII вв.). – СПб.: Гос. Эрмитаж, 2009. – С. 66-68, рис. 105-107.

² См.: La Vaissière É. Sogdian Traders: a history. – Leiden – Boston. 2005.

³ См.: Луконин В.Г. Кушано-сасанидские монеты // ЭВ. – 1967. – Вып. 18. – С. 14-33.

⁴ См.: Маршак Б.И. Искусство Согда // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. – М., 1987. – С. 233-248.

⁵ См.: Marshak B.I. Legends, Tales and Fables in the Art of Sogdiana. – New York, 2002. – 195 p. См. также: Маршак, 2009.

этого периода он долго разделял скептицизм Е.В. Зеймалья¹ об уместности приложения самого понятия "эллинизм" к землям, лежащим к северу от Окса, в период после походов Александра Македонского. Несмотря на то, что греки находились в течение долгого времени в Самарканде (что больше не подлежит сомнению после раскопок оборонительной стены, проведенных Г.В. Шишкиной², и что позже было подтверждено работами в Узбекистане)³. Эллинистическая продукция была "вновь обнаружена" в Тохаристане в течение смутного периода, который последовал за крушением Кушанской империи. Волнения и беспорядки "запустили" в обращение предметы, прежде хранившиеся в сокровищницах храмов, во дворцах, в гробницах, и сделали их вновь доступными для массового копирования. Это особенно отмечалось в металлических предметах. В результате эта репродуцированная продукция достигала Согдианы, где и была определена одним из составляющих элементов создаваемого там нового искусства. Примером служат брактеаты с изображением эллинистического царя⁴ и гипсовая статуэтка богини⁵, найденные в закладе храма II в Пенджикенте и определённые Б.И. Маршаком как происходящие из южных регионов Средней Азии.

2) Другая переходная фаза, имевшая определенное историческое значение, приходится на вторую половину IV в. н. э. Она представлена многочисленными вторжениями разных народов, известных согдийцам как "Хунны" и западным авторам как Хиониты. Согласно мнению Б.И.

---

¹ См.: Зеймаль Е.В. Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. – Л., 1978. – С.192-214.

² См.: Chichkina G.V. Les remparts de Samarcande à l'époque hellénistique // P. Leriche, H. Tréziny (ed.), La fortification dans l'histoire du monde grec. – Paris, 1986. – P. 71-78, fig. 287-302.

³ См.: Исамиддинов М. Истоки городской культуры самаркандского Согда (Проблемы взаимодействия культурных традиций в эпоху раннежелезного века и в период античности), – Ташкент, 2002: – С. 25.

⁴ См.: Маршак Б.И. Монументальная живопись Согда и Тохаристана в раннем средневековье // Бактрия –Тохаристан на древнем и средневековом Востоке: тезисы докладов. – М., 1983; Шкода В.Г. Пенджикентские храмы и проблемы религии Согда (V-VIII вв.) // СПб.: Гос. Эрмитаж, 2009. – С. 90, рис. 140.

⁵ См.: Marshak 1990. P. 292, fig. 6; Marshak, Rasporova 1998. Fig.3; Маршак 1999. С. 180; Шкода 2009. С. 71, рис. 110.

Маршака, этот исторический период был единственным разрушительным кочевническим нашествием, с которым столкнулись согдийцы до монгольского завоевания¹. Данное заключение вызвало некоторую дискуссию среди согдоведов, но в то же время было признано, что восстановительные процессы здесь шли гораздо быстрее, чем в южных регионах (Тохаристан и Гандхара). В общем плане все иноземные вторжения, которые произошли после хионитского завоевания, то есть вторжения кидаритов, эфталитов и западных тюрков привели к расширению культурных горизонтов согдийцев, которые до этого были достаточно ограничены. Сложившаяся ситуация подготовила большие межрегиональные переселения, продолжавшиеся до арабского завоевания², что в целом подтвердило мнение Б.И. Маршака по данному этапу в хронологической модели.

Исследования А.М. Беленицкого, Г.А. Пугаченковой, Л.И. Ремпеля также показали, что в раннем средневековье V-VIII вв. среднеазиатское изобразительное искусство уже окончательно сформировалось под влиянием сложной идеологической обстановки³. С середины VIII века воздействие на характер изобразительного искусства Средней Азии, оказанное исламом, не смогло сразу его изменить. Трансформация продолжалась на протяжении почти двух веков. И в этом длительном процессе отдавалось предпочтение декоративно-прикладным формам выражения, в которых сложилось новое, самобытное искусство. Важно отметить, что в нем сохранились доисламские мотивы и образы, частично получившие переосмысление в исламе, а частично сохранившие свое первоначальное значение⁴. Все эти моменты исследованы и определены как

---

¹ См.: Belenitskii A.M. and Marshak V.I. The Paintings of Sogdiana, p. 28-35.

² См.: Гренэ, Франц, Рапен, Клод. Формационные этапы согдийской культуры. Согдийцы, их предшественники, современники и наследники: сборник в память Бориса Ильича Маршака (1933-2006). – СПб., 2011. – С. 20.

³ См.: Беленицкий А.М. Среднеазиатское искусство преарабского времени и его связь с кушанским // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. – М., 1975. – С. 392-395; Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии. Древность и средневековье. – М.: Искусство, 1982. – С. 4.

⁴ См.: Belenitskii A.M. and Marshak V.I. The Paintings of Sogdiana, p. 28-35.

составляющие хронологической модели развития согдийской культуры и искусства, предложенные Б.И. Маршаком.

Российские, узбекские и французские коллеги в рамках франко-узбекской археологической экспедиции в Согдиане, которая работала в Самарканде и его окрестностях, а также в южном Согде и принявшие активное участие в обсуждении предложенной Б.И. Маршаком хронологической модели, резюмировали: «... в настоящее время, с учетом 20 лет сотрудничества совместных работ в Согде, рассматриваем историческую модель Б.И. Маршака как высокопрофессиональное построение, согласно которому мы сейчас имеем возможность изучить наиболее древние периоды истории согдийского народа, не только анализируя предполагаемые архаичные черты культуры в более поздних комплексах, но и непосредственно благодаря анализу работ на ключевых археологических памятниках – Пенджикент, Самарканд, Коктепе и др. Городище Коктепе, расположенное в 30 км к северу от Самарканда, раскапывается нашей экспедицией с 1994 г. Установлена непрерывная стратиграфическая и архитектурная последовательность от эпохи раннего железного века до начала эллинистического периода, которая чётко накладывается на предлагаемую Б.И. Маршаком хронологическую модель¹.

В результате сопоставления концепции хронологического развития согдийской культуры, разработанной Б. И. Маршаком, и последних открытий франко-узбекской экспедиции, представляется, что, несмотря на некоторый пересмотр отдельных положений и добавление отдельных

---

¹ См.: Grenet F. Maracanda/Samarkand, une métropole pré-mongole. Sources écrites et archéologie // *Annales. Histoire, sciences sociales.* – 2004. – P. 1043-1067; Rapin C. Nomads and the Shaping of Central Asia: from the Early Iron Age to the Kushan period // *After Alexander. Central Asia before Islam. (Proceedings of the British Academy, 133)* / eds. J. Cribb, G. Herrmann. – Oxford, 2007. – P. 29-72; Рапен К. Коктепа в период железного века до прихода Ахеменидов // Роль города Самарканда в истории мирового культурного развития: материалы Международного научного симпозиума, посвященного 2750-летнему юбилею города Самарканда. – Ташкент, 2007. – С. 29-38; Рапен К. От Коктепе до Киндикли-тепе: новый подход к истории возникновения ирригации в северной части Зеравшанской долины // *Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии: материалы международной конференции.* Самарканд, 7-8 сентября 2009 г. – Самарканд; Ташкент, 2010. – С. 139-150.

деталей, модель, предложенная Б.И. Маршаком, остается наилучшей основой для возможного анализа. И в качестве общей модели в настоящее время она остается неизменной¹.

Таким образом, хронологическая модель развития согдийской культуры и искусства Б.И. Маршака очень гибко отражает и привлекает практически все достижения и открытия, получившие подтверждение в исторической, источниковедческой и археологической интерпретации, и практически составляет рабочую инновационную программу для дальнейших исследований и научных поисков.

2.2. Археологическая шкала датировок средневековой керамики Согда Б.И. Маршака

Материальную культуру любого исследуемого объекта, как наиболее массовый материал обычно ярко характеризуют керамические изделия. Проблемам изучения керамики из раскопок древних памятников посвящена огромная масса литературы, изданной в разных странах и на разных языках.

Временем интенсивной разработки формализационных методов изучения древней керамики послужили исследования французского ученого Жана-Клода Гардена, начавшиеся в середине 1950-х гг. Им разработан один из первых в истории археологии "кодов" для формализованного описания керамики². Эти его работы подтолкнули к бурному развитию данного направления в советской археологии. Исследования и разработки пришлись на 60-70-е гг. и связаны с именами таких исследователей, как Б.И. Маршак, И.С. Каменецкий, Я.А. Шер, и др.³. В советской археологии это было время подъема и всеобщего интереса к керамическому комплексу и формально-

---

¹ См.: Гренэ Ф., Рапен К. Формационные этапы согдийской культуры // Труды Государственного Эрмитажа : [Т.] 62: Согдийцы, их предшественники, современники и наследники: на основе материалов конференции «Согдийцы дома и на чужбине», посвященной памяти Бориса Ильича Маршака (1933-2006) / Гос. Эрмитаж. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. – С. 26.

² См.: Гарден Ж-К. Теоретическая археология. – М.: Прогресс, 1983. – С. 87.

³ См.: Маршак Б.И. Код для описания керамики Пенджикента V-VI вв. // Статистико-комбинаторные методы в археологии. – М., 1970. – С. 25-52; Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). – М.: Наука, 1975. – 178 с.

статистическим методам его обработки. Казалось, что, применив к археологическим исследованиям математику, всё сразу станет объяснимым. Однако уже к концу 1970-х гг. стало ясно, что, хотя "математически считали" много и упорно, но в исторических интерпретациях не прибавилось безапелляционных выводов и заключений. Исследования археологов обильно украшались формулами, таблицами с графами и прочими атрибутами, но от этого объективность выводов не поднялась, и сейчас этот метод больше применяется в статистических и количественных подходах исследований.

Однако новаторство инновационного метода исследования археологических материалов Таджикистана осталось за разработками Б.И. Маршака, связанными с изучением керамики. Остановимся на подходах и методе проведённого им исследования керамики.

Б.И. Маршак, проанализировав метод Робинсона-Брейнерда, дополнения, сделанные к этому методу Лемером, критерии Сполдинга и Вилкоксона, применил к этому изучению формулы проверки значимости различия керамических комплексов и оценки случайности отличий в центральной тенденции. На основе этого он разработал собственный метод и схему, применял отдельные свои критерии оценки сходства и различия керамических комплексов с применением новаторских методов, используемых в личной практике, согласно теории информации¹. Данному исследованию посвящены ряд работ², обобщенных в его кандидатской диссертации, которая была посвящена комплексу керамики "нижнего слоя"

---

¹ См.: Маршак Б.И. К разбору критериев сходства и различия керамических комплексов // Археология и естественные науки // МИА. – 1965. – № 129. – С. 308-318.

² См.: Маршак Б.И. Керамика нижнего слоя Пенджикента // Изв. Отд. обществ. наук АН ТаджССР. – 1957. – Вып. 14. – С. 91-99; Маршак Б.И. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII-VIII веков // ТГЭ. – 1961. – Т. V. – С. 177-201; Маршак Б.И. К разработке критериев сходства и различия керамических комплексов // Методы естественных и технических наук в археологии: тезисы докладов. – М., 1963. – С. 64-67; Маршак Б.И. Керамика и даты слоев (на примерах из археологии Средней Азии) // Проблемы археологии Средней Азии. – Л., 1968 – С. 55-56; Маршак Б.И. Код для описания керамики Пенджикента V-VI вв. // Статистико-комбинаторные методы в археологии. – М., 1970. – С. 25-52 и др.

Пенджикента¹. В ней он разделил материал на 6 комплексов, связанных с этапами перестройки городской крепостной стены. Материал диссертации был издан только в 2012 г. в виде монографии "Керамика Согда V-VII веков как историко-культурный памятник. (К методике изучения керамических комплексов)"²

В 1970 г., вначале предпринятого Б.И. Маршаком изучения, разработан и применен образец кода для описания керамического комплекса Пенджикента V-VI вв., согласно которому кодированию подверглись следующие признаки: 1) формы сосудов; 2) способ формовки; 3) примеси в глине; 4) обжиг; 5) частично орнамент. И как отметил Борис Ильич, "цель списка не в создании абсолютно новой методики, а в том, чтобы не пропустить существенные с точки зрения археолога факты при описании любого образца керамики данной культуры"³. Полный список признаков был использован и рекомендован для интерпретации в дальнейшем и послужил основой разработки всей типологии⁴.

Таким образом, Б.И. Маршаком была заявлена разработка исключительно важных вопросов типологии массовых археологических находок, в первую очередь керамических, по материалам памятников Согдийской цивилизации (Пенджикент, Тали Барзу, Кафыр-кала). Также доказано, что именно анализ керамических материалов может явиться основой корреляционных сопоставлений колонок относительной хронологии и основой для выявления историко-культурных провинций по всей Центральной Азии.

Использование и продолжение данного направления уже в 1975 г. отразило применение и дальнейшую доработку исследования на основе

---

¹ См.: Маршак Б.И. Керамика Согда V-VII вв. как историко-культурный памятник. (К методике изучения керамических комплексов): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1965.

² См.: Маршак Б.И. Керамика Согда V-VII веков как историко-культурный памятник (К методике изучения керамических комплексов). – СПб., 2012.

³ Маршак Б.И. Код для описания керамики Пенджикента V-VI вв. // Статистико-комбинаторные методы. – М., 1970. – С. 25-52.

⁴ См.: Маршак Б.И. Керамика и даты слоев средневековых памятников Средней Азии // СА. – 1971. – № 2. – С. 204-208.

разработанной Б.И. Маршаком шкалы датировки другими учёными. Примером этому является вышедшая в этом же году коллективная работа И.С. Каменецкого, Б.И. Маршака и Я.А. Шера¹, в которой предлагается основной план археологического исследования. От первичного описания переходят к классификации материала, с учётом способа датировки, использованием принципов исторической интерпретации². Признак берётся за основной параметр археологического языка изложения. Далее подробно рассматриваются:

- а) существующие виды признаков;
- б) известная и используемая методика установления границ признаков;
- в) рабочие принципы составления списка определений.

Предложенные методы вычисления параметров сходства и показателя ассоциации отражают не только количество признаков, но и частотность. Предлагаемая методология сравнения различных индексов состоит из трех основных классификационных моделей: модель А – индекс сходства, матричный синтаксис и графики взаимосвязей. Модель В – это модель, отражающая эволюцию и определенные связи. Модель С – классификация по весу признака.

Первая работа, посвященная формальным методам в археологии, стала первым монографическим исследованием, открывающим инновационные подходы в области науки. Впервые археологические источники рассматриваются как система, состоящая из нескольких этапов работы исследователя с материалом³. Книга была положительно воспринята учёными и получила значительную поддержку для дальнейшего расширения сферы применения статистико-комбинаторных методов в археологии.

---

¹ См.: Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода) / отв. ред. Д.Г. Лахути; Гос. Эрмитаж. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1975. – 174 с.: ил.

² См.: Переиздание: Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А. Анализ археологических источников: Возможности формализованного подхода. – Изд. 2-е. – М.: ИА РАН, 2013. – 182 с.: ил.

³ См.: Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А. Анализ археологических источников: (Возможности формализованного подхода). – М., 1975. – 178 с.

Высоко оценив значение книги Б.И. Маршака, патриарх Среднеазиатской археологии В.М. Массон пишет: «Книги о раннесредневековой керамике, железных изделиях, украшениях, предметах труда и вооружения нужны не меньше, чем красочные альбомы и художественные издания памятников искусства»¹.

Позже Саввониди Н.Ф., опираясь на всю совокупность данных построенной шкалы Б.И. Маршака, применил её к керамическому комплексу верхних напластований Пенджикента².

Значительно доработанная и дополненная диссертация Б.И. Маршака опубликована при огромной поддержке его супруги и соратницы В.И. Распоповой в виде монографии об исследовании керамики Согда V-VII вв. как исторического источника³. Отражает изучение преимущественно находок из нижних слоев Пенджикента, полученных Б.И. Маршаком в 1955-1963 гг., по которым и разработана основная методика раскопок памятника со сложной стратиграфией, а для обработки керамического материала определены статистические критерии достоверности. В результате уже в далёкие 50-е годы были получены сведения и три основных параметра: 1) по истории поселений – в первую очередь Пенджикента; 2) по развитию гончарного дела; 3) по истории хозяйства, быта, искусства и культуры всего согдийского общества, что явило разработку первого инновационного метода и прогресс археологического изучения исторической науки⁴.

Обнаружение гончарного круга на объекте 12 в 1955 г. и изучение всей керамики городища позволило Б.И. Маршаку утверждать, что в

---

¹ Массон В.М.. Раннесредневековая археология Средней Азии и Казахстана // УСА (Успехи среднеазиатской археологии). – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1979. – Вып. 4. – С. 3-7.

² См.: Саввониди Н.Ф. Керамика Пенджикента VII-VIII вв. Комплексы, типология и историческая интерпретация: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 1992. – С. 22.

³ См.: Маршак Б.И. Керамика Согда V-VII веков как историко-культурный памятник (к методике изучения керамических комплексов). – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. – 384 с. : ил.

⁴ См.: Там же. – С. 15.

Пенджикенте имелось свое производство керамики¹, которое прошло через две эпохи развития согдийского ремесла: V-VI вв. и VII – начало VIII в.

Для первой эпохи, Б.И. Маршаком на основе многочисленных работ по керамическим комплексам в V-VI вв. в Согде определено чередование передовых и отсталых районов с различной степенью вытеснения или заменой домашнего гончарного промысла ремеслом. Разновидности домашнего промысла в тех районах, где он сохранился, становились наиболее тесно связанными с рынком. Причём в изготовлении посуды применялось такое техническое устройство, как поворотная подставка. В деталях лепной керамики всё сильнее проявлялись изменения моды и слабее отмечались суеверные магические представления и взгляды²

Также, Б.И. Маршаком подмечен примечательный факт: в V-VI вв. развивается унификация форм и типов столовой посуды, но наряду с этим отмечается наличие своего рода "экспериментального цеха", выпускающего почти сотую долю общего количества продукции. В VI в. каждый седьмой или восьмой столовый кувшин, используемый пенджикентцем, был оригинальным изделием или принадлежал к раритетной серии³.

Изучая столовую посуду, исследователь отмечает не столько случайные перемены, сколько уникальное сознательное творчество. Борис Ильич установил, что каждый мастер имел, широкий потенциал возможностей изменять формы чаш и кувшинов. Появившиеся новые формы не происходят из старых, а заменяют их. Одни и те же чаши, имевшие одно и то же назначение и имеющие одновременное хождение и востребованность, приобретали у разных мастеров различные формы⁴. Ниже приводится «круг форм», составленный Б.И. Маршаком, в котором расположены формы посуды в порядке их близости между собой. В результате получена схема: А

---

¹ См.: Маршак Б.И. Отчет о работах на объекте 12 за 1955/1966 гг. // МИА СССР, № 124. Т. 4 / отв. ред. А.М.Беленицкий. – М.,-Л.: Наука, 1964. – С.182-243.

² См.: Маршак Б.И. Керамика Согда V-VII веков как историко-культурный памятник (к методике изучения керамических комплексов) СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. – С. 248.

³ См.: Маршак Б.И. Там же. – С. 249.

⁴ См.: Там же. – С. 255.

– В – С – D – E, где обозначение буквами имеют частные случаи. Данная диаграмма позволяет говорить о наборе профилей как о системе, в основу которой положен треугольник. По кругам данной диаграммы, кроме центрального, практически почти не видна границы между чашами, широкогорлыми сосудами, кувшинами. В центральном круге только граница между чашами и кувшинами выступает отчётливо¹.

По мнению Борис Ильича, в Пенджикенте все формы, входящие в категорию наиболее удобных для формовки, сушки и обжига, составляли ряд (или даже круг), в котором рядом располагались группы сосудов, отличающихся друг от друга не так выразительно, чем все другие группы. Лишь редкие кувшины разрывают ряд, составляя своеобразную неожиданную форму, сходную с группами сосудов не только внутри "круга форм", но и среди металлической посуды² (таблица 1).

По схеме, предложенной Б.И. Маршаком, была проверена керамика Тали Барзу и Ферганы, которая также показала типичность выявленного явления и для более раннего периода³

Прикладное искусство V-VII вв. отражает обширность кругозора согдийцев, и в связи с этим – отказ от традиций мало связанных между собой городков и селений. По мнению Б.И. Маршака, керамика Согда V-VI вв. почти не связана с металлом, но процессы, которые в ней происходят, близки к тому, что наблюдается в тореvтике. Керамика была обособлена от других видов искусств, а отдельные гончарные центры, обособленные друг от друга, развивали традиции предыдущего периода⁴.

Приводим таблицу 2, в которой это явление подробно представлено в схеме связи между формами кувшинов.

---

¹ См.: Там же. – С. 74.

² См.: Маршак Б.И. Влияние тореvтики на согдийскую керамику VII-VIII веков // Труды Государственного Эрмитажа. Т. V. (Культура и искусство народов Востока, 6). – Л., 1961. – С. 177-201.

³ См.: Там же – С. 74.

⁴ См.: Маршак Б.И. Керамика Согда V-VII веков как историко-культурный памятник: автореф. дис. ... канд. ист. наук, – Л., 1965. – С. 88.

Используя результаты разработанных схем, показанных выше, Б.И. Маршаком составлена хронологическая показательная таблица, в которой каждый датирующий период дополнен конкретными находками, найденными непосредственно в стратиграфическом расположении археологических слоёв, и имеет датирующую привязку. Данная таблица наиболее широко отражает вариабельность предметов в хронологическом расположении. (таблица 3).

Согласно полученным сравнениям Б.И. Маршак делает заключение, что во второй половине VII в. в Маймурге, а к началу VIII в. во всём Согде наблюдается уже новый стиль керамики, отличие которого бросается в глаза. Уровень смены форм не ускорился, а вытеснение старого происходит постепенно. Однако если раньше новизна формы заключалась в том, что в неё входили признаки всех старых форм, востребованных в равной степени одинаково, то теперь изменились все оценочные требования и параметры. Орнамент изображения наиболее декоративных сосудов перестал считаться богатыми. Чтобы нравиться потребителю VII в., теперь глиняный сосуд должен был выглядеть как металлический. Полностью исчезает из употребления ставший старомодным красный ангоб. Мастер не стал независимее, чем в VI в., но предоставленный ему выбор перенесён на другие типы – признаки серебряной посуды¹.

Сегодня отечественные и зарубежные ученые используют эти статистические методы для создания типологий и систем классификации во всех возможных областях исследований керамики. Это дает возможность в будущем решать более насущные задачи изучения истории древних народов, задействуя различные типологии и классификации материальной культуры в целом и типов керамики в частности.

Так, А.Г. Пулотовым по опыту применения схем, разработанных Б.И. Маршаком, определено соотношение лепной и круглой керамики в трех раннесредневековых памятниках, обнаруженных в верхнем течении

---

¹ См.: Маршак Б.И. Керамика Согда V-VII веков как историко-культурный памятник. (К методике изучения керамических комплексов). – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. – С. 85.

Зеравшана¹. Была принята во внимание керамика поселения Хисорак в Горно-Матчинском районе, поселений Санджар-Шах и Пенджикент в Пенджикентской области Таджикистана. Результаты подтвердили выводы Б.И. Маршака, что в горном Согде производилась в основном лепная керамика, в то время как на равнине преобладала круглая посуда². Исследования других памятников, проведенные И.Б. Бентович³, Ю.Я. Якубовым⁴ (памятники Гардани Хисор и Кум в Айнинском районе Согдийской области), Ш.Ф. Курбановым⁵ (Санджаршах в Пенджикентском районе), Л.О. Смирновой⁶ (Хисорак в Горно-Матчинском районе) также подтвердили заключения Б.И. Маршака. Следовательно, можно с уверенностью сказать, что шкала датировок средневековой керамики Б.И. Маршака действенна и продолжает получать подтверждение в исследованиях других археологов.

Хотелось бы особо отметить, что важность и особое место отечественных исследований данного направления заключается в том, что, богатый опыт статистической математики Запада применяется и адаптируется к целям и задачам локальных исследований. Примечательно, что одним из новаторов этого метода в археологии Таджикистана являлся

---

¹ См.: Пулотов А.Г. Соотношение лепной и круговой керамики в раннесредневековых памятниках верховьев Зеравшана // «Актуальная археология 3. Новые интерпретации археологических данных»: тезисы докладов Международной научной конференции молодых ученых, Санкт-Петербург, 25-28 апреля 2016 г. – СПб., 2016. – С. 295-299

² См.: Там же. – С. 299.

³ См.: Бентович И.Б. Керамика Пенджикента // Материалы и исследования по археологии СССР. № 37: Труды Таджикской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, ИИАЭ АН Таджикской ССР и Государственного Эрмитажа. Т. II: 1948-1950 гг. – М.–Л., 1953. – С. 133-145; Бентович И.Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII-VIII вв.) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 124: Труды Таджикской археологической экспедиции ИА АН СССР, ИИ им. А. Дониша АН Таджикской ССР и Гос. Эрмитажа. Т. IV: 1954-1959 гг. – М.–Л., 1964. – С. 265-298.

⁴ См.: Якубов Ю. Раннесредневековые сельские поселения горного Согда. (К проблеме становления феодализма). – Душанбе, 1988. – С. 25.

⁵ См.: Курбанов Ш.Ф. Локальное и региональное в керамике Санджар-шаха // Материалы Международной научной конференции, посвященной Дню молодежи: «Проблемы образования современной молодёжи». – Пенджикент. 2015. – С. 56-57

⁶ См.: Смирнова Л.О. Керамика из раскопок городища Хисорак. (В сравнении с другими памятниками верховьев Зеравшана) // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции (Отчет о полевых работах экспедиции в 2013 г.). – СПб., 2014. – С. 60.

Б.И. Маршак. На материалах керамических комплексов Пенджикента Б.И. Маршаком был предложен вариант детального анализа этого вида археологического источника, заслуживающий самого внимательного отношения и высокой оценки. Во многом именно анализ керамических материалов является основой корреляционных сопоставлений колонок относительной хронологии и основой для выявлений сложения историко-культурных провинций.

Согласно Б.И. Маршаку, "производство лепной посуды в горных районах, тяготеющих к Пенджикенту, представляло собой домашний промысел, связанный с рынком и развивающийся в сторону ремесла". В горном Согде чаще производили лепные керамические сосуды, а в таких регионах, как Пенджикент и его окрестности преобладало производство круговых керамических сосудов¹. Исследования о раннесредневековой керамике, так же как и о других предметах археологических источников (железных изделиях, украшениях, предметах труда и вооружения), важны не меньше, чем художественные издания памятников искусства. Вместе с тем бесспорно, что согдийский культурный комплекс является одним из выдающихся достижений народов Центрально Азии, величайшим вкладом в сокровищницу мировой культуры.

Справедливо отмечено коллегой и соратницей Б.И. Маршака В.И. Распоповой, что выделение достаточно обширных комплексов керамики, разделенных промежутками времени порядка десятилетий, изменило и обработку керамического материала. Появилась возможность проверить датировочную значимость не только так называемых ведущих форм, но и отдельных признаков, свойственных "почерку" той или иной мастерской и даже того или иного мастера. Типология керамики, основанная на учете множества признаков, и статистическая проверка достоверности различий керамических комплексов явились логическим следствием уточнения

---

¹ См.: Маршак Б.И. Керамика Согда V-VII веков как историко-культурный памятник. (К методике изучения керамических комплексов).// СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. -С. 165

стратиграфии, представленной в таблице 3 совместной статьи исследователей Пенджикента¹.

Таким образом, опыт изучения керамики Б.И. Маршаком приводит к совершенно новым, актуальным и прогрессивным выводам, относящимся к основной массе датирующих знаний. Результаты в целом явились тем решающим заделом дальнейших исследований, который стал основополагающим для стратиграфирующих хронологических материалов целого пласта материальной культуры древнего ремесленного производства Согдийской цивилизации. Они позволяют выделить черты, типы, формы, относящиеся к конкретному историческому периоду, определить автохтонность или пришлость исследуемого материала. При помощи классификации форм керамических изделий по методике Б.И. Маршака установлено, что в горном Согде производили в основном лепную керамику, а в равнинном преобладала круговая посуда. Шкала датировок средневековой керамики Согда является ещё одним важным направлением и яркой исследовательской чертой многогранной научной деятельности Б.И. Маршака.

2.3. Методика археологических раскопок раннесредневековых городов Б.И. Маршака

В археологии Центральной Азии древний Пенджикент занимает особое место. Хронологически охватывает V-VIII вв., т. е. период, завершающий древность и начинающий средневековье. На сегодняшний день это один из наиболее изученных памятников, признанных эталонными для Согдийской культуры.

«В далёкие 50-е А.Ю. Якубовский, начавший изучение этого уникального археологического памятника, поставил задачу: «определить тот уровень социального и культурного развития на материале

---

¹ См.: Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И. Согдийский город в начале средних веков (итоги и методы исследования древнего Пенджикента) // СА. – 1981. – № 2. – С. 99, рис. 3.

Пенджикента, который послужил базой для расцвета городской культуры Средней Азии IX-XII вв.»¹.

Была определена методология исследования. Основной акцент был сделан не на стратиграфию, а на широкое изучение развития верхнего горизонта, в рамках которого планировалось продолжить изучение направления и перспективы развития отрасли.

Данная цель являлась актуальной на тот момент исследования, и соответствовала полученному материалу. Перспективность их была подчеркнута А.Ю. Якубовским позднее при постановке задач монографических исследований средневековых городов Средней Азии², которые позволяют поэтапно раскрывать историю городов в динамике их развития, включают детальное изучение топографии и планировки городов и сельских пунктов, фортификационных, парадных, административных и общественных сооружений, жилых домов, мастерских и ремесленных кварталов.

Соответственно, началось параллельное изучение цитадели, храмов, жилой застройки как на территории древнего города, так и в пригороде, а также некрополя, что позволило постоянно корректировать работу, не теряя из виду основных поставленных задач. А.Ю. Якубовский, М.М. Дьяконов и А.М. Беленицкий наметили с помощью раскопок, как можно скорее получить материал, который позволит сделать исторические выводы. Однако следует подчеркнуть, что археология Таджикистана на тот момент находилась на стадии сложения и практически не имела четких правил и методик проведения раскопок. Пенджикент стал трамплином и кузницей новых методов и технологии исследований.

И уже в 60-е годы изучение древнего Пенджикента выводит археологию на качественно новый уровень. Важнейшим определяется, прежде всего, изучение микростратиграфии городища. Многое в этом направлении

---

¹ Якубовский А.Ю. Главные вопросы истории развития городов Средней Азии // ТТФАН. – Сталинабад, 1951. – Т. 29. – С. 5-15.

² См.: Якубовский А.Ю. Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии // Труды Тадж. ФАН СССР. Т. XXIX. – Сталинабад, 1951. – С. 3-4.

сделано Б.Я. Стависким, О. Г. Большаковым, Е.В. Зеймалем, Б.И. Маршаком и В.И. Распоповой.

В ходе их совместных многолетних работ в Пенджикенте выработалась своя методика, изменяющаяся в зависимости от состояния раскопок каждого объекта. Хотя нужно отметить, что Александру Марковичу Беленицкому археологические методики иногда казались ненужным педантством.

Чтобы понять сложность и значимость опыта проведения раскопок, применяемого в Пенджикенте, важно показать его динамику. Попытаемся охарактеризовать методику, которая впервые использовалась при раскопках объекта III. Важно также учитывать, что методики проведения раскопок на памятниках сырцовый архитектуры для 50-х годов разработано не было. Пенджикент – единственный уникальный памятник, где архитектурные сооружения не были перекрыты многочисленными вековыми и современными застройками, что позволяло провести полноценные археологические работы широким фронтом. К сожалению, подробное описание или просто описание методов ведения раскопок на городище на ранних этапах исследования не практиковалось. И в связи этой проблемой мы вынуждены обратиться к полному описанию имеющихся практик, зафиксированных в публикациях Б.Я. Ставиского¹, О.Г. Большакова², К.Г. Большаковой и самого Б.И. Маршака, которое в полной мере позволит понять важность и необходимость доводки и разработки Б.И. Маршаком корректирующей методики проведения раскопок.

Примечательно, что разбивка на квадраты с осями по странам света в Пенджикенте не практиковалась изначально. В тех случаях, когда закладывался новый участок, квадраты разбивались по осям, совпадающим

---

¹ См.: Ставиский Б.Я. Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части пенджикентского городища (объект VI) в 1951-1959 гг. // МИА. – 1964. – № 124. – С. 121-181.

² См.: Большакова О.Г. Отчет о раскопках северо-восточной части объекта III (комплексы I и II, раскопанные в 1952-1956 гг.) // МИА. – 1964. – № 124. – С. 91-92.

с направлением стен соседних помещений. Учет находок велся по квадратам, а после выявления помещений – по помещениям¹.

"До начала раскопок весь участок, разбивался на квадраты размером 110 x 10 м каждый. Внутри раскапываемых квадратов была причерчена сетка, образовавшая более мелкие квадраты (площадью 2 x 2 м). Однако после того, как под тонким дерновым слоем стали появляться остатки стен и выявилась планировка помещений, фиксация находок велась не по условной сетке, а по замерам в отдельных помещениях. Помещения первого этажа получали обозначение – нумерация арабскими цифрами по мере их вскрытия. Вначале раскопок помещения или участка устанавливается отметка, уровень которой выражается относительно репера объекта III. Первое время замеры давались по поверхности холма и были несопоставимы друг с другом. В 1955 г. за репер была принята нулевая отметка архитектурных разрезов, сохранявшаяся в стене помещения 45. С тех пор все записи в дневниках даются по этому реперу»².

«В 1957 г. в северном крыле Храма 1 был вкопан четырехметровый швеллер, верх которого был принят за 0, эта отметка на 115 см выше репера объекта III. И от этой отметки ведутся все отсчеты, выражаемые также относительно репера. Когда раскоп значительно углубляется и пользоваться первой отметкой становится неудобно, то в стену помещения (или в край раскопа) вбивается кольшек на уровне репера или на метр выше его. По окончании раскопок помещения все отметки, кроме нулевой, уничтожаются. С 1957 г. нулевые отметки оставлялись для контроля во всех помещениях, но часть их, конечно, с течением времени исчезла. В ходе работ систематически замеряются с помощью нивелира уровни отдельных полов, прослоек, детали архитектуры и т. д. После выявления трех стен помещения раскоп углубляется на участке 2-3 м в длину (для фиксации размер участка не играет роли, поскольку линия профиля отмечается на самом чертеже) до

---

¹ См.: Ставиский Б.Я. Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части пенджикентского городища (объект VI) в 1951-1959 гг. // МИА. – 1964. – № 124. – С. 121.

² Ставиский Б.Я. Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части пенджикентского городища (объект VI) в 1951-1959 гг. // МИА. – 1964. – № 124. – С. 124.

глубины 2-2,5 м (при большем углублении трудно вычерчивать профиль). Край раскопа тщательно заравнивается лопатой, на нулевом уровне натягивается бечевка, один из колов, на который она натягивается, обязательно устанавливается по нивелиру (в тех случаях, когда раскоп не достиг нулевой отметки, бечёвка натягивается на уровне +1 м). Профиль расчерчивается на метровые квадраты. При вычерчивании обреза расчищается ножом; опыт показал, что без этого можно ошибиться в определении характера завала. Все археологические чертежи выполняются в масштабе 1:20. После исследования обреза раскопа, когда становится ясна стратиграфия заполнения помещения до достигнутой глубины, дальнейшие раскопки и фиксация материала ведутся послойно, а если слои не обнаружены, то материал фиксируется по глубине с округлением до 0,1 м. По достижении определенного слоя или пола помещение раскапывается по этому слою рядом последовательных двухметровых прирезок во всю ширину помещения. Эти прирезки заменяют собой квадраты¹ (таблица 4).

В итоге система фиксации по этапам оказалась неудобной, так как многочисленные целые сосуды и крупные фрагменты керамики, а также мягкие пылевидные прослойки чрезвычайно затрудняют горизонтальные зачистки через каждые 20 см. Послойная фиксация (на объекте III) в чистом виде также оказалась неудобной, так как границы слоев в мягких гумусных прослойках обычно удавалось выявить, лишь раскопав несколько квадратов.

Предложенная Б.И. Маршаком методика раскопок была апробирована на объекте XII в 1955, 1957-1960 гг. и описана отдельным разделом, озаглавленным «Методика раскопок на объекте XII»². В отчёте записано: «В 1956 г. К.Г. Большаковой в Раскопе III раскопанные помещения нижнего слоя проведены по строгой методике фиксации Раскоп, в который вошло помещение 3, был разбит на четыре квадрата (каждый 2 x 2 м), находки

---

¹ Большакова О.Г. Отчет о раскопках северо-восточной, части объекта III (комплексы I и II, раскопанные в 1952-1956 гг.) // МИА. – 1964. – № 124. – С. 91-92.

² См.: Маршак Б.И. Отчет о работах па объекте XII за 1955-1960 гг. // МИА. – 1964. – № 124. – С. 183-184.

фиксировались по штыкам и квадратам. Разбивка на квадраты проводилась и во все последующие годы. Каждый квадрат доводился до глубины 2-2,5 м с расчисткой всех обреза лопатой и ножом (там, где встречались сырцовые кирпичи, полы и т. д.). Помещения получили номера, независимые от нумерации помещений здания верхнего слоя объекта XII – с 1 по 4. Прирезки к раскопу делались, по возможности, диагональными рядами квадратов, чтобы граница раскопа представляла собой ряд уступов. В случае необходимости оставлялись бровки между квадратами, которые затем разбирались послойно. Наклон слоев и их чередование были настолько разнообразны, что профили обычно приходилось вычерчивать по всем сторонам квадратов (в масштабе 1/20). В связи с направлением стен нижнего здания иногда приходилось делать прирезки к квадратам или несколько изменять направление их границ с целью получить наиболее выразительные профили. Профили снимались до уровня пола нижнего здания. Расчистка их и вычерчивание проводились последовательно на глубинах по 2-2,5 м на каждом этапе, чтобы детали можно было в случае необходимости рассматривать вблизи. Часть разрезов доводилась до верха стен нижнего здания из-за узости и глубины комнат.

Поэтому до четкого выявления, стратиграфии раскоп ведется по ярусам 50 см глубиной. (Нижняя граница 4-го яруса совпадает с отметкой – 12 м от репера городища). Каждая плотная прослойка расчищается независимо от глубины залегания. В случаях, когда слои выявлены по разрезам с полной очевидностью, раскоп ведется по слоям: таковы, например, забутовки, завалы сводов, прослойки над полами, заполнения небольших ям. В описях тогда указывается квадрат и слой или (в маленьких помещениях) помещение и слой. Там, где одновременная насыпка с трудом может быть отделена от постепенно нараставшего слоя, раскоп ведется по ярусам. Если при значительной толщине слоя установленная граница его проходит в нескольких сантиметрах от конца яруса, то раскоп ведется до этой границы, а полученный материал фиксируется вместе с материалом из яруса, к которому была сделана прирезка. При раскопках помещений, заполненных

остатками разрушенных стен и сводов, применялись те же приемы, что и на объекте III. В связи с перестройками швы в углах расчищались ножом на всю высоту, а в ряде мест частично разрушались стены для выявления характера: кладки. Проводились замеры кирпича-сырца. Для исследования материка в полах нижнего здания были заложены небольшие шурфы. План помещений VIII в., отделенных толщей земли от ранних построек, снимался отдельно, но здания нижнего слоя разных периодов снимались на один план, поскольку эти постройки тесно связаны между собой, и лишь впоследствии с общего плана были сделаны кальки с планами по периодам.

Только одновременная с раскопками фиксация всех находок (особенно: керамики) позволила проследить стратиграфию. В случае находки монеты прослойка, в которой она была найдена, расчищалась до ближайшего профиля и отмечалась на нем колышком. Место данной прослойки в стратиграфии всего раскопа уточнялось по остальным профилям. Обнаружение в керамике какого-либо яруса фрагментов поздних сосудов также заставляло немедленно прослеживать по чертежам и еще не скрытым профилям границы и особенности смешанного слоя. Индивидуальные находки в 1957-1960 гг. фиксировались в описи с рисунками. Шифр полевой описи содержит в себе указание на квадрат и ярус, из которых происходит вещь. Десятки тысяч фрагментов керамики фиксировались в поле на разделенной на квадраты площадке. Фиксацию и склейку керамики в 1957-1960 гг. проводила археолог В.И. Распопова. Все венчики, ручки, стенки с орнаментом и т. д. (учет неорнаментированных стенок, как показал опыт, не дает надежных оснований для определения типов сосудов) фиксировались в особых описях керамики с указанием квадрата, яруса и слоя. Фрагменты чаш, кувшинов, хумов, относящиеся к стандартным типам, учитывались на сводных таблицах с указанием диаметра венчика и особенностей техники изготовления. Обломки других сосудов зарисовывались в натуральную величину, в подписях к рисункам отмечались примеси, особенности

техники, диаметр и т. д. С прочерченных орнаментов снимались карандашные протирки»¹.

Опыт предложенной им методики был применен к юго-западной части поселения, где изучались жилые постройки V-VI веков. Здесь он также разместил несколько домов и участок дороги для наблюдения и анализа данных². По результатам, полученным в 2006 г., И.Р. Рахматуллаев (ученик Б.И. Маршака) защитил кандидатскую диссертацию на тему: «История жилых комплексов согдийского города VII-VIII веков. (По материалам объекта XXIII городища древнего Пенджикента)»³.

В результате была разработана общая методика раскопок жилищ в условиях сложной стратиграфии. За основу было взято изучение стратиграфических данных, керамических комплексов и находок монет. Была разработана шкала датировки керамики для V-VII веков. Эта шкала была почти отсылкой к исследованию объектов III и VII, первоначально проведенному на городской стене, проходящей вдоль оси массива зданий. Б.И. Маршак во время изучения объекта XXI, расположенного к западу от храмов, который был крупнейшим хозяйством древнего города, и объекта XXIV, который представлял собой массив зданий, состоящий из богатого дома и нескольких обычных жилых помещений, предложенная им шкала была протестирована еще раз⁴.

С внедрением методики Б.И. Маршака его методы исследования жилых комплексов применялись повсеместно, но на раскопках объекта XXIII городища древнего Пенджикента они дополнились следующими положениями: 1) установить назначение (жилище и домовладение); 2) выявить длительность жизни домовладений и жилищ в ходе раскопок: 3)

---

¹ Маршак Б.И. Отчет о работах па объекте XII за 1955-1960 гг. // МИА. – 1964. – № 124. – С. 183-184.

² Личное сообщение И.Р. Рахматуллаева.

³ См.: Рахматуллаев И. История жилых комплексов согдийского города VII-VIII веков. (По материалам объекта XXIII городища древнего Пенджикента): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Душанбе, 2006. – С. 11.

⁴ См.: Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И. Согдийский город в начале средних веков (итоги и методы исследования древнего Пенджикента) // СА. – 1981. – № 2. – С. 94-110.

провести анализ отдельных помещений на функциональность; 4) применить методические требования опыта сбора и фиксации керамического материала и других находок по принципу стратиграфического расположения; 5) провести обработку нумизматического материала в связи со строительной историей жилища или домовладения и их стратиграфии; 6) выделить синхронные слои, подразделив на домовладения, строительные массивы в отношении всего города в целом¹.

Более тридцати лет руководя раскопками городища древнего Пенджикента, получившего всемирную известность, Борис Ильич не мог не задумываться над проблемами, связанными с его исследованием. Именно его методика раскопок, разработанная по материалам Пенджикента, распространилась и стала применяться на других памятниках, благодаря многочисленным ученикам, работавшим в составе археологических экспедиций из других регионов и стран. Продуманная им гибкая методика раскопок, описаний и фиксаций, применяемая для сырцовых архитектур, признана одной из лучших среди археологических методик раннесредневековых городов, применяемых в Центральной Азии. Она позволяет получить максимально точную информацию, помогающую реконструкции архитектурных сооружений. Также ему принадлежит разработка единой схемы топографических координат, благодаря которой сложные сплетения городских и фортификационных сооружений более точно переносятся на планы². Методика фиксации координат при помощи сетки колов и точек расположения находок успешно используется до их пор. Каждый объект имеет свою папку с планом нанесения сети колов и точек фиксации находок³.

---

¹ См.: Отчёт Пенджикентской археологической базы Института истории им. А. Дониша за 11 месяцев 1973 года (Архив Отдела археологии, папка П – 1973 - Ar_TJ_ARCH2-000036).

² См.: Пенджикент – план сетка колов 1981-1990, 1994-1995. (Архив отдела археологии Папка – Ar_TJ_ARCH2-000105 Пенджикент – план сетка колов 1981-1990, 1994-1995.

³ См.: Сводный план объектов XXIII-XXV. Сеть колов сводного плана объектов XXIII-XXV для 1997 г. (архив отдела археологии папка П 1997 Ar_TJ_ARCH2-000623) и для 2006 г (папка П – 2005-2006 – Объект XXVI – Ar_TJ_ARCH2-000658) и др.

В результате методика раскопок раннесредневекового города, проводимая Б.И. Маршаком с фронтальной фиксацией находок, с привязкой их комплексных изучений керамики, нумизматики и др. направлений, позволяет сделать и использовать результаты в дальнейших разноплановых исследованиях и заключениях. Так, детальная фиксация монетных находок способствовала разработке вопросов согдийской нумизматики¹, дала возможность проследить изменения, происходившие в экономике, торговле и быте на протяжении жизни нескольких поколений жителей города.

Различные стороны жизнедеятельности раннесредневекового города рассматривались исследователями в различных направлениях. В связи с этим особенно актуальным было предложение Б.И. Маршака по-новому взглянуть на изучение керамики (шкала, о которой говорилось ранее), датирование монет в связи со стратиграфическими наблюдениями. В результате это позволило расширить комплекс керамики «верхнего слоя» Пенджикента до середины IX в.² Масштабные исследования жилых кварталов городища древнего Пенджикента с использованием методики Б.И. Маршака проводились В.И. Распоповой³, И. Рахматуллаевым⁴, А. Н. Шабетником⁵, Д. Абдуллаевым¹, Ш.Ф. Курбановым² на своих объектах.

---

¹ См.: Смирнова О.И. Каталог монет с городища Пенджикент (материалы 1949-1956 гг.). – М., 1963. – 201 с.

² См.: Распопова В.И. Жилища Пенджикента. (Опыт историко-социальной интерпретации). – Л., 1990. - С. 206.

³ См.: Отчет о научно-исследовательской работе Отделения общественных наук за 1967 г., ф. 1, оп. 4, д. 271; Отчет о научно-исследовательской и научно-организационной деятельности Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР за 1978 г.; Отчет о научно-исследовательской и научно-организационной деятельности Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР за 1979 г.; Отчет о научно-исследовательской и научно-организационной деятельности Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР за 1980 г.

⁴ См.: Отчет учреждений Отделения общественных наук АН ТаджССР о научно-исследовательской деятельности в 1969 г., ф.1, оп. 4, ед. хр. 273; Отчет о научно-исследовательской и научно-организационной деятельности Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР за 1976 г.

⁵ См.: Отчёт о раскопках Объекта XXV. В приложении: Общий и сводный планы раскопок 1988-1992 гг. Разрезы 1986 -1992 гг. Архив отдела археологии - папка П. 1992 - Ар_TJ_ARCH2-000319.

Они отразили, что каждый новый жилой дом, домовладение, квартал имеет существенное дополнение к воспроизведению картины жизни раннесредневекового города, которые в целом виде составляют более полную картину раннесредневековой городской культуры Согдийской цивилизации.

Задача рассмотрения закономерности расположения жилых сооружений города – новый опыт для среднеазиатской археологии. Перестройки и переделки жилищ можно проследить, только проведя особенно тщательную расчистку строительных конструкций, выявленных в каждом помещении, жилом доме и строительном массиве в целом, чётко фиксируя последовательность постройки всех стен и полов и связи выявленных перестроек³.

В результате за многие годы работы над темой объекта XXIII был накоплен огромный опыт в определении индивидуальных пространств и целых сооружений в соответствии с их назначением. При определении назначения каждого объекта исследования учитывается связь с другими местами и улицей, общая площадь, высота, наличие суф и их характер, остатки производственных помещений (печи, очаги, лари, складские сооружения и т.д.), освещение, дверные замки, состав находок (включая монеты и керамику), характер заполнения помещений, характер слоев на полу, выявленные многочисленные помещения различного назначения – специализированные в результате анализа и сравнения признаков. Это айваны, вестибюли, обычно с лестницей или пандусом, прихожие, бытовые святилища, склады, кухни, парадные залы, лаборатории, складские помещения в них, магазины розничной торговли. В качестве особенности

---

¹ См.: Сведения и отчеты о работе научно-исследовательских учреждений Отделения общественных наук АН ТаджССР 1949-1952 гг. фонд № 1, опись № 4, связка № I, ед. хр. № 135.

² См.: Отчёт о раскопках Объекта XXVI с. В приложении: Объект XXVIс – фото раскопок помещений 1, 2, 3, стены со следами росписей, пандус и световые окна второго этажа. Чертежи сети колов и точек фиксации находок. Архив отдела археологии, папка Ar_TJ_ARCH2-000354; П 1994 – Ar_TJ_ARCH2-000355.

³ См.: Рахматуллаев И. История жилых комплексов согдийского города VII-VIII веков. (По материалам объекта XXIII городища древнего Пенджикента): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Душанбе, 2006. – С. 15.

при изучении жилища был принят принцип крепления находок, где особое внимание уделялось керамике. Правильность выбора и считывания показаний матрасов была надежно проверена одним или двумя разрезами, сделанными в каждой комнате. Керамика, поступавшая из помещений, обязательно делилась на комплексы в соответствии с двумя основными характеристиками – местоположением и безопасностью¹.

Таким образом, совершенствуя методику, разрабатывая более точные стратиграфические и статистические приемы, в Пенджикенте удалось сочетать разработку поставленной А.Ю. Якубовским задачи с задачей выявления развития и изменения социального и культурного облика города. Наметились синхронные срезы по V в., рубежу V-VI в., VI в., концу VI – началу VII в., середине VII в., последним десятилетиям VII в. – 712 г., 722 г., 740-м годам, 750-770-м годам². В результате вместо неподвижной картины в науке была представлена динамика действительности, которая происходила во время сменявших друг друга поколений.

Благодаря методике раскопок раннесредневековых городов Б.И. Маршака исследования пополнились методическими разработками археологических принципов определения города, системы градаций, населенности³. Проблема города во всех ее аспектах в последние десятилетия признавалась основной важной задачей, объединяющей усилия всех археологических экспедиций, хорошо показанной в специальном выпуске сборника "Успехи Среднеазиатской археологии"⁴ (далее – УСА),

---

¹ См.: Рахматуллаев И. История жилых комплексов согдийского города VII-VIII веков. (По материалам объекта XXIII городища древнего Пенджикента): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Душанбе, 2006. – С. 15.

² См.: Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И. Согдийский город в начале средних веков (итоги и методы исследования древнего Пенджикента) // СА. – 1981. – № 2. – С. 99.

³ См.: Распопова В.И. К вопросу о специфике города и сельских поселений раннесредневекового города. // Успехи среднеазиатской археологии. – Л., 1979. – Вып. 4. – С. 22-25.

⁴ См.: Массон В.М.. Раннесредневековая археология Средней Азии и Казахстана // УСА – С. 3-6; К.М. Баипаков. Некоторые вопросы изучения раннесредневековых городов Семиречья и Южного Казахстана. – Л., 1979. – Вып. 4. – С.7-9; Негматов Н.Н.. Характер и уровень материальной культуры Уструшаны // УСА. – 1979. – Вып. 4. – С. 10-16; Сулейманов Р. Об истоках раннесредневековой культуры древнебухарского оазиса // УСА. – 1979. – Вып. 4. – С. 17-21.

прекрасно отразившего успехи и достижения внедрённой в практику методики раскопок раннесредневековых городов Б.И. Маршака. На примере предложенной им методики дополняясь, приспособляясь к иным условиям и типам памятников, полевая археология обогатилась практическими рекомендациями по проведению раскопок, к сожалению, до сих пор не систематизированными методическим изданием.

Накопление колоссального объёма материала позволило приступить к обобщению закономерностей сложения феодального города Средней Азии. Отражением сводного итога явилась вышедшая в 1973 г. монография А.М. Беленицкого, И.Б. Бентовича, О.Г. Большаковой "Средневековый город Средней Азии", построенная преимущественно на археологическом материале, в качестве источника для рассмотрения актуальных исторических вопросов, таких как населенность и определение места города в политической системе государства и страны, экономические связи города и экономика, архитектурно-планировочная и социальная структура¹. Итогом стало определение целого ряда не изученных вопросов в исследовании городской культуры областей Средней Азии, недостатков в методике их исследования, необходимость привлечения более обширной категории археологических материалов, на которые указывал Б.И. Маршак, разработав свою методику раскопок раннесредневековых городов. На сегодняшний день многие действия, связанные с археологическими раскопками на городище древнего Пенджикента осуществляются с привлечением новых компьютерных технологий с использованием тахеометров, 3D-реконструкторов и др.², но по-прежнему они выполняют требования, заложенные в методику раскопок раннесредневековых городов, составленную Б.И. Маршаком.

---

¹ См.: Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большакова О.Г. Средневековый город Средней Азии. – Л.: Наука, 1973.

² Личные сообщения Ш.Ф. Курбанова и П.Б. Лурье.

ГЛАВА III. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА СОГДИЙЦЕВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ Б.И. МАРШАКА

3.1. Искусство древнего Пенджикента

Культура как результат человеческой деятельности подразделяется на материальную и духовную. И это то направление научных исследований, которое очень сильно превалировало в разработках Б.И. Маршака. Один из солидных блоков изучения духовной культуры в работах Б.И. Маршака составляет искусство Согда.

Искусство Согда благодаря археологическому изучению Средней Азии было открыто в последние десятилетия XX века. Если более полвека тому назад о нём судили только по терракотовым статуэткам и оссуариям, то сегодня описывают архитектурные школы, приёмы, строительные достижения, монументальную живопись, торевтику, резьбу по дереву, штуку, художественную керамику.

Много уникальных и важных памятников было открыто в долине Кашкадарьи, в Бухарском оазисе, в землях, расположенных по среднему течению Зеравшана и в столице древнего Согда – Самарканде. Однако полное представление о согдийском искусстве, соединившееся в целостное представление добытых на разных памятниках очень ярких, но разрозненных по происхождению фактов, складывается только по итогам многолетней научной деятельности Б.И. Маршака в Пенджикенте, где с 1948 г. ежегодно открываются всё новые и новые уникальные произведения искусства¹.

Первые шаги по изучению согдийского искусства были предприняты более полувека назад и опубликованы в сборнике "Живопись древнего Пенджикента"². Именно тогда были определены направления, по которым проводилось изучение искусства Согда. Это вопрос о статусных функциях (социальных культовых, религиозных, политических) этого искусства,

---

¹ См.: Маршак Б.И. Искусство Согда // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства. – М., 1987. – С. 233-248.

² См.: Живопись древнего Пенджикента. – М., 1954. – С. 17.

обусловленности его основных черт назначения исторической ситуацией¹; о значимости школ Согдийского искусства во всемирной истории искусств и о связях изобразительного искусства с эпической поэзией²; о понимании культовой иконографии Согда как результата исторического процесса идеологии всего Востока, ставшего в I тысячелетии н. э. ареной противостояния мировых религий³.

Трудами А.М. Беленицкого⁴, Н.В. Дьяконовой⁵, Г. Азарпай⁶ и других учёных были определены основные вопросы научных изысканий.

В своих исследованиях Борис Ильич Маршак не обошел вниманием ни один из аспектов материальной и художественной культуры Согда. В то же время в общей совокупности его работ две области занимали преобладающее положение, красной нитью проходя через всю его научную деятельность, – живопись и керамика. Сформировав определенное ядро приоритетных сюжетов из первых публикаций, он постоянно отслеживал всевозможные их воспроизведения, не раз возвращаясь к ним. К разряду научного подвига возможно отнести многолетние исследования Б.И. Маршака, которые показали, что у согдийцев, как и у других иранских народов, долгое время отсутствовали отчётливые представления об изображении богов, и соответственно не было чёткого определения культовой иконографии. Отдельные статьи и монографии посвящены

---

¹ См.: Якубовский А.Ю. Вопросы изучения пенджикентской живописи // Живопись древнего Пенджикента. – М., 1954. – С. 14.

² См.: Дьяконов М.М. Росписи Пенджикента и живопись Средней Азии // Живопись древнего Пенджикента. – М., 1954.. – С.47.

³ См.: Беленицкий А.М. Вопросы идеологии и культов Согда. (По материалам пенджикентских храмов).. // Живопись древнего Пенджикента. – М., 1954. –С 87.

⁴ См.: Беленицкий А.М. Новые памятники искусства древнего Пенджикента. Опыт иконографического истолкования // Скульптура и живопись древнего Пенджикента. – М., 1959; Он же. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись. Скульптура. – М., 1973.. – С.58.

⁵ См.: Дьяконова Н.В., Смирнова О.И. К вопросу об истолковании пенджикентской росписи // Исследования по истории культуры народов Востока: сборник в честь академика И.А. Орбели. – М.-Л., 1960; Дьяконова Н.В., Смирнова О.И. К вопросу о культе Наны (Анахиты) в Согде. // СА. – 1967. – № 1.

⁶ См.: Azarpay G.: Sogdian Painting. – Berkeley; Los Angeles; London, 1981; Some Iranian Iconographie Formulae in Sogdian Painting // Iranica Antiqua. XI (1976); Iranian Divinities in Sogdian Painting // Acta Iranica. Monumentum H.S. Nyberg. I. – Leiden, 1975; Nana, the Sumero-Akkadian Goddess of Transoxiana // JAOS. – 1976, – Vol. 96. – N 4.

специальному изучению направлений согдийского искусства. Но в Согд через многочисленных купцов и колонистов проникли чужеземные представления о культах и верованиях мировых религий – буддизма, христианства, манихейства. Все эти три религии уже имели своё сложившееся культовое искусство, которое, проникая на территорию Согда, служило мощным оружием миссионеров. Примечательно, что в колониях многие согдийцы, переходя в буддизм или манихейство, не отказывались от культов своих богов, которых они сохраняли как понимание и поклонение в виде покровителей рода, семьи, городов, селений, оазисов. Однако теперь уже этих богов они рисуют, следуя правилам и традициям иной иконографии. Это приводит к тому, что в V-VI вв. согдийцы разрабатывают свою собственную выразительную и почитаемую культовую иконографию. Они используют различные традиции, видоизменяя их, и, как это подмечено несколько ранее в их архитектуре, комбинируя и используя элементы различного происхождения¹. В дальнейшем Б.И. Маршаку удастся проследить конкретные пути сложения культовой иконографии². Рассматривая общие картины жизни и идеологии согдийцев в сопоставлении археологических открытий, он делает заключение о своеобразии согдийского общества, своеобразии задач согдийского искусства, которое создавало из местных и заимствованных элементов совершенное и цельное, глубоко оригинальное по общему замыслу творение³.

Другой привилегированной областью исследований стала торевтика. По этому поводу необходимо заметить, что это нашло отражение в работах разных лет, по совокупности которых он защитил докторскую диссертацию в 1982 году. К сожалению, эта справочная работа была представлена только

---

¹ См.: Маршак Б.И. Искусство Согда // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства. – М., 1987. – С. 237.

² См.: Маршак Б.И. Индийский компонент в культовой иконографии Согда // Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье: тезисы докладов. – М., 1981; Belenitskii A.M. and Marshak B.I. The Paintings of Sogdiana. – P. 28-35.

³ См.: Маршак Б.И. Искусство Согда // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства. – М., 1987. – С. 240.

на немецком языке. В связи с вышесказанным, необходимо отметить два аспекта. Во-первых, его исследования согдийского серебра постоянно подпитывали его мысли о керамике. Так, в новаторской статье 1961 года Б.И. Маршак показал, что начиная с VII века керамика Пенджикента, ранее очень скупая на какие-либо новшества, приобретает новые мотивы, копируя серебряные согдийские чаши и особые чаши, характерные для новых тюркских правителей Согда¹.

Второй аспект, на который хотелось бы обратить внимание, заключается в том, что, в отличие от исследований в области керамики, работа с серебром вывела его далеко за пределы Согда. Это второе направление началось для Бориса Ильича с исследования и публикации разнообразного набора тарелок, состоящего из четырех ваз, обнаруженного в 1961 г. Я. К. Крикисом в Чилеке (близ Самарканда), и в хорошо датированном археологическом контексте конца VI или начала VII в.²

Торевтика. Проблемы атрибуции – установления подлинности данных о географической принадлежности – определены, как мало разработанные. Немногие предметы могли быть отнесены к Ирану или к Средней Азии. Именно этот вопрос и будет рассмотрен Б.И. Маршаком в работе "Согдийское серебро"³. Исследование торевтики до Бориса Ильича неоднократно предпринимались маститыми учёными. Имеются работы по Бактрии – Тохаристану (К.В. Тревер, К. Вейцман, Ф. Денвуд, Р. Гёбль), Хорезму (С.П. Толстов, В.А. Лившиц, Ю.А. Рапопорт, Г. Азарпай) и отчасти Согду (Г.В. Григорьев, А.С. Меликян-Ширвани). О серебре Средней Азии писали также Г.А. Пугаченкова и Л.И. Ремпель. И.А. Орбели, К.В. Тревер, Я.И. Смирнов, Г.В. Григорьев предприняли изучение группы

---

¹ См.: Маршак Б.И. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII–VIII веков // ТГЭ. Т. V. Л., 1961. – С. 177-201.

² См.: Маршак Б.И., Крикис Я.К. Чилекские чаши // ТГЭ. Т. X: Культура и искусство народов Востока. – Л.: Изд-во «Советский художник», 1969. – С. 55-80.

³ См.: Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. – М., 1971. – 191 с.

Маршак Б.И. История восточной торевтики III–XIII вв. и проблемы культурной преемственности / под ред. В.П. Никонорова. – СПб.: Академия исследования культуры, 2017.

предметов, которое перерастает в проблему определения роли и места раннесредневекового искусства Согда в искусстве Востока. Только Б.И. Маршак, приступив к анализу торевтики, пришёл к заключению, что данное исследовательское направление предоставляет «...едва ли не единственную возможность увидеть своеобразие искусства разных стран на однородном материале»¹.

Б.И. Маршаком предпринято сравнение форм сосудов произведений торевтики и керамики Согда. Это привело к постановке проблемы об атрибуции произведений торевтики, согласно которой выделяется специфика ремесленной традиции. Приёмы выполнения, которые воспроизводятся мастерством от учителя к ученику, как в деталях, так и в целых образах, уже достаточно надёжно позволяют установить принадлежность вещи к произведениям мастеров с традицией, имеющих общих учителей, т. е. определить принадлежность мастеров к одной школе.

В V-VI вв. в торевтике Согда главенствующими были архаичные формы, присущие искусству периода Аршакидов и Ахеменидов. В торевтике Борис Ильич отмечает появление двух вариантов в орнаментации, которые затем сохраняются, по крайней мере, до середины VIII в. Это позволяет предположить активность не менее двух малых школ внутри одной школы². Ахеменидская традиция особо выделяется в торевтике, а следы влияния ахеменидского государства определяются по согдийским документам с горы Муг³. Прикладное искусство V-VI вв. ещё признавалось архаичным, но в изобразительном искусстве уже был заметен и определялся перелом. Хорошо отражают это явление терракоты, которые, очевидно, считались миниатюрными статуями, когда-то располагавшимися в храмовых нишах⁴.

---

¹ Маршак Б.И. История восточной торевтики III-XIII вв. и проблемы культурной преемственности / под ред. В.П. Никонорова. – СПб.: Академия исследования культуры, 2017. – С. 21-13.

² См.: Маршак Б.И.. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. – М.: 1971. – С. 74.

³ См.: Лившиц В.А. Согдийские документы с горы Муг, вып. II: Юридические документы и письма. – М., 1962. – С. 48.

⁴ См.: Маршак Б.И. Отчёт о работах на объекте XII за 1955-1960 гг. // МИА, 1964. Т. 124. – С. 237-243.

Примечательны найденные несколько уникальных видов стоящих в застывших позах терракотовых фигурок VI в., с которых позднее появляются новые изображения богов или царей, но уже сидящих на разнообразных тронах, фантастических существ, напоминающих сирен, воинов в полном вооружении. Было замечено, что старые виды исчезают бесследно. Изящество и гармония форм, блеск декора, детальная проработка черт лица – всё это уже новые приметы, быстро завоевавшие признание¹. Прежняя жесткость и ограниченность согдийского искусства исчезает. В новой иконографии многое взято из Византии, Индии и Ирана, и по большей части взяты те знаки, которые непосредственно перед самим VI веком проявились в искусстве этих стран. В Варахше, Самарканде и Пенджикенте сравнение открытых фресок показывает, что терракота четко передает характер монументального искусства VI-VII вв.²

Б.И. Маршака на протяжении многих лет волновал вопрос: «что возникло раньше в большом искусстве?»³ Прямого ответа не получено, но так как эволюция Согдийской культуры с V по начало VIII в. в каких-то деталях была известна благодаря изучению искусства и ремесла, а письменные источники отразили статичную картину, то Борис Ильич целиком использовал все косвенные данные материалов и особенно памятников прикладного искусства. Им подмечено, что стремление к роскоши и изяществу, широкий географический кругозор, столь характерный для стиля монументальной скульптуры и живописи VI-VIII вв., разнообразно запечатлены в терракотовых воспроизведениях статуй, позже – в торевтике, и, наконец, в его излюбленном направлении исследований – в керамических сосудах⁴.

Б.И. Маршак заметил, что раньше в прикладном искусстве почти не наблюдались эти тенденции. Однако соотношение между большим и малым

---

¹ См.: Маршак Б.И. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII-VIII вв. // ТГЭ. Т. V. – Л., 1961; В.А. Мешкерис. Терракоты Самаркандского музея. – Л., 1962. – С. 32-49.

² См.: Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. – М., 1971. – С. 74.

³ Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. – М., 1971- 191 с.

⁴ См.: Маршак Б.И. Там же. – С. 75.

искусством изменилось в V-VIII вв., и как полагает исследователь, эти явления в V-VI вв. были новыми не только для мастера серебряных дел или гончара, которые ещё очень редко применяли их в своих изделиях, но и для самих скульпторов и живописцев. Прикладное искусство развивалось параллельно монументальному, иногда отставая от него, а иногда с переменным успехом опережая его. Это особенно заметно в производстве изделий среди кузнецов-мастеров по золоту и скульпторов. Письменные источники, живопись и отдельные находки отражают покрытие серебром или золотом скульптуры идолов богов и фигуры зверей, служивших тронами. Исследователь определил, время, которое монументальное искусство прошло не позже VI в., а прикладное (и торевтика в том числе) преодолело в VII в. Анализируя свои наблюдения по керамике, Борис Ильич наметил самые общие этапы развития торевтики, а наблюдение и анализ торевтики и керамики вместе помогли наметить этапы развития искусства в целом от простоты и обособленности к виртуозности мастерства и широте кругозора. Очевидным становится вывод учёного по поводу перемены стиля искусства, в котором заявлено, что даже если бы речь шла только о прикладном искусстве, это действие не могло быть изолированным явлением в истории страны. В Согде в VI-VII вв. определены выраженные в сфере материальной культуры два очень важных явления: рост городов и развитие денежного обращения¹.

Таким образом, исследования, рассматривающие влияние искусства на жизнь, уклад и мастерство согдийцев, присутствуют у Б.И. Маршака повсеместно.

В VII в., как зафиксировано историей, далее наступает расцвет как самого Согда, так и его искусства. Расцвет определяется как быстрый и мощный. Опыт предков оказался достаточно профессиональным для решения новых задач. В исследованиях Б.И. Маршака отражаются умение и мастерство согдийских мастеров, которые за короткий срок освоили и

---

¹ См.: Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. – М., 1971. – С. 76.

применяли художественные достижения других народов в своем творчестве. Контакты с Византией, особенно активные во второй половине VI в., связи с Ираном, с тюрками и с Китаем ярко отражаются в виртуозных произведениях торевтики. Во многом сохраняя местные традиции, но и разумно используя пришлые мотивы, они обогащают свои произведения новой выразительностью. Б.И. Маршаком подмечено, что фигуры зверей и даже орнамент отличаются собранностью, статичностью, внутренней динамикой, характерной только для Согдианы.

Установив наметившую тенденцию сложения синтеза культур в торевтике Согда и пяти великих цивилизаций, Борис Ильич задаётся целью в последующих исследованиях проследить достижения этого творения человеческого гения. Множество культурных и духовных нитей связывало искусство Согда с культурными достижениями соседних народов. До этого времени только прослеживали направление путей, не пытаясь понять, чем они обогащали друг на друга. Какие из них больше работали, которые уходят в одном направлении и что взяли, или же, что дали согдийцы? Что стало с тем наследием, которое взяли у каждой из стран, и что они сами смогли дать мастерам чужой страны?¹

Обнаружение присутствия художественных традиций торевтики III века в одном из дворов на территории Северного Ирана позволило предположить, что в следующем столетии она была представлена в Мерве и кушанских землях. Одновременное наличие трех различных и четко очерченных художественных традиций в комплексе позволило лучше скорректировать хронологический контекст для каждой из них и прояснить, как эти традиции изменялись в результате взаимодействия друг с другом. Борис Ильич связал зарождение этой школы в конце V века с недавними завоеваниями персов, а в VI веке она вновь сблизилась с другими школами сасанидской торевтики. Что касается соотнесения отдельных предметов из сасанидского серебра со временем правления того или иного государя, то

---

¹ См.: Маршак Б.И. . Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. – М., 1971. – С. 76.

здесь он предпочел большую точность, чем его предшественники, сгруппировав весь материал по девяти этапам – от Варахрана II (276-293) до Кавада I (488-531), поместив чилекскую пластину в хронологические рамки эпохи правления того или иного правителя. 7-й этап (с начала 470-х годов по 484 год). Его выводы оказали большое влияние на все дальнейшие исследования, несмотря на то, что его последователи иногда предпочитали двусмысленность первоначальных реконструкций.

Затем Б.И. Маршак предложил окончательный пересмотр истории трех школ согдийской торевтики, одна из которых была прослежена до демонстрации репрезентативных блюд халифа Аль-Мамуна и Махмуда из Газны в исламском Хорасане¹.

Суждение Б.И. Маршака по поводу исторического и культурного значения металлической посуды категорично: "нет другого источника, который мог бы с такой очевидной точностью продемонстрировать удивительную компактность средневекового мира от Западной Европы до Китая и от Прикамья до Индии"².

Борис Ильич не только охватил более тысячи лет и огромный объем территории в своих исследованиях по торевтике, но и предложил и разработал совершенно новый метод визуализации памятников восточной торевтики, с помощью которого можно было с достаточной степенью достоверности определить места строительства, а также то, что как относительная, так и абсолютная хронология насчитывает более 150 сосудов из драгоценных металлов, украшенных различными орнаментами и изображениями. Б.И. Маршак первым в мировой исторической науке, в результате тщательного изучения имевшихся в его распоряжении изделий древних мастеров, выставленных в различных музеях и частных коллекциях,

---

¹ См.: Маршак Б.И. 1971б. Серебряные сосуды X-XI вв., их значение для периодизации искусства Ирана и Средней Азии // Тезисы докладов 2-й Всесоюзной конференции по искусству и археологии Ирана на тему: «Проблемы периодизации искусства Ирана и его взаимосвязь с искусством других народов в средние века». – М., 1973. – С. 20-22.

² Гренэ Ф.. Борис Ильич Маршак и восточная торевтика // Маршак Б.И. История восточной торевтики III–XIII вв. и проблемы культурной преемственности / под ред. В.П. Никонорова. – СПб.: Академия исследования культуры, 2017. – С. 20.

выявил достоверные местные школы торевтики (местные и зарубежные) в Иране, Согде, Хорезме, Тохаристане, во владениях эфталитов и на других территориях Ближнего Востока и Центральной Азии. Важнейшим результатом большой работы ученого стало появление первой полной истории восточной торевтики, начиная с III и до XIII вв.¹

Эта книга в научном мире определена как "...принадлежащая перу авторитетнейшего российского ученого и до сих пор не имеющая аналогов в отечественной и зарубежной историографии, бесспорно, представляет собой исключительно важный вклад в наши представления о культуре и искусстве Востока в позднеантичную и средневековую эпохи"².

Среди работ Б.И. Маршака по истории и культуре древнего Пенджикента особое место занимает изучение искусства древнего Пенджикента. «Основные земли Согда простираются в цветущей долине реки Зеравшан среднеазиатского Междуречья: в её среднем течении располагается Самаркандский Согд, а в нижнем – Бухарский. Однако согдийцы жили и в горах в верховье долины, а также заселяли долину Кашкадарьи на юге. В большей массе установлено, что согдийцы говорили на одном из восточноиранских языков, а расцвет согдийской культуры и искусства приходится на V-VIII вв.»³. Б.И. Маршак особо отметил, что приблизительно с IV или начала V в. отмечается молниеносное развитие согдийского искусства.

Древние восточные традиции сохранились в основном в архитектуре этой эпохи. Основным материалом служил сырцовый кирпич. Поселения, как большие, так и маленькие, имели укрепленные сооружения, а в некоторых деревнях была построена небольшая цитадель, где жители могли прятаться от нападения и держать оборону. В замках-особняках знати

---

¹ См.: Маршак Б. И. История восточной торевтики III–XIII вв. и проблемы культурной преемственности / под ред. В.П. Никонорова. – СПб.: Академия исследования культуры, 2017. – С 115.

² Никоноров В.П. От научного редактора // Маршак Б.И. История восточной торевтики III–XIII вв. и проблемы культурной преемственности / под ред. В.П. Никонорова. – СПб.: Академия исследования культуры, 2017. – С. 13.

³ Маршак Б.И. Искусство Согда. – СПб., 2009. – С. 7-9.

имелись обходные стены с башнями и бойницами. Самым необходимым элементом фортификационной архитектуры городов, деревень, индивидуальных домов была типичная прямоугольная двухэтажная башня шириной 7 метров со множеством щелей с интервалами от 1,5 до 5 м. между башнями. Уже в VI веке согдийцы перешли к стенам без частых башен и без щелей, или с небольшим их количеством, поскольку узкие щели были неудобны для стрельбы. С V в. в резиденциях знати известны четырехколонные залы и комнаты с настенным очагом-алтарем в виде арки, обрамленной двумя колоннами по бокам¹. Такой краткий экскурс в историю развития архитектуры не случаен. Б.И. Маршак был внимателен к любому проявлению влияния на Согдийское искусство, будь то изменения к требованиям строительного дела или изобразительному искусству. Б.И. Маршак пишет, что дальнейшее развитие согдийского искусства прослеживается главным образом в Пенджикенте. На этом городище за более чем полвека раскопки приходится на половину всей территории.

Искусство раннесредневекового Согда по материалам Пенджикента высоко оригинально в сюжетах, касающихся светских тем: изображений воинов, сцен охоты, иллюстраций к эпическим произведениям, битв, поскольку в этих жанрах оно опирается на древнюю добротную центральноазиатскую (в глубоком смысле слова) традицию. В многочисленных памятниках этого периода в Средней Азии присутствует постоянное взаимодействие оседлых и кочевых культур, прежде всего, во всем том, что связано с образом и мотивом воина-всадника.

Другое направление – это произведения культового изобразительного искусства. В Согде почти все образы богов демонстрируют целую серию признаков: эллинистические, сасанидские, индийские. Однако подмечено, что в древнеиранской и кочевой культуре антропоморфные образы богов изначально полностью отсутствовали².

---

¹ См.: Маршак Б.И. Искусство Согда. – СПб., 2009. – С. 11.

² См.: Маршак Б.И. Воины в искусстве Согда и Центральной Азии // Северная Евразия от древности до средневековья. (Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова). – СПб., 1992. – С. 208-211.

Таким образом, исследования Б.И. Маршака показали, что согдийское искусство воспитано и развивалось членами общества, отличавшегося высоким развитием духовной и материальной культуры. Она отражала вкусы и интересы активных граждан, которые творили, создавали, производили и потребляли плоды своей деятельности и не были безразличными подданными типичной восточной монархии. Согдийцы имели обширные связи и контакты практически со всем цивилизованным миром, судя по их положению и важной роли в международной торговле шелком, а также значительному влиянию и роли в политической жизни тюркских государств VI-VIII веков. Их искусство отражает общительность, с которой они воспринимали достижения разных стран и охотно применяли определенные темы, мотивы, украшения и т.д. Но самое главное, что суть и самобытность согдийского общества, задачи согдийского искусства состояли в том, чтобы создать нечто особенное по внешнему виду и оригинальное по дизайну из местных и заимствованных элементов.

Б.И. Маршак в связи с этим пишет: «Согдийские серебряные сосуды вызывали подражания в тюркских и хазарских степях, они повлияли на искусство кочевых венгров. Даже в тюркестане Китая с его изощренным мастерством появились согдийские формы и орнаменты. Естественно, такое яркое явление, как искусство Согды, не могло не оставить след в истории мирового искусства. Согдийское воздействие прослеживается и в искусстве Хорасана VIII-IX вв.»¹.

Для изучения согдийского искусства огромное значение имеют стенные росписи древнего Пенджикента, которые были обнаружены в десятках залов и различных помещениях древнего городища, что отразило широкое использование этого вида искусства согдийцами.

А.Ю. Якубовским были описаны первые публикации находок пенджикентской живописи². М.М. Дьяконов писал о стилистических

---

¹ Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по восточной тюркестане. – М.: Наука; ГРВЛ, 1971. (Культура народов Востока). гл.1-2

² См.: Якубовский А.Ю. Итоги работ Таджикской археологической экспедиции за 1948-1950 гг. // МИА СССР, № 37, т. 2. – М.- Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – С. 12.

особенностях и об общеисторическом значении открытия росписей¹. А.М. Беленицкий подробно разбирал сюжеты росписей². В дальнейшем их продолжал изучать и публиковать Б.И. Маршак³. Многие настенные росписи Пенджикента демонстрируют широкое разнообразие сюжетов фольклора и басенного эпоса. Исследуя это направление, Б.И. Маршак отметил, что "...духовные запросы горожан отражает живопись Пенджикента. Это ритуалы определённого культа или этикет двора местных правителей, в том числе их литературные интересы и проникнутую обрядовой торжественностью общественную жизнь»⁴. Б.И. Маршаком отмечался огромный интерес к живописным изображениям донаторов в храмах и в домах, в которых в основном передавался её преимущественно светский характер, где чётко определено место расположения иерархии жанров. Искусством согдийского города определены Б.И. Маршаком великолепные росписи дворца и храмов Пенджикента, которые, по его мнению, транслируют канонические варианты широкого культурного явления, происходившего в Согде⁵.

О характере росписей особо отмечает Б.И. Маршак, говоря, что «они не имеют печати жесткого канона и шаблона других регионов, в отличие от известной живописи буддийских храмов. В этих росписях участвует множество персонажей, которые разнообразны и сложны по сюжету отдельных сцен»⁶.

Установив основное направление пенджикентских росписей, Б.И. Маршак классифицировал их на сюжеты: а) монархической иконографии;

---

¹ См.: Дьяконов М.М. Росписи Пенджикента и живопись Средней Азии // Живопись древнего Пенджикента. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 83-158.

² См.: Беленицкий А.М. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам Пенджикентских храмов // Живопись древнего Пенджикента. – М., 1954. – С. 25-82.

³ См.: Маршак Б.И. Искусство Согда / Гос. Эрмитаж. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. – 64 с.; Marshak B.I. Legends, Tales and Fables in the Art of Sogdiana // New York, 2002. – 195 p.

⁴ Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. в искусстве Пенджикента. // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). – М., 1976. – С. 5.

⁵ См.: Там же: – С. 7-11.

⁶ Маршак Б.И. Искусство Согда / Гос. Эрмитаж. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. – С. 20.

б) батальные сцены; в) изображения сцен пиршества: г) сцены с мифологическими сюжетами. Б.И. Маршак в связи со своим наблюдением пишет, что "они связаны с культурно-историческим интересом, т. к. в таких сценах отразились вкусы правящей прослойки общества. Мотивы битвы и пира ("*рамз*" и "*базм*") относятся и датируются более поздним временем, современным "*Шахнаме*". В настенных росписях древнего Пенджикента наряду с народными эпосами изображены хорошо известные сюжеты поэмы "*Шахнаме*" Абулькасима Фирдоуси. Видимо, в тот период в Согде еще до написания "*Шахнаме*" была хорошо известно это сказание. По пенджикентским росписям становится ясно о знакомстве согдийцев со сказаниями о подвигах Рустама и Исфандиёра, известных главных героев "*Шахнаме*", каждому из которых посвящено до семи собранных в один раздел песен, где воспеваются наиболее героические их подвиги"¹.

В 1964 г. на городище Пенджикента было начато исследование нового XXI объекта (руководитель Б.И. Маршак). Первое же открытое помещение (№ 1) оказалось парадным залом большого жилого дома. Битву с амазонками отразил второй снизу сектор живописи. Женщины-воительницы, о которых имеется немало примеров в мировом эпосе, имеют место в эпическом творчестве народов Средней Азии и Ирана и в поэмах "*Шахнаме*", "*Огуз-наме*", "*Кырккыз*", в поэме об Алпамыше и др.²

Б.И. Маршак подробно, описывая сюжет, сожалеет, что «на росписи объекта XXI сохранилась только нижняя часть яруса композиции с изображением баталии всадников и всадниц. Среди поверженных одна женщина уже мертва, лежит навзничь, голова закинута назад. Среди лежащих, под ногами скачущих коней, убитых и раненых изображена одна раненная, другая женщина пытается привстать, опираясь на локоть; третью несут на ковре два пеших воина. Освобождённое от доспехов полуобнажённое тело с кровавой раной на груди и бессильно лежащие руки

---

¹ Marshak B.I. *Legends, Tales and Fables in the Art of Sogdiana*. – New York, 2002. – P. 42-46.

² См.: Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. в искусстве Пенджикента // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). – М., 1976. – С. 85.

изображены как бы контрастирующими с сильными руками воинов, которые несут ковер с амазонкой»¹. Яркий язык описания, используемый Борисом Ильичём, передает четкое представление об идеальном образе, передающем идеи амазонкомании классическому искусству, где отражается главный смысл сюжета – «сожаление о красоте, погубленной грубой силой, и одновременно восхищение идущими навстречу гибели амазонками»².

Согласно исследованию Б.И. Маршака, «...в согдийском искусстве присутствует не только воспевание побед, без которого не может быть героического эпоса, но и прославление доблестной смерти, свойственное самым возвышенным из эпических произведений. Согдийцы, собиравшиеся на пир в зале с эпическими росписями, видели на стенах вокруг себя воплощение идеала воинской доблести и самопожертвования»³. Но в некоторых залах, например, в зале 41 объекта VI, украшенном росписями с подвигами "Рустама"⁴, и в зале 1 объекта XXI, где были размещены росписи с амазонками, внизу стен присутствуют росписи, которые, очевидно, имели место в духовной жизни населения и которые представляют совсем иные социальные критерии»⁵.

Эти сюжеты росписи отражают сильные характерные черты согдийцев – осторожность, недоверие и хитрость, которые имели место в их деловой жизни. Борис Ильич заметил, что «эти картины отличаются цветовой гаммой, которая, в зависимости от их расположения, гораздо скромнее, чем в верхних ярусах. Обычно изображается одежда. Масштаб графиков намного меньше, чем вверху. Отмечены различия в композиции: 1) каждый короткий рассказ или отдельный эпизод помещен в прямоугольное поле,

---

¹ Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. в искусстве Пенджикента // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). – М., 1976. – С. 87.

² Там же. – С. 88.

³ Там же. – С. 86-87.

⁴ См.: Marshak B.I. Legends, Tales and Fables in the Art of Sogdiana. – New York, 2002. – P. 32.

⁵ Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. в искусстве Пенджикента // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). – М., 1976.. – С. 88.

ограниченное горизонтальными и вертикальными рамками».¹ Б.И. Маршак обнаружил, что на стенах залов и комнат изображены образы из двух знаменитых сборников притч: басней Эзопа и «Панчатантры»². Одной из удивительных способностей Б.И. Маршака является то, что он отлично разбирался в европейской и восточной мифологии, легендах и литературе, что позволило ему точно идентифицировать сюжеты изображений.

Еще одно известное изображение сюжета басни Эзопа о гусыне, несущей золотые яйца³, было обнаружено в 1964 году в комнате 1 объекта XXI. Чтобы представить этот сюжет более полно, мы приведем его описание, которое было блестяще выполнено Б.И. Маршаком: «...В рамку включены три эпизода. Справа показан сидящий мужчина, который держит в руке золотое яйцо. Неподалёку лежат ещё несколько таких яиц, а рядом с мужчиной стоит гусыня. Следующая картина, расположенная в центре, показывает, как человек убивает птицу, чтобы достать из неё золото, которое в ней есть. Следующая сцена подводит итог. Человек, грустно опустив голову, сидит, приложив руку ко лбу, сожалеет о своей неудаче, постигшей его, т. к. ни какого золота в птице не оказалось⁴ (таблица 5). На этой же стене, неподалеку от предыдущей сцены, изображена притча из «Панчатантры» о льве и зайце. На композиции согласно этой притче перед сидящим львом изображён заяц, разговаривающий со львом. Затем за спиной зайца снова изображен лев, прыгающий вниз головой. (Притча повествует, как заяц придуманным действием обманом освободил других зверей от алчного льва, который каждый день съедал какое-нибудь животное. Когда же подошла очередь зайца, он пошёл ко льву и сказал, что он пришел с известием о том, что зайца, который был назначен на съедение, съел другой лев, который встретился им по дороге. Заяц, пообещав показать

---

¹ См.: Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. в искусстве Пенджикента // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). – М.: 1976. – С. 44.

² Там же – С.45

³ См.: «Aesopica», ed. by V.E. Perry, 1952, № 87.

⁴ См.: Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Стенные росписи, обнаруженные в 1970 году на городище древнего Пенджикента // Сообщения Гос. Эрмитажа, вып. XXXVI. – Л., 1973. – С 45.

льву его соперника, повел его к водоёму и предложил взглянуть вглубь. Лев, приняв своё отражение за конкурента, в ярости прыгнул в воду и утонул»¹ (таблица 6).

Показательно, что в мифологии древних есть много похожих сюжетов. Примером хорошего знания и использования другой притчи является картина, открытая в комнате 41 объекта VI, где на настенном рисунке нижнего яруса изображен сюжет из "Панчатантры", в первом разделе которой рассказывается о шакале, поссорившемся со львом и быком, которые дружили с друг с другом².

Каждая серия описаний и анализ открытых Б.И. Маршаком росписей представляет новую серию картин, новых и непохожих кругов, на которых изображено то, что иллюстрировали согдийские художники, – расположенные в определенном порядке, придерживаясь хронологии, мифы, легенды, устные истории, литературные произведения.

В творческом наследии Б.И. Маршака, это направление приводит к серии публикаций, описывающих и анализирующих наиболее интересные проблемы, которые имеют неопределимое значение для понимания истории и культуры Центральной Азии. Одна из таких проблем представлена небольшими отрывками из эпоса о Рустаме (цитируемыми ранее), Эзоповыми баснями и притчами из «Панчатантры»³. Другая относится к работе, также отраженной на картине. Это одна из притч, известных из предисловия сасанидского переводчика Барзу к "Калиле и Димне". Все эти литературные произведения, представленные на картинах Пенджикента, прекрасно узнаваемы Б.И. Маршаком. Он также отметил, что совпадение содержания текстов и смыслового изображения картин, относящихся к светской культуре, резко не соответствовало концепции согдийских религиозных текстов, относящихся к мировым религиям, и своеобразной культовой иконографии Пенджикента. В связи с этим известно меткое

---

¹ Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. в искусстве Пенджикента // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). – М.: 1976. – С. 88.

² См.: Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Там же. – С. 54.

³ См.: Henning W.B. Sogdian Tales. — BSOAS, 1965, XI, 3.

выражение Б.И. Маршака, что мудрость Запада и мудрость Востока встретились на согдийской земле с ее богатыми местными традициями, которые характеризовали не только традиции, культуру, быт, но и представили согдийско-таджикскому народу его культурное наследие во всей красе¹.

Изображения индийского аскета на росписях нижнего яруса, которые повторяются не один раз, отражают большую популярность сюжетов индийских сказок и басен². Этот момент, который дополнил информацию о наличии различных религий, где христианство соседствовало с буддизмом, отразил хорошее знание классической литературы – басен Эзопа и притчей "Панчатантры". Б.И. Маршак предположил, что фрески Пенджикента в основе своего сюжета отражают ранний период книжной иллюстрации, которая в более поздний период стала популярной в оформлении манихейских книг из Восточного Туркестана и других письменных источников. Он точно определил, что в древнейших рукописях "Калила и Димна" (XIV в.), есть иллюстрации на те же самые сюжеты, известные по изображениям фресок древнего Пенджикента. Скрупулезность поиска Б.И. Маршака позволила найти подтверждение того, что книга относится уже к VIII веку. В ней были иллюстрации, которые Ибн аль-Мукаффа, живший в то время, отметил в предисловии к арабскому переводу вышеупомянутого сборника³.

Также необходимо подчеркнуть, что, несмотря на варварское уничтожение росписей во время арабского завоевания городов, сохранившиеся росписи раннесредневекового Согда всегда отражают прекрасное выполнение работы живописцами. На них определённно видна школа и рука мастера, отражающая художественную среду с высокими требованиями к работам и мастерству. О согдийском влиянии на искусство

---

¹ См.: Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. в искусстве Пенджикента // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). – М., 1976. – С. 90.

² См.: Маршак Б.И. Искусство Согда / Гос. Эрмитаж. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. – С. 48.

³ См.: Маршак Б.И. Там же. – С. 50.

Тохаристана и даже о переселении согдийских живописцев в горы Гиндукуша¹ Б.И. Маршак писал постоянно.

Утверждение ученого известно ошибочностью мнения о том, что согдийское искусство является одним из вариантов сасанидского. Однако, несмотря на частичное совпадение некоторых элементов, разница между тематическими терминами очень существенна. По словам Бориса Ильича, согдийцы, в отличие от персов, практически не изображали недавние исторические события². Согдийские художники предпочитали иллюстрировать истории из далекого прошлого³.

По мнению Б.И. Маршака позднее, в XIV-XVII вв., история Рустама, дошедшая до нас в поэме "Шахнаме", и "Калила и Димна" очень часто использовалась в сюжетных композициях художников Ирана. В отличие от них Пенджикентские росписи отражают, что живописцы расписывали стены сюжетами более старых традиций. Справедливо возникает вопрос, от чего эти расписанные раннесредневековые иллюстрации к таким любимым персами сказаниям известны в столь раннее время только в Согде, хотя и "Шахнаме", и "Калила и Димна", и "Синдбад-наме" имели среднеперсидские прототипы позднесасанидского времени. Борис Ильич сделал резонное заключение, что это произошло потому, что только в Согде они сохранились, в настенной живописи, в то время как книги и свитки были уничтожены и погибли в выше названных странах⁴.

Долгие исследования и глубокий анализ материала позволили Б.И. Маршаку сравнить светскую художественную посуду из серебра, которую производили вначале средних веков во всех странах – Византии, Китае, Японии, расположенных вдоль Шёлкового пути⁵.

---

¹ См.: Маршак Б.И. Искусство Согда / Гос. Эрмитаж. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. – С. 42.

² См.: Там же. – С. 43.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Там же. – С. 50.

⁵ См.: Там же.

Анализ согдийских серебряных сосудов VI в. позволил Б.И. Маршаку отметить, что они сходны с парфянскими¹ по простоте и тонкостенности. Характерные для этого периода лотосовидные чаши происходят от ахеменидских форм² и ассирийских образцов, относящихся к еще более раннему периоду. Расцвет согдийского серебра начинается уже в VII в. и продолжается в VIII в.³

Б.И. Маршак обоснованно объясняет все выявленные изменения связями стран, объединенных Великим Шелковым путем. Он назвал усложнение формы и декора, появление мотивов византийского, сасанидского и китайского дворов⁴. Эти исследования наиболее ярко отразили уникальность каждой культуры, которую также наблюдал Б.И. Маршак. Главное отличие заключается в том, что в согдийской живописи и скульптуре изображения богов схожи с изображениями на хорезмском серебре, и стоит отметить, что согдийские мастера никогда не использовали эту тематику в оформлении сосудов. На чашах Хорезма есть посвятельные надписи с изображениями богов, с указанием дат подношений храмам.

Кроме того, исследование Б.И. Маршака показало, что такие же, но более крупные чаши в живописи Согда изображаются на светских пирах и приёмах. Исключением является серебряная чаша, найденная в храме Пенджикента. И еще одна из таких чаш была найдена в храме Джартепе. Это свидетельствует о том, что согдийские серебряные вазы, все без исключения, прекрасно сделаны, а их орнамент тщательно проработан. Стоит также отметить, что грубая отделка распространена в Хорезме, что объяснялось более низким уровнем урбанизации региона или отсутствием высокого мастерства художественной и кустарной среды, которая в Согде

---

¹ См.: Маршак Б.И. Искусство Согда / Гос. Эрмитаж. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. – С. 52.

² См.: Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по восточной тореветике. – М.: Наука; ГРВЛ, 1971. – С. 74. – (Культура народов Востока).

³ См.: Там же. – С. 74.

⁴ См.: Маршак Б.И. Искусство Согда / Гос. Эрмитаж. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. – С. 54.

не допускала использования некачественных изделий¹. Этот вывод еще раз подтвердил существование особого понимания и самобытной традиции учителей согдийской изящной школы, о которой постоянно говорил Б.И. Маршак.

Самым первым предметом представившим мастерство согдийских живописцев, который стал известен учёным, является найденный более семидесяти лет тому назад щит из замка Абарагар с горы Муг². С того времени систематические работы археологов на древних городищах Центральной Азии, практически ежегодно открывают огромное количество настенных живописных панно с росписями, украшавшими дворцы и храмы, общественные сооружения и частные жилые дома горожан. Сегодня самые ранние росписи датированы эллинистическим временем, а вершины своего расцвета это искусство достигает в VIII в. С завоеванием Средней Азии арабами и исламизацией населения в IX в. настенные росписи перестают широко использоваться и распространяться. Среднеазиатской живописи посвящены многочисленные монографии и статьи, где всесторонне рассматриваются и определяются сюжеты, решаются вопросы иконографии, стиля, техники и т.д. Отдельные исследования посвящены анализу и описанию музыкальных инструментов, костюму, тканям, вооружению и снаряжению воина, конской упряжи, украшениям. На основании изучения настенных росписей³ Б.И. Маршаком совместно с В.И. Распоповой разработана и описана специальная методика изучения реалий росписей Средней Азии, в которой даются точные и практические указания, важные

---

¹ См.: Там же. – С. 55.

² См.: Якубовский А.Ю. Культура и искусство Средней Азии. Путеводитель по выставке. – Л., 1940. – С. 25-27; Распопова В.И. Щит с горы Муг // КСИА. – 1973. – Вып. 136. – С. 124-129.

³ См.: Бентович И.Б. Одежда раннесредневековой Средней Азии (по данным стенных росписей VI-VIII вв.) // СНВ. Вып. XXII. – М., 1980. – С. 196-212; Беленицкий А.М., Распопова В.И. Согдийские «золотые пояса» // Страны и народы Востока. Вып. XXII. Кн. 2. – М.: Наука; ГРВЛ, 1980. – С. 213-218; Лобачёва Н.П. Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи (по данным стенных росписей) // Костюм народов Средней Азии. – М.: Наука, 1979. – С. 18-48; Аржанцева И.А. Вооружение в росписях Кала-Какхаха I и его тохаристанские параллели // Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. – М., 1983. – С. 7-8.

для работы исследователей. Последовательно, шаг за шагом, в ряде статей¹ даются пояснения и рекомендации, которые в результате приводят к написанию методического указания².

Интерес к реалиям среднеазиатских росписей и сегодня очень высок. Реалии прочно вошли в научный оборот. К ним прибегают при решении вопросов датировок, используют при реконструкциях, определении и установке культурных связей археологических комплексов: Центральной Азии, Китая, Сибири, Ближнего и Дальнего Востока и др.

В связи с определением хронологии живописи раннесредневекового Согда рекомендовано, при датировании росписей, главную роль отводить не определению и не технико-стилистическим признакам, а археологическим методам, из которых наиболее точным является стратиграфический, хотя датировка по изображённым реалиям представляет определённую важность и сохраняет своё значение³. Однако для наиболее точной датировки росписей важно сопоставление дат, получаемых в результате всех трёх методов. Если же даты расходятся, важно подобрать какое-то логическое определение, которое объяснит это расхождение и поможет установить возможную дату. При анализе росписей конкретного помещения неважно, на каком памятнике она установлена, важно учитывать всю имеющуюся информацию и базу данных для территории Центральной Азии и сопредельных стран, связанных с нею исторически⁴.

---

¹ См.: Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Стенные росписи, обнаруженные в 1970 году на городище древнего Пенджикента // СГЭ. – 1973. – Вып. XXXVI. – С. 58-64; Маршак Б.И., Распопова В.И. Адоранты из северной капеллы II храма Пенджикента // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. – М., Наука. Гл. ред. вост. лит., 1991. – С. 151-173; Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Росписи древнего Пенджикента // Декоративное искусство. – М., 1977. – № 9. – С. 38-39.

² См.: Маршак Б.И., Распопова В.И. К вопросу о методике изучения реалий росписей Средней Азии // Древности Востока. – М., 2004. – С. 47-56.

³ См.: Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Вопросы хронологии живописи раннесредневекового Согда // Успехи среднеазиатской археологии. – Л., 1979. – Вып. 4. – С. 32.

⁴ См.: Маршак Б.И., Распопова В.И. К вопросу о методике изучения реалий росписей Средней Азии // Древности Востока. – М., 2004. – С. 48.

Характерной особенностью раннесредневековой живописи Востока является то, что предмет изображается сначала детализированным контурным рисунком. Подробный контурный рисунок всей росписи наносился красной или серой краской тонкой кистью на гладкую оштукатуренную поверхность стены, покрытую белым грунтом, затем раскрашивался красками различных цветов. Объём передавался главным образом рисунком, но иногда и хроматическими (красочно-цветовыми) или тоновыми градациями¹. Такая техника названа необходимой при работе с реалиями: так как вся основная информация заложена в предварительном рисунке, она сохраняется даже тогда, когда красочный слой сохранился в плохом состоянии. Иногда они использовали приём, который называется "художественным черчением"². Это когда ковры, ткани, архитектуру и т. п. художник старался показать независимо от ракурса положения, рисуя предмет таким, каким он предстаёт в натуре. "Для художников Востока характерно стремление показать вещь достоверно во всех деталях"³, – отмечает Б.И. Маршак.

Разработанная подробная рекомендация копирования живописи – на сегодняшний день единственное методическое пособие по данному вопросу, также написанное Б.И. Маршаком.

«Работа исследователя с росписью начинается с момента открытия и дальнейшей прорисовки её реставраторами и ведется в творческом тандеме с ними. Важно, что копирование росписи следует делать в поле, пока роспись находится на стене или в завале. Наряду с копированием необходимо вести фотографическую фиксацию на цветную и чёрно-белую плёнку. Хорошие результаты даёт съёмка на цифровую камеру.

---

¹ См.: Косолапов А.И., Маршак Б.И. Стенная живопись Средней и Центральной Азии. (Историко-художественное и лабораторное исследование). – СПб.: Изд-во «Формика», 1999. – С. 17-18.

² См.: Раушенбах Б.В. Пространственные построения в живописи. Очерк основных методов. – М.: Наука, 1980. – С. 15-41.

³ Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Древнейшее изображение осадной машины в Средней Азии // Культура Востока. Древность и [раннее] средневековье. – Л., 1978. – С. 216, рис. 2, 3; Маршак Б.И., Распопова В.И. К вопросу о методике изучения реалий росписей Средней Азии // Древности Востока. – М., 2004. – С. 49.

Копирование живописи – дело творческое и требует особой выучки от художника. В копировании должен принимать участие исследователь, так как для осмысления того, что изображено, необходим опыт работы с вещами, с росписями, открытыми раньше, и хорошее знание литературы¹. Следуя за этими поэтапными предписаниями, Б.И. Маршак сам прекрасно срисовывал, рисовал, копировал и создавал реконструкции живописи, архитектурных сооружений и целых комплексов².

Пенджикентская экспедиция собрала богатейший опыт в копировании росписей, и более чем за полвека усовершенствовав, прошла разные стадии в этом направлении. С 1973 г. в Пенджикенте по настоятельному требованию Бориса Ильича всегда делаются прорисовки всех фрагментов живописи, независимо от их сохранности и размера. Механизм копирования также очень подробно описан и рекомендован Б.И. Маршаком³. Такой дотошный сравнительный анализ позволил ему более детально, на основании сравнения с реально существующими предметами, заключить, что среднеазиатские художники канонически придерживались цветового изображения металлов: золото обычно рисовалось жёлтым цветом, железо (сталь) – голубым, иногда белым, серебро – белым. Точно так же рисовался колорит тканей⁴.

Еще одним из знаковых и мастерских направлений была художественная резьба по дереву и скульптура (кариатиды), которые широко использовались в Согде. Археологические раскопки в древнем Пенджикенте предоставили исследователям большой материал о скульптуре согдийцев. По этому поводу Б.И. Маршак пишет: "В богатых домах в обязательном порядке росписями были украшены от одной до пяти комнат. Дома и дворцы отличались друг от друга по количеству и размеру парадных помещений, но типы залов были постоянны и не изменялись. Четырех

---

¹ Маршак Б.И., Распопова В.И. К вопросу о методике изучения реалий росписей Средней Азии // Древности Востока. – М., 2004. – С. 51.

² Личное сообщение Г.Р. Каримовой.

³ См.: Маршак Б.И., Распопова В.И. К вопросу о методике изучения реалий росписей Средней Азии // Древности Востока. – М., 2004. – С. 53.

⁴ См.: Маршак Б.И., Распопова В.И. Там же. – С. 51-52.

колонные залы со сложным резным потолком очень характерны для данной архитектуры. Высота залов определялась как два этажа по соседним частям дома, причем весь дом был перекрыт единой плоской крышей. Однако в зале ниже этой крыши находились сложные объемные деревянные конструкции, своды и купол. В углах над колоннами располагались кариатиды, фриз с рельефной резьбой проходил по верху стен, а в нижней части купола – помещались трапециевидные доски с сидящим под аркой божеством или сценой сражения героя с чудовищем, также окаймленной деревянной аркой»¹. Богато представлены в Согде росписи и резьба по дереву дворцов и частных домов, которые вначале VIII в. имелись в Пенджикенте в одной трети жилищ.

Изучение скульптуры древнего Пенджикента было начато А.М. Беленицким² и продолжено Б.И. Маршаком. А.М. Беленицким сделано основополагающее заключение, что пенджикентцы имели свою школу скульптуры, относящуюся к VI в., и как памятник она возникла в более раннее время, чем живопись³. Б.И. Маршак считает этот тип более редкой категорией находок для Пенджикента, он представлен двумя видами его художественной обработки – орнаментальной и фигурной. Остатки глиняной монументальной скульптуры, в сравнении со стенными росписями и резным деревом, в Пенджикенте найдены в ограниченном количестве. Глиняная скульптура являлась принадлежностью храмовых зданий и была культовой по содержанию⁴. Для истории среднеазиатского изобразительного искусства большое значение имеет открытие в 1954 г. превосходных примеров художественной резьбы по дереву. Как и в росписях, в деревянном декоре представлены изображения людей, богов,

---

¹ Маршак Б.И. Искусство Согда / Гос. Эрмитаж. –СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. – С.27-28.

² См.: Беленицкий А.М. Предварительный отчет о работах Пенджикентского отряда в 1954 г. // АРТ. – Сталинабад, 1956. – С. 19-32.

³ См.: Беленицкий А.М. Новые памятники искусства древнего Пенджикента. Опыт иконографического истолкования // Скульптура и живопись древнего Пенджикента. – М., 1959. – С. 76.

⁴ См.: Маршак Б.И. Индийский компонент в культовой иконографии Согда // Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье: Тезисы докладов. – М., 1981. –С. 107-109.

животных, сцены охоты, причудливый растительный орнамент, кариатиды. Резьба покрывала деревянные конструкции парадных залов различных зданий города. Всего удалось закрепить и зафиксировать более 50 фрагментов резного дерева¹. Наибольшее количество образцов резного дерева представляют собой фрагменты от деревянных конструкций (брусьев, плах, досок и пр.), одна из поверхностей которых покрыта резным орнаментом. По общему характеру своему резьба отмечается большим мастерством, сочностью и одновременно простотой рисунка. Преобладающими являются геометризованные и растительные рисунки. Среди этих последних очень часто встречается мотив виноградной лозы с листьями и гроздьями винограда. Излюбленным мотивом резьбы был также геометрический рисунок в виде полосы ромбовидных чешуек, напоминающих кожуру ананаса².

Большой интерес представляет крупный фрагмент капители колонны, имеющий форму шестигранника с изящно вырезанными консолями по углам и растительным орнаментом на гранях, выполненным высокорельефной резьбой.

На одном, к сожалению, сильно поврежденном, фрагменте была вырезана высоким рельефом какая-то многофигурная группа животных, среди которых сравнительно хорошо сохранилось изображение рыбы³.

Важнейшим открытием в этой области является находка трех деревянных скульптур, изображающих человеческие фигуры, которые устанавливались в жилых зданиях в форме кариатид. Среди руин Пенджикента найдено несколько таких фигур от 1 до 1,6 м высотой. Несмотря на плохую сохранность всё же угадывается характерная поза с поднятой к голове правой рукой, будто поддерживающей груз, и левой,

---

¹ См.: Живопись и скульптура Таджикистана. Древность и средние века: каталог выставки / авторы текста:

Т.И. Зеймаль, Б.А. Литвинский, Б.И. Маршак, Н.Н. Негматов. – Л.: Гос. Эрмитаж, 1984. – 56 с.; Маршак Б.И. Резьба по дереву // Древности Таджикистана: каталог выставки. – Душанбе: Дониш, 1985. – С. 237.

² См.: Беленицкий А.М. Предварительный отчет о работах Пенджикентского отряда в 1954 г. // АРТ. – Сталинабад, 1956. – Вып 2. – С. 28.

³ См.: Беленицкий А.М. Там же. – С. 29.

опущенной на бедро (руки не сохранились). Заметна чёткая проработка лица, костюма и головного убора. Назначение фигур из дерева в помещении неясно. Меньшие фигуры, возможно, исполняли функции стоек тахта – деревянного сидения под балдахин. Крупные формы служили, возможно, опорой потолка в помещении. Предыдущая находка подобного рода – изображение юного бога на павлине – была сделана в 1982 г. и ныне экспонируется в Эрмитаже¹. Все они дают очень яркое представление о замечательном мастерстве древних резчиков по дереву².

Рассматривая полученные Пенджикентские памятники резного дерева, Б.И. Маршак делает заключение, которое позволяют таким образом отодвинуть на несколько столетий вглубь истории начало развития искусства резьбы по дереву. «По целому ряду общестилистических особенностей деревянная скульптура – кариатиды напоминает выдающиеся памятники скульптуры Северной Индии. Наличие таких общих черт представляется вполне закономерным следствием давних общеисторических и культурных связей, которые существовали между народами Средней Азии и Индии»³. Как бы подтверждением заключения Б.И. Маршака стало открытие резной деревянной панели на объекте XXVI в 2016 г. При этом данная находка – первое буддийское изображение в Согде и первая сцена поклонения, исполненная в резном дереве⁴. Изображение на деревянной обугленной панели состоит из двух частей. В верхнем углу – сидящая «по-турецки» фигура в шароварах, кисти рук и голова которой не сохранились. Под ней – несколько пальметт, отходящих от стебля с листом, и с двух сторон – изображения персонажей меньшего масштаба, сидящих на коленях и повернутых к центру. Ключом к объяснению сюжета явились необычная

---

¹ См.: Воронина В.Л. Архитектура Средней Азии VI-VIII вв. // Архитектура стран Средиземноморья, Африки и Азии. VI-XIX вв. / под ред. Ю.С. Яралова (отв. ред.), Б.В. Веймарна, В.А. Лаврова, А.М. Прибытковой, М.А. Усейнова, О.Х. Халпахчьяна. – 1969. – Т. 8. – С. 183-197.

² См.: Беленицкий А.М. Предварительный отчёт о работах пенджикентского отряда в 1954 г. // АРТ. – Сталинабад, 1956. – Вып 2. – С. 30.

³ Маршак Б.И. Изобразительное искусство // История таджикского народа. Т. II: Эпоха формирования таджикского народа. – Душанбе, 1999. – С. 235.

⁴ См.: Курбанов Ш.Ф., Лурье П.Б. Резная деревянная панель с буддийской сценой поклонения из Пенджикента // История и археология Турана. – 2017. – № 3.

поза главного героя, который изображен со сложенными плоско ногами, и его постамент.

Изучив материалы древнего Пенджикента, Б.И. Маршак пришел к следующему выводу: "Искусство Пенджикента главным образом отражает запросы и вкусы высших слоёв согдийского общества, включавших сословие знатных землевладельцев, известных арабо-персидским авторам под названием дехкан, жречества и богатого купечества. Для них было важно показать свое положение в обществе, своё социальное лицо. Согласно этих предписаний художниками в точности передавались места каждого персонажа в той или иной церемониальной процессии и их сословные атрибуты"¹. Этим своим выводом Б.И. Маршак определяет направление, которое характеризует сословность и её определяющее положение в деле авторитарного запроса на изображение и оформление комплексов с живописью.

Как бы прослеживая дальнейший путь движения согдийского мастерства, искусства и народа, Б.И. Маршак на основе находок так называемых согдийских погребальных памятников в Китае в последние годы жизни изучал искусство и историю Тибета. Тема исследования называлась "Согдийцы на чужбине"². Тема осталась далеко не законченной, но отчётливо наметила необходимость и важность разработки данной тематики для последующего поколения исследователей³.

Своеобразным подведением итогов его многочисленных исследований по искусству таджиков-согдийцев в частности и Востока вообще стало написание Б.И. Маршаком главы "Материальная культура V-VIII веков" с разделом "Изобразительное искусство" во 2-м томе многотомной "Истории таджикского народа"⁴.

---

¹ Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. в искусстве Пенджикента // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). – М., 1976. – С. 83-84.

² См.: Каримова Г.Р. Археологи Таджикистана. – Самарканд: МИЦАИ, 2021. – С. 297.

³ Личное сообщение Г.Р. Каримовой.

⁴ См.: Маршак Б.И. Материальная культура V-VIII веков // История таджикского народа. Т. II: Эпоха формирования таджикского народа. – Душанбе, 1999. – С. 211-239.

Таким образом, исследование и открытие стилей, образов, школ, традиций, черт и показателей согдийского искусства беспрецедентно и окончательно были представлены в изложении фундаментальных работ Б.И. Маршака. Научный подход и мастерство сложения в единый цикл направлений исследования согдийского искусства напрямую обязаны перу Б.И. Маршака. До сегодняшнего дня работы и исследования Б.И. Маршака по искусству раннесредневекового Согда являются основополагающими и неоспоримо хронологически обоснованными для сопоставительных исследований других учёных. Ни одна исследовательская работа не обходится без ссылок на работы Б.И. Маршака.

3.2. Религия согдийцев

Одна из самых сложных проблем над, которой постоянно работал исследователь Согда Б.И. Маршак – это проблема согдийской религии. Известно, что в согдийском регионе проживали зороастрийцы, индуисты, буддисты, манихеи, христиане, и что именно эта согдийская религия, хорошо представленная храмами Пенджикента, и стала стимулом детального исследования Бориса Ильича. Исследования храмов производились ежегодно. Огромные многометровые фрагменты живописи срисовывались, восстанавливались и реконструировались им собственноручно¹. Из обилия персонажей и действующих лиц он мастерски определял важность роли фигур и смысловое назначение иконографии. Этот его научный подвиг до сих пор никому не удалось превзойти.

Научное наследие в виде публикаций, посвященных теме изучения культов и религии Согдийской цивилизации, составляет целый блок отдельных статей и монографических исследований. Его исследованиями в науку введен колоссальный материал, виртуозное описание памятников, датировки с той или иной точностью, рассмотрено и разобрано множество

---

¹ Личные сообщения Ш.Ф. Курбанова и И. Рахматуллаева.

сюжетов, изобразительная техника и стиль, классифицированы культуры в подтексте идеологии.

На начальном этапе исследования изучение проводилось в тандеме с А.М. Беленицким. Учитель и ученик предприняли попытку выявить существенные черты мировоззрения согдийцев на основании росписей Пенджикента¹. Поскольку ко времени данного исследования были установлены формы согдийских имен около трех десятков авестийских богов², авторы посчитали возможным определить в иконографии всё, что указывало на эти божества.

В Согде, согласно письменным источникам, преобладал зороастризм. В то же время там, в условиях слабости центральной власти огромное значение придавали почитанию богов-покровителей отдельных семей и селений.

В Пенджикенте два храма, возведенные в V в. и затем неоднократно перестраивавшиеся, были посвящены культу богов. Согласно требований канона зороастризма к главному зданию одного из этих храмов в конце V – начале VI вв. пристроили помещение для священного вечного огня, но позднее его заложили и более не возобновляли³.

Культ отдельных божеств в Согде под влиянием, прежде всего, южных соседей привел к почитанию изображений со смыслом поклонения. Богов было много, их надо было различать, и поэтому их стремились изображать не похожими друг на друга и на окружавших художника людей. Применить что-то абсолютно новое, но всеми узнаваемое согдийцы не могли, поэтому они заимствовали элементы иноземных образов, хорошо известных на Востоке. В итоге в своей совокупности изобразительный пантеон оказался

---

¹ См.: Беленицкий А.М., Маршак, Б.И.. Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. в искусстве Пенджикента // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). – М., 1976. – С. 75-89, 179-186. (иллюстрации); Belenitskiy A.M., Marshak B.I. The paintings of Sogdiana. // Azarpay G. Sogdian painting. – Berkeley; Los Angeles; London, 1981. – P. 29-33.

² См.: Henning W.B. Sogdian God // BSOAS. – 1965. – Vol. 28. – Part 2.

³ См.: Маршак Б.И. Изобразительное искусство // История таджикского народа. Т. II: Эпоха формирования таджикского народа. – Душанбе, 1999. – С. 223.

своеобразным, так как в нем воплотился культовый плюрализм, связанный с особенностями общественного развития согдийских земель¹.

В развитии религиозной иконографии Б.И. Маршаком прослежено три волны влияний: эллинистическая, сасанидская (вернее, кушано-сасанидская), индийская. Каждая из них вносила новые мотивы, но не уничтожала прежние. В результате к рубежу VI-VII вв. окончательно определился синтез всех заимствованных и местных элементов².

Великолепное знание школ и канонов живописи Востока позволило Б.И. Маршаку создать классификацию и опыт методов датирования живописных изображений настенных росписей, которые успешно применяются в науке и сегодня.

Каждое божество обладало и изображалось со своими собственными индивидуальными атрибутами, по которым можно распознать четверорукую Нану, трёхликого Вешпаркара и других богов из согдийского пантеона. Лицо божества выражает милость или гнев, мимика определённо присуща конкретному божеству, а не навеяна ситуацией (за исключением скорбного выражения). Некоторые божества, отождествлены с индуистскими, определяют составляющие буддийского пантеона. Одежды богов отражают смесь индийского и местного костюма.

Как истинный мастер-художник, Б.И. Маршак психологически определил момент перехода от не изображаемых богов к богам, воплощённым в изображениях, который был чрезвычайно труден, и чужеземная (в какой-то мере греческая, но чаще индийская) иконография помогла преодолеть эти трудности. На индийских образцах, даже если изображались чужеземные боги, было понятно, что это именно боги, а не люди. В частности согдийским живописцам чужое обличье помогало передать статус божества, отличающийся от человеческого. С богами ассоциировалось сияние – нимбы и мандорлы, часто божественная гармония – музыкальные инструменты и музыканты, огонь – пламя над

---

¹ См.: Маршак Б.И. Там же. – С. 225.

² См.: Там же. – С. 224.

плечами, а также находящиеся на небе светила и облака. В руках изображались особого трубчатого типа поднятые знамёна, каких нет в руках людей на росписях. Нередко подчёркивалось, что боги царят над миром. Они носят короны, сидят на тронах. Из заимствованных и своих элементов сложился целый блок признаков божественности, который был принят адептами местной религии в VI-VII вв.,¹ и которые последовательно установлены в определениях Б.И. Маршака.

Было сделано важное заключение, что величие богов передавалось художниками в строгом соотношении между маленькой фигуркой молящегося и огромной фигурой божества. Самыми крупными в росписях парадных залов изображались не высшие по иерархии пантеона боги, а божественные патроны жившей в данном доме или дворце семьи².

Это исследование очень тактично было подведено к определению типов и категорий божеств, видам и возникновению конфессиональных признаков в изобразительном искусстве. Рассматривая всю совокупность открытых произведений, установлена строгая иерархия в отображении сюжетов для росписи в домах пенджикентской знати, которые делились на три ранга. Были описаны формальные и содержательные особенности, определены этико-дидактические аспекты этих рангов. Грандиозные сцены поклонения богам – росписи высшего ранга – демонстрировали вознаграждаемую божественным покровительством преданность заказчиков-владельцев дома божественным патронам своей семьи³.

Поэтапное изменение и усложнение иконографии хорошо проанализировано Б.И. Маршаком по росписям и скульптуре именно из храмов Пенджикента. В их дворах отмечено неоднократное сооружение дополнительных капелл, в одной из которых обнаружены настенные росписи двух периодов: конца V в. (может быть, рубежа V-VI вв.) и VI в. Более ранняя роспись с изображениями сидящей на троне богини и

---

¹ См.: Маршак Б.И. Боги, демоны и герои пенджикентской живописи. // Итоги археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. – Л.: Гос. Эрмитаж. 1989. – С. 115-127.

² См.: Маршак Б.И. Там же. – С. 119

³ См.: Там же. – С. 120-126.

молящихся людей около божества, признана древнейшей живописной композицией подобного рода в Согде¹. В манере изображения определено эллинистическое наследие. Называются такие особенности, как земля с низким горизонтом, разнообразные способы объемной моделировки, сдержанный охристо-серый колорит и т.д. В этих росписях также отмечено и влияние со стороны Сасанидской школы: божество подобно сасанидским государям с их развевающимися лентами по сторонам головы и особой царской позой с разведенными в стороны коленями, так что контур обеих ног образует почти правильный ромб – эталонная изобразительная черта, акцентированная Б.И. Маршаком. Отмечены в иконографии особенности, которые потом стали обычны для согдийских культовых сцен: трубчатое знамя, переносной жертвенник в руке молящегося².

Для росписи VI в. стиль и иконография определены по-другому: гораздо разнообразнее краски, контрастнее и ярче колорит, локальный цвет вместо тональной моделировки. Это связывается с тем, что в VI в. Согдом овладели эфталиты, вторгнувшиеся также и в Индию. Это привело к усилению связи с этой страной, а к сасанидским добавились индийские иконографические признаки, такие как четыре руки богини, которая сидит на троне в виде дракона. А в росписи храмов Пенджикента в VI в. наряду с изображениями для поклонения появляются сцены пиров, процессий, иллюстрации к мифологическим повествованиям³.

Эллинистическая традиция и для более позднего времени засвидетельствована в Согде. Так, скульптурный фриз из необожженной глины на айване у входа во двор храма II с изображением водной стихии и населяющих ее реальных и фантастических существ и в VI в. включал несколько эллинистических по своему происхождению фигур и, в частности,

---

¹ Belenizki A.M. Kunst der Sogden. – Leipzig, 1980. – Табл. 18-20.

² См.: Маршак Б.И. Изобразительное искусство // История таджикского народа. Т. II: Эпоха формирования таджикского народа. – Душанбе, 1999. – С. 226.

³ См.: Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. в искусстве Пенджикента // Искусство и культура народов Средней Азии. – М., 1976. – С. 95.

тритона. Однако рядом с этим тритоном – раскрытая пасть индийского макары, похожего на дракона трона богини¹.

Б.И. Маршаком установлено, что в VI в. культовые изображения были уже не только в храмах. В это время распространились дешевые штампованные терракотовые образки в виде храмовой ниши со статуей. Характерны в этом отношении афрасиабский и пенджикентские образки с богом, который держит кифару или лиру². Это хороший пример сочетания греческих, сасанидских, индийских элементов в новой согдийской иконографии. На пенджикентском образке бог с греческой лирой сидит на троне в виде двух слонов, а его корона похожа на сасанидскую. Этот бог на терракотах из Пенджикента VI в. изображен как в нише, так и без нее с крылатой короной на голове и с мечом, причем в его левой руке кифара или лира. В согдийском искусстве музыкальные инструменты часто встречаются в культовых композициях, возможно, они связаны с идеей мировой гармонии. Стоящий человек в таком же плаще с кифарой в руке был изображен и на росписи из капеллы храма II Пенджикента перед четырехрукой богиней.

Трон с опорами в виде слонов на пенджикентском образке заставляет вспомнить божество, сидящее на слоне, в более поздних согдийских росписях, поскольку после VI в. иконография богов мало изменялась. Во дворце правителей Бухарского оазиса в городе Варахша³, в одном из залов на стенах многократно повторяется сцена битвы всадника на слоне с хищными зверями и чудовищами. Эта роспись конца VII – начала VIII в. по стилю аналогична пенджикентским росписям того же времени. Всадник в короне и индийском одеянии изображен размером со слона. Композиция, возможно, символизирует борьбу с силами зла, которую ведет Ахурамазда –

---

¹ См.: Маршак Б.И. Изобразительное искусство // История таджикского народа. Т. II: Эпоха формирования таджикского народа. – Душанбе, 1999. – С. 224.

² См.: Маршак Б.И. Отчет о работах на объекте XII // МИА. – № 124. – 1964. – Рис. 26, 7-8; Belenitskiy A.M., Marshak B.I. The paintings of Sogdiana // Azarpay G. Sogdian painting. – Berkeley; Los Angeles; London, 1981. – P. 29-33.

³ См.: Belenitskiy A.M., Marshak B.I. The paintings of Sogdiana // Azarpay G. Sogdian painting. – Berkeley; Los Angeles; London, 1981. – P. 29-33.

главное божество зороастрийцев. Согдийцы называли его Адбагом, а об Адбаге известно, что его приравнивали к индийскому царю богов Индре, восседавшему на слоне. Коронованный Индра на слоне отмечен Б.И. Маршаком и в буддийском искусстве Японии¹.

В верхнем ярусе варахшинского зала – шествие зверей (реальных и фантастических), причем звери оседланы, возможно, подразумевая присутствие ипостаси божеств. Звериная символика прочно вошла в иконографию согдийских богов, которые в росписях сидят на тех или иных животных или же на тронах с опорами в виде зверя. Еще выше на усеченной пирамиде шатрового перекрытия были изображения райских деревьев и стерегущих рай грифонов. В двух ярусах стен была воплощена идейная программа, соответствующая, вероятно, формуле "Ахурамазда и все боги", но представлены не сами многочисленные боги, а их символы.

Считается, что во второй четверти I тыс. н.э. согдийцы на Великом Шелковом пути ознакомились с христианством, манихейством и буддизмом – тремя мировыми религиями, обладавшими культовым искусством, которое было идейным оружием миссионеров. Известно утверждение, что в колониях многие согдийцы охотно прислушивались к миссионерам, где, совершив перемену веры, было возможно сближение с партнёрами другого происхождения. При этом оставалась возможность даже перейдя в буддизм или манихейство, или в другую религию, не отказываться от поклонения собственным культам и богам, сохранившим свою важную роль покровителей отдельных семей, оазисов, селений и соответственно ситуации занявшим очень определённое место в новой для них системе идей. Согласно новым требованиям иконографии теперь при изображении согдийских богов нужно вводить их в чуждую для них религию и рисовать, следуя новым правилам уже китайского искусства². Однако Б.И. Маршак справедливо подметил, что для самих согдийцев их старые боги были важны

---

¹ См.: Маршак Б.И. Согд в V-VIII вв. Идеология по памятникам искусства // Археология СССР. Средняя Азия в раннем средневековье. – М.: Наука, 1999. – Т. 17. – С. 181.

² См.: Маршак Б.И. Искусство Согда // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства. – М., 1987. – С. 237-238.

как патроны всех реально значимых ячеек общества: семей, общин, городов. Поэтому этих богов вводили в новую религию и начинали изображать их, используя и видоизменяя иконографию ее второстепенных персонажей, какими были, в частности, для буддистов индуистские божества. В самом Согде тоже были христиане, буддисты, манихеи, но здесь определенно возобладала местная религия, сохранив, однако, образы, созданные в результате контактов с чужими верованиями – делает заключение Б.И. Маршак ¹.

В Тохаристане местные культы в кушанское время сосуществовали с буддизмом и шиваизмом. В V в. после падения Кушанской империи и краткого правления Сасанидов начинается борьба за Тохаристан, в ходе которой слабеют его связи с Гандхарой (Кандагаром), где примерно до середины VI в. процветали буддийские культовые центры².

Изучив материалы раннесредневековых буддийских памятников Южного Таджикистана (Аджинатепа, монастырь близ Ховалинга, храм Калаи Кафирниган), которые относятся к стилевой новой волне VII – начала VIII вв., Б.И. Маршак подметил, что скульптура и живопись Аджинатепа выполнены на очень высоком уровне, тогда как в Дильберджине и на Калаи Кафирниган встречается довольно грубый и неловкий рисунок, искупаемый, однако, красотой цветовой композиции. "Неравноценность тохаристанских произведений объясняется тем, что там, в отличие от Согда, не все художники входили в характерную для городской культуры художественно-ремесленную среду, предъявлявшую к каждому мастеру строгие профессиональные требования. В искусстве Тохаристана есть глубокое различие между выполненными в соответствии с канонами изображениями персонажей буддийских сказаний и молящихся

---

¹ См.: Маршак Б.И. Изобразительное искусство // История таджикского народа. Т. II: Эпоха формирования таджикского народа. – Душанбе, 1999. – С. 229.

² См.: Маршак Б.И. Там же. – С. 230.

тохаристанцев, в облике которых нет ничего индийского, но много общего с образами согдийцев"¹.

Среди композиций Аджинатепы выделяется своей грандиозностью сцена с Буддой в нирване. Его лежащая фигура была около 12 м длиной. Это не изображение лежащего человека, а обычная в буддийской иконографии положенная на бок стоящая фигура. Такая композиция позволила скульптору, отказавшись от какого-либо натурализма, символически передать глубочайшую религиозно-философскую идею нирваны. Весьма выразительны и выполненные в форме небольшие скульптуры Аджинатепы. Мастера стремились сохранить однажды достигнутое совершенство с помощью механического повторения священных изображений².

Буддийские памятники VII-VIII вв. согдийских колоний в Семиречье также были привлечены к изучению и были определены Б.И. Маршаком как сходные с тохаристанскими, так как там тоже имеется гигантский Будда в нирване³. Однако отмечены и существенные отличия. Это влияние китайского буддизма (в частности, кровельная черепица храмов была китайской работы), и внедрение в буддийскую иконографию образов согдийских богов⁴. В доказательство приведена серия позолоченных бронзовых блях VIII в. из храма в Акбешиме⁵, которая отражает как типичные изображения буддийской триады, так и чету согдийских божеств с символической фигуркой верблюда, которая найдена в росписях Пенджикента и Афрасиаба.

---

¹ См.: Маршак Б.И.. Согд V-VIII вв. Идеология по памятникам искусства // Археология СССР. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. – М.: Наука, 1999. – Т. 17. – С. 183.

² См.: Маршак Б.И. Согд V-VIII вв. Идеология по памятникам искусства // Археология СССР. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. – М.: Наука, 1999. – Т. 17. – С. 186.

³ См.: Горячева В.Д. Город золотого верблюда. – Фрунзе, 1988. – С. 46-61.

⁴ См.: Изобразительное искусство // История таджикского народа. Т. II: Эпоха формирования таджикского народа. – Душанбе, 1999. – С. 227.

⁵ См.: Кызласов Л.Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим // Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции. – М., 1959. – Т. 2. – С. 203, 209. – Рис. 29, 4.

Среди открытых десятков частных домов VII-VIII вв. Пенджикента, украшенных росписями и резными деревянными скульптурами, были часты сцены поклонения божеству¹. Так определяется направление целого блока публикаций, посвящённых тематике "Боги и образы в согдийском искусстве VII-VIII вв." и благодаря этому исследованию небуддийское религиозное искусство раннего средневековья в Согде сейчас известно гораздо лучше, чем в других среднеазиатских землях. Материалы Самарканда, памятников Уструшаны, Бухарского оазиса при сопоставлении с пенджикентскими получили достойное объяснение.

Б.И. Маршак выделил около двух десятков образов различных божеств и сделал определение, что в Пенджикенте индийские заимствования связаны не с собственно буддийской иконографией, а с индуистской, хотя нельзя отрицать и буддийского воздействия. Им сделан полный обзор персонажей, подразделяя их изображения на богов, демонов и героев².

Однако все такие отождествления предположительны, за исключением найденного Вешпаркара, которое подтверждается имеющейся на изображении надписью (прочтение В.А. Лившица) на ноге трехглавого вооруженного трезубцем шиваподобного бога пенджикентской живописи в помещении 1 объекта XXII³.

Следующее божество Срош – бог молитвы и религиозной дисциплины, представлен на терракотах VI-VII вв.⁴ в виде юноши, держащего концы завязанного тройным узлом пояса. Трижды завязанный ритуальный пояс зороастрийцев назывался *кусти*. Люди чаще носили подобный ритуальный пояс иначе (на оссуарии он виден из-под распахнутой верхней одежды или

---

¹ См.: Maršak B.I., Raspopova V.I. Wall paintings from a house with agranary. Panjikent, 1st quarter of the 8th century A.D.// Silk Road Art and Archaeology. – Vol. 1. – Kamakura, 1990. – P. 24.

² См.: Маршак Б.И. Боги, демоны и герои пенджикентской живописи // Итоги археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. – Л.: Гос. Эрмитаж, 1989. – С. 115-117.

³ См.: Maršak B.I. Les fouilles en Pandžikent. – Pl. 16.

⁴ См.: Древности Таджикистана: каталог выставки. – Душанбе, 1985. – С. 197-198. – Рис. 487-489.

поверх нее), но на терракотах со стоящей фигурой изображено именно божество, поскольку иногда его фигура обрамлена храмовой аркой.

В живописи VII-VIII вв. есть иной образ: бог в доспехах, с булавой на плече, у ног которого лежит поверженный демон. Объединяет оба иконографических типа поза стоящей фигуры с симметрично развернутыми ступнями носками врозь. Именно Срош в Авесте допрашивает поверженного его булавой демона. Ему более других богов приходится, борясь против мира зла, вступать в контакт с этим миром¹.

Стоящий вооруженный царь "одной из сторон света" в буддийском искусстве часто попирает демона, тогда как зороастризм не допускает столь тесного контакта даже для Сроша, и согдийский бог не касается лежащего врага².

Своеобразно представлен согдийский Вашагн (авестийский Веретрагна) – бог Победы, от которого ждали удачи во всяком деле и который пользовался большой популярностью в согдийском искусстве³. Его атрибуты: верблюд – одно из его авестийских воплощений, иногда храмовый жертвенник в руке ("Огонь Варахрана" – Веретрагны). С ним несколько раз (в Пенджикенте, Афрасиабе, Ак-бешиме) была изображена супруга, имя которой установить труднее. Ее атрибут – горный баран. Имеется также бог со знаменем в руке и с головным убором с рогами козла (Пенджикент)⁴.

В 2003 году на раскопках жилого дома на объекте XXVI в помещении 19 был найден фрагмент росписи с изображением четырехрукого мифического героя на ярко-синем ультрамариновом фоне. Б.И. Маршак, ознакомившись с живописью, определил его как сюжет борьбы с демонами.

Мифический персонаж «показан тяжеловооруженным: в ламеллярном доспехе с чередующимися рядами стальных и золоченых пластин. На голове у него золотой шлем с коротким наносником и наушниками, с короткой

---

¹ См.: Grenet F. L'art zoroastrien en Sogdiane // Mesopotamia. – 1986. – Vol. XXI. – Pl. 38.

² См.: Maršak B.I. Les fouilles en Pandžikent. – S. 305-307. – Pl. 15.

³ См.: Maršak B.I., Raspopova V.I. Wall painting from a house with a grahary. – P. 137-145.

⁴ См.: Maršak B.I. Les fouilles en Pandžikent. – S. 305-307. – Pl. 15.

бармицей. Плечи и верхние части рук защищены кольчугой, на плечах поверх кольчуги надеты золоченые львиные маски. Руки от кисти до локтя закрыты наручами. К шлему надо лбом прикреплен человеческий череп, по бокам которого помещены две отрубленные кисти рук. Череп и руки пародийно соответствуют двум крыльям по сторонам от полумесяца обычно с диском солнца над ним – элементами типично согдийской короны того времени. Знатность персонажа подчеркивает его толстая золотая гривна, позолота шлема и наручей, золотые маски львов. Двумя руками он вздымает над головой скрещенные мечи. В его третьей руке – булава. Жест четвертой руки показывает, что он обращается к кому-то с речью, скорее всего, вызывает на бой своего врага или грозит ему. Лицо достаточно благообразно, но темно-розовая кожа и широко открытые глаза показывает, что перед нами персонаж в гневе. При этом его сверхчеловеческую силу отражают нимб и пламя над плечами»¹. Б.И. Маршак данное изображение названо демоном. Однако сюжетно-иконографическая композиция отражает сюжет борьбы со злом или войну с демонами и убедительно отождествлена его учениками Г.Р. Каримовой и Ш.Ф. Курбановым, как Варахран или легендарный воин Веретрагна².

Бог с кабанами и бог с павлином, также изображавшиеся согдийскими художниками, тоже заставляют вспомнить о Веретрагне, так как кабан – его инкарнация, а павлин связан со Скандой-Картиккейей, – заключает Б.И. Маршак³.

Образ Митры в искусстве Средней Азии раннего средневекового периода со всей определенностью не выявлен. Однако в росписи богатого жилого дома VIII века в Пенджикенте в монофигурной сцене исследователи определяют Митру. На нем царская диадема, украшенная крыльями и

---

¹ Маршак Б.И., Распопова В.И. Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 2003 году // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. – СПб., 2004. – С. 50.

² См.: Karimova G.R., Kurbanov Sh. F. Mural Painting from Panjikent (to the Problem of Symbols and Cults) // Miho Museum. – 2008. – Vol. 3. – No 7/8. – P. 196-215.

³ См.: Маршак Б.И. Изобразительное искусство // История таджикского народа. Т. II: Эпоха формирования таджикского народа. – Душанбе, 1999. – С. 230.

полумесяцем, повязанная вокруг мягкого "фригийского" колпака. Он держит в левой руке знамя, а в правой – чашу со статуэткой идущего льва¹.

Общеизвестно, что зооморфные символы у согдийцев, сопутствующие или расположенные при антропоморфных изображениях, выступали ипостасями богов Авесты в виде зооморфных инкарнаций.

Предложенные отождествления логичны, если исходить только из авестийского списка, поскольку согдийцы почитали и других богов. Не удаётся безапелляционно даже в пределах списка выбрать, к кому из богов относится тот или иной атрибут, как, например, колесница или пара коней. Эти атрибуты могут изображать Миш (Митра), природное божество Солнца (Хвар), Тиш (Тиштрия), Друвасп (Друваспа) и др. Вообще изображения богов очень неоднозначны.

На особом месте стоит поклонение не зороастрийской богине Нанайе. Считали, что в Бактрии она помогает получить власть царю, и в надписи кушанского царя Канишки в Рабатаке её имя поставлено перед списком имён зороастрийских божеств, возглавляемым Ахура Маздой.

Четверорукая Нана, сидящая на льве, одна или в сопровождении, встречается чаще остальных и чаще выступает как патронесса семей. Ее элементы присутствуют в иллюстрациях к мифологическим повествованиям. Так, в Пенджикенте и в Шахристане к Нане, сидящей на льве, с солнцем и луной в поднятых руках, подъезжает бог со стороны руки с солнцем, на запряженной крылатыми конями колеснице, причем, как видно по изображению в Шахристане, он коленопреклоненный (сидящий на пятках)². Это обычная поза молящихся перед божеством. Она показывает, что бог на колеснице в иерархии стоит ниже Наны. Представлено, видимо, солнечное божество, но не столь высокого ранга, как Митра³.

---

¹ См.: Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И., Исаков А.И. Раскопки Древнего Пенджикента в 1972 году // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе, 1983, – Вып. XVII. – С. 198.

² См.: Belenitskii A.M., Marshak B.I. The paintings of Sogdiana. – P. 67. – Fig. 32; Негматов Н.Н. О живописи дворца афшинов Уструшаны // СА. – 1973. – № 3. – С. 192-195. – Рис. 8-9.

³ См.: Маршак Б.И. Изобразительное искусство // История таджикского народа. Т. II: Эпоха формирования таджикского народа. – Душанбе, 1999. – С. 232.

В помещении 28 объекта XXV дома начала VIII в., в маленькой арке над дверью, был изображен Будда в зале, в котором на почетных местах размещены масштабные изображения богов согдийского пантеона. Изображение Будды выполнено явно художником не буддистом, с грубыми иконографическими ошибками¹. Согд в письменных китайских источниках причислен к числу стран, где почитают Будду, однако буддийские паломники, посетившие страну в VII-VIII вв., свидетельствуют о негативном отношении согдийцев к буддизму. Вероятно, более благоприятное время распространения буддийской религии относится к VI в. В Пенджикенте найден хум с согдийской надписью (прочтение В.А. Лившица) "сутра". Примечательно, что в этом городе буддизм представлен единичными находками. Предполагались контакты согдийцев с индуистами до буддийского посредничества.

В долине Инда еще в XIX в. существовала группа населения, название и занятия которой свидетельствуют о ее происхождении от согдийских торговцев². Известно, что, хотя эти люди стали индуистами, но в жизни они проводили ряд неортодоксальных практик и обычаев. Свидетельством этому найденные согдийские надписи, выбитые на скалах вдоль дороги в верховьях Инда³.

Б.И. Маршаком отмечается нетипичность для Самаркандского Согда следов проникновения буддизма, и что он был более характерен для согдийских колоний в Семиречье и Синьцзяне. Это также отражает формочка для оттискивания терракотовых иконок сидящего Будды, выявленная в Пенджикенте, которая по иконографии имеет необычные стилистические особенности, не повторяющиеся ни в каких аналогах, не встречает параллелей в других странах⁴.

---

¹ См.: Marshak B.I., Raspopova V.I. Wall paintings from a house with a granary. Panjkent, 1st quarter of the 8th century A.D. // *Silk Road Art and Archaeology*. – Vol. 1. – Kamakura, 1990. – P. 24.

² См.: Grenet F. Samarcande et la route de la soie // *L'Histoire*. – 1985. – № 77. – P. 37, 38.

³ См.: Sims-Williams N. Sogdian and other Iranian inscriptions of the Upper Indus. – *Corpus Inscr. Iranicarum. Portfolio I, Part II*. – Vol. III, 1989.

⁴ См.: Маршак Б.И.. Искусство Согда. – С. 10-11.

В кушанском царстве "боевой шиваизм" дважды становился царской религией (при Виме Кадфизе и Васудеве), но на практике он не признавал иные культы¹. Однако в Согде, за пределами кушанского царства, в иконографии нет изобразительных форм "боевого шиваизма". Гаруда, связанный с Вишну, вероятно, переосмысленный, представлен в виде орла, несущего в когтях полуобнаженную женщину и опутанного змеей, размещённого в нише парадного зала одного из пенджикентских домов VIII в. (помещение 1 объекта XXII), с крупномасштабной фигурой трехглавого божества, подобного Шиве².

Изображения фравашей в Пенджикенте почитались в совокупности, совместно с другими, а не как отдельные божества, – утверждает Б.И. Маршак. А также наряду с богами им упомянуты множество полубожественных небожителей: крылатых ангелоподобных красавиц, небесных музыкантов, духов ветра и облаков. Все они частично обнажены и почти все босы, что на изображениях согдийцев встречается крайне редко – зороастрийцы, чтобы не осквернить священную землю, не ходили босиком³.

В целом Б.И. Маршаком для каждого исторического периода разработано чёткое определение культовости изображений. Согласно его определению, боги Согда не сходны по иконографии с богами Тохаристана эпохи кушан, хотя в Согде Нана также едет на льве, а Шиваподобный трёхликий Вешпаркар сходен с Шивой монет Васудевы именем Виш в монетной легенде обозначения. Отмечены особенности – Вешпаркар держит в одной из рук рог, а Нана стала четверорукой, и их облик, как и других богов, подчёркивает их царственность⁴.

С конца IV в. сасанидская мода уже в 420-х годах доходя до Китая (Дуньхуан), широко распространяется на Востоке, в основном это касается

---

¹ См.: Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана. – Душанбе, 1983. – С. 180, 181.

² См.: Maršak B.I. Les fouilles en Pandžikent. – S. 307-309. – P. 16.

³ См.: Маршак Б.И. Боги, демоны и герои пенджикентской живописи // Итоги археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. – Л.: Гос.Эрмитаж, 1989. – С. 119.

⁴ См.: Маршак Б.И. Искусство Согда // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства. – М., 1987. – С. 239.

одежды и манеры её изображения. Превалирование признаков и канонов сасанидской царской иконографии в культовых композициях послужило толчком к возникновению послевосточных завоеваний Ирана и созданию кушано-сасанидского наместничества. У кушан индийские боги одеты по-индийски, греческие – по-гречески, а местные – в греческие или тохаристанские одеяния. С V в. намечается необычный процесс, который не был известен ранее. Начинается смешение признаков разного происхождения. Хорошим примером необычного синтеза признаков в Тохаристане и Дильберджине названа роспись V-VI вв., где изображение богини уподоблено одновременно греческой Афине и ... сасанидскому государю. Эта богиня есть и на терракотовых образках VI в., в Самарканде и Пенджикенте, и найдена в самом центре Согда¹.

Исследование Б.И. Маршака отразило, что индийский или чисто греческий иконографический тип сохраняется в Согде только как редкое исключение. Б.И. Маршаком делается особый акцент на произошедшее здесь полное смешение разнородных признаков. Как факт им приводится найденное изображение бога с кифарой – Аполлона, который сидит как сасанидский царь на троне с головами слонов. Вешпаркар одет по-согдийски, длиннобородый Азрва (Зрван) сидит в индийской позе и т. д. «В Согде элементы иконографии уже не означали "национальность" богов, а являлись отличительными признаками небожителей, демонов, сказочных персонажей»².

Работы последних лет жизни Б.И. Маршака отражают акцент на то, что согдийцы выполняли из дерева даже купола, которые у многих народов символизировали полусферу как небо. Это могла быть символизированная, реальная или нарисованная арочная ниша напротив входа. Это являлось основным местом божества в зале любого

---

¹ См.: Маршак Б.И. Искусство Согда // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства. – М., 1987. – С. 241.

² Маршак Б.И. Индийский компонент в культовой иконографии Согда // Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье: тезисы докладов. – М., 1981.

архитектурного сооружения. Как правило, фигуры богов в нише были огромны. Их масштаб зависел от статусности. Иногда архитекторы прибегали даже к специальным приёмам, основанным на перспективных эффектах, чтобы подчеркнуть грандиозность защищающих дом богов¹.

Для изобразительного искусства Пенджикента особо подмеченное качество, описанное Б.И. Маршаком, – то, что «каждая семья имела своих богов-покровителей, причём у горожан и у правителей были допустимы изображения одних и тех же патронов. Живопись Согда показала, что, как бухарские государи, так и домовладельцы Пенджикента и Самарканда, поклонялись и чтили бога, атрибутом или тотемным символом которого был верблюд»².

Изображения богов определили ещё одну проблему, которая неоднократно поднималась учёными, – были ли согдийцы зороастрийцами? Изображения многочисленных богов, к тому же часто с индийскими атрибутами, по мнению А.М. Беленицкого, свидетельствуют против зороастризма³.

Анализируя данное заключение А.М. Беленицкого, Б.И. Маршак пишет: «Однако одно дело – сложная религиозно-философская доктрина магов, в которой старым унаследованным от язычества богам отведена очень скромная роль, и другое дело – практика отдельных семей и отдельных общин, которые, отнюдь не стремясь противоречить доктрине, в своей жизни прежде всего заботились о получении поддержки от собственного божественного патрона. Таким путём, мне кажется, можно примирить нынешние сомнения А.М. Беленицкого с высказанной им в 1954 г. глубокой мыслью о том, что "религия Пенджикента – зороастризм одна из так называемых мировых религий, поскольку с первых веков н. э. и до

---

¹ См.: Маршак Б.И., Распопова В.И. Купольные конструкции в Пенджикенте начала VIII века (на примере помещения 57 объекта XXIII). – СПб.: Изд-во «Политех-пресс», 2021. – С. 18-27.

² Маршак Б.И. Восточные аналогии зданиям типа вписанного креста. Пенджикент и Бамиан. V-VIII вв. – *Probleme der Architektur des Orients*. – Halle (Saale), 1983.

³ См.: Беленицкий А.М. Вопросы идеологии и культов, с. 57-62.

арабского завоевания Средняя Азия была ареной [их] весьма усиленной борьбы»¹.

«При этом особое значение и почитание частных культов напрямую зависело от слабости государства при полном отсутствии государственной религии, такой как зороастризм времён Сасанидов, с точки зрения которого согдийцев могли посчитать еретиками»².

Б.И. Маршак подмечено ещё одно новое направление, отражающее специфику восприятия почитаемости, которому он посвятил свое исследование, – это изображения на оссуариях, когда «совершенно иным кажется отношение согдийцев к религии, судя по керамическим оссуариям, в которые, согласно обычаю зороастрийской погребальной культуры, кости умерших помещались после обнажения, чтобы их очистили от костей и мягких тканей хищные птицы или собаки. Исследование также показывает, что оссуарии изготавливались не по индивидуальному заказу, а серийно, поскольку рельефы на них наносились методом штамповки. Общая тема рельефов представляет не личные сюжеты или семейных богов, а предполагаемую загробную жизнь человеческой души. Это сюжеты молебна зороастрийских жрецов у алтаря храмового огня, испытания души и ее перенесения в рай, образы стихий, которые, воскресая во время зороастрийского Страшного суда, дают человеку его дыхание, плоть и кровь. Очеловеченное воплощение очищающего огня, зороастрийский характер этих изображений не вызывает сомнений», – заключает Б.И. Маршак³.

В то же время в оссуариях есть архитектурные сооружения, которые Б.И. Маршак классифицирует как связь с примитивными народными верованиями, которые сохранились, несмотря на преследования духовенства по этому поводу. Так, в оссуариях Пенджикента, с одной

---

¹ Маршак Б.И. Согд V-VIII вв. Идеология по памятникам искусства // Археология. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья, Средняя Азия в раннем средневековье / ред. Г.В. Брыкина. – М., 1999. – С. 175-191.

² Маршак Б.И. Там же. – С. 175-191.

³ Маршак Б.И. Изобразительное искусство // История таджикского народа. Т. II: Эпоха формирования таджикского народа. – Душанбе, 1999. – С. 233.

стороны, есть изображение крепостной стены с зубцами, а с другой – деревьев сада, то есть укрепленной усадьбы. В то же время есть изображение двери, а на крышке – голова демона, которая, по-видимому, отгоняет злых духов, стремящихся завладеть умершим. Такая защита от злых духов с помощью демона неизвестна в канонах и не используется в ритуалах зороастризма»¹.

Для каждого исторического периода, согласно находкам росписей с многочисленными сценами поклонения богам в храмах, дворцах и домах Пенджикента, Самарканда, Варахши близ Бухары, Шахристана (резиденции правителя Уструшаны), присуща характерная черта. Для периода VI-VIII вв. Борисом Ильичём так же названа характерная особенность. «В каждой сцене богослужения есть изображения богов с их греческими, сасанидскими и индийскими элементами, а также изображения людей, участвующих в ритуалах, в которых практически нет заимствований, столь характерных для иконографии богов, а их одежда и оружие изображены с документальной достоверностью»².

Даже группа серебряных чаш, давно привлекавших внимание исследователей изобразительного искусства Центральной Азии, на которых изображены четыре вооруженных женских божества, не осталась без внимания Б.И. Маршака. Божества держат в своих руках астрологические символы луны и солнца, «и только в Согде было известно это изображение божества. Четыре вооруженных божества также занимают определенное место в религиозной буддийской иконографии Восточного Туркестана»³.

В дополнение к вышесказанному, сравнивая иконографию четырехруких божеств Хорезма и Согдианы с богиней Парвати индуистского цикла, Б.И. Маршак отмечает большие различия в характеристиках. Здесь нет эмблем солнца и луны. Изображение более

---

¹ Маршак Б.И. Искусство Согда. – С. 11-12.

² Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. в искусстве Пенджикента // История и культура народов Средней Азии. (Древность и средние века). – М., 1976. – С. 75-89

³ Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. в искусстве Пенджикента. – С. 82-83.

сложного образа индийской "Макары" отличается тем, что божество восседает не на льве, как на изображениях четырехрукой богини Центральной Азии, а на драконе. Фрагменты сюжета, которые объединяют сидящую богиню со скульптурным панно, изображающим поток воды, с различными существами и "макарой"¹, открыты на объекте II древнего Пенджикента. Б.И. Маршак увидел в этом изображении божество, олицетворяющее почитаемую согдийцами реку Зеравшан, протекающую у Пенджикента, т. е. божество, связанное с водной стихией.²

К сожалению, пенджикентская четверорукая богиня по своему происхождению не может быть полностью отнесена к индуизму. Сюжет из-за неполной сохранности не имеет изображения двух правых рук, головы и короны, которые, возможно, по несохранившимся деталям, эмблемам, могли дать более точное определение смысла всего изображения³.

Наряду с анализом изобразительных сюжетов Б.И. Маршаком ставится ряд статусных вопросов о богине с эмблемами солнца и луны в руках, восседающей на троне в виде льва, известной по серебряным хорезмским чашам и пенджикентским росписям⁴. «... 1) не считалась ли эта богиня в Согде, как и в Хотане, женой бога, изображенного трехгранным и многоруким; 2) возможно ли тогда рассматривать другую изобразительную версию того же божества, богиню, помещенную рядом с трехгранным Богом на картине объекта XXII; важно также отметить, что трон этой богини украшен протонами крылатых львов»⁵. Б.И. Маршак считает, что живописные изображения танцующего трехголового божества в

---

¹ См.: Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. в искусстве Пенджикента. – С. 186-187 [19, табл. XXVII-XXXII].

² См.: Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Стенные росписи, обнаруженные в 1970 году на городище древнего Пенджикента // Сообщения Гос. Эрмитажа», вып. XXXVI. – Л., 1973. – С. 62.

³ См.: Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Стенные росписи, обнаруженные в 1970 году на городище древнего Пенджикента // Сообщения Гос. Эрмитажа», вып. XXXVI. – Л., 1973. – С.77-78.

⁴ См.: Маршак Б.И. Настенные росписи, открытые в Пенджикенте в 1971 году // СГЭ. Вып. XXXVII. – С. 54-58 (в соавторстве с А.М. Беленицким).[12, табл. XX-XXV].

⁵ Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. в искусстве Пенджикента. // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). – М., 1976. – С.78-79.

Пенджикенте и Шивы, вероятно, представляют одного и того же бога. Если хотанские и согдийские рисунки схожи как изобразительно, так и по содержанию, то, очевидно, прав Б.И. Маршак, говоривший об «отождествления богов, у которых общие признаки образов пенджикентского танцующего и хотанского трёхликого бога – синее тело и тигровая шкура на бёдрах».¹

Несмотря на выше изложенные наблюдения Б.И. Маршака, религию Согда и согдийцев он не считает шиваистами. Однако настоятельно обращает внимание исследователей на то, что «индийские иконографические параллели многими деталями, присутствовавшими в согдийской живописи, чужды индийским прототипам.»².

Например, известно, что Хотанские иконы с изображениями, похожими на Шиву, почитались буддистами. Трёхголовый бог присутствует на оборотной стороне одной из икон, в композицию которой включено изображение Будды. Неоднократно отмечались и небуддийские верования местных иранцев в изображениях сюжетов на хотанских иконах ³.

Считается, что в IV-VI вв. местные жрецы старались выразить индийскими образами свои религиозные представления, изображая их развитым религиозным культовым искусством, которое в условиях конкуренции с буддизмом, манихейством и христианством было более устойчиво к передаче. В подтверждение подобных действий Б.И. Маршак приводит известный пример. В IV в. в Бактрии, сасанидские правители бывших кушанских владений на монетах заменили легенду, сохранив кушанское изображение Шивы на своих монетах: "вместо имени божества *veṣa* "Шива", как на позднекушанских монетах среднеперсидская легенда,

---

¹ Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Там же. - С. 79.

² Marsak, Boris. Les fouilles de Pendjikent. In: Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 134e année, No. 1, 1990. pp. 286-313. doi – 10.3406/crai.1990.14842 http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/crai_0065-0536_1990_num_134_1_14842/

³ См.: Маршак Б.И. Индийский компонент в культовой иконографии Согда // Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье: Тезисы докладов. – М., 1981; Belenitskii A.M. and Marshak B.I. The Paintings of Sogdiana, с. 28-35.

знаками кушанского письма выбито *borzoondoyozdo* – "высокий (великий) бог"¹.

В.Г. Луконин считает, что "под Шивой понимается Ахура Мазда на кушано-сасанидских монетах", и по причине отсутствия иконографии иранских божеств это выглядит вполне возможным именем². Специальные исследования показывают, что Средняя Азия накануне арабского завоевания была защитной стеной широкой религиозной терпимости. Ни одна из известных религий того времени не была признана государственной. Города Средней Азии по их разноплеменным и разнородным по социальной принадлежности населением, являлись, в первую очередь, местами различных идеологий, верований, культов³.

В Пенджикенте открыты два храма, являющиеся первыми культовыми сооружениями, которые принято считать святилищами определенного местного культа. Несомненно, что в особенностях их архитектурного сооружения следует видеть отражение, в первую очередь, местной архитектурной традиции, сложившейся в соответствии с местными религиозными верованиями, т. е. почитание небесных светил, почитание реки Зарафшан-Намик (в греческой интерпретации), и, возможно, женского четырёхрукого божества, отождествленного с именем Наная. Но вот предметов, связанных с почитанием огня, до 1982 г. не было найдено, и только в 1990 году археологами в храме I была обнаружена лестница, которая вела в небольшую комнату, стены которой были покрыты чёрной краской. Здесь, в этой комнате, хранили неугасимый священный огонь.

---

¹ Une peinture kouchane sur toile, par m. Boris Marshak, associé étranger de l'académie suivi d'une note additionnelle, par M. Frantz Grenet, Correspondant de l'académie 1978, pl. 174, 175.

² V.G. Lukonin, «Kushano-sasanidskie monety», *Èpigrafiika Vostoka* 18 (1967), p. 28- 29, fig. 6 ; P.O.;. Harper et P. Meyers, *Silver vessels of the Sasanian period, I: Royal imagery*, New York, 1981, p. 108-110, fig. 35.

³ См.: Беленицкий А.М., Маршак Б.И.. Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. в искусстве Пенджикента // *История и культура народов Средней Азии (древность и средние века)*. – М., 1976. – С. 82.

Хранили здесь также и золу, которую не выбрасывали, и которая также считалась священной¹.

По выводу Б.И. Маршака: "Согласно обзору недавно открытых в Пенджикенте памятников культового искусства, религия Согда обладала богатой и детально разработанной иконографией в начале средних веков. В состав пантеона входили божества стихий, божества небесных светил. Большую роль играл культ предков, о котором хорошо известно, как по находками изобразительного искусства, так и по письменным источникам"².

Сферы божественного, демонического и героического были достаточно чётко разграничены в сознании согдийцев, чтобы появилась возможность метафорического (в широком смысле слова) использования признаков изображения каждой из этих категорий. Выверенное разграничение предложенных атрибутов не было абсолютным, хотя это могло привести к некоторой внешней схожести богов, демонов и героев. Однако при помощи точно взятых символов из окружавшей действительности, точно выверенного соотношения между признаками и изображениями, художники сумели придать убедительность мифическим, а порою и странным, невиданным зрелищам, которые окружали гостей в залах на приёмах на стенах Пенджикента, отражая желание показать благословение богов-покровителей владельцам дома и древнюю доблесть известных эпических героев³.

Среди иконографии богов пантеона определенное место отведено образу Духа урожая, показанного на фоне кучи зерна, воплощением которой он, судя по таджикской этнографии, представлялся. В этой сцене увоза зерна с гумна, входящей в композицию всемирного празднования в честь нового урожая (помещение 28 объекта XXV Пенджикента),

---

¹ См.: Marshak B.I. *Legends, Tales and Fables in the Art of Sogdiana*. – New York, 2002.

² Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. в искусстве Пенджикента // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). – М., 1976. – С. 80.

³ Маршак Б.И.. Боги, демоны и герои пенджикентской живописи // Итоги археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. – Л.: Гос.Эрмитаж, 1989. – С. 126.

земледельческий культ принял известный и узнаваемый для согдийской иконографии образ: Деда- Земледельца – Духа урожая – трон, царские сасанидские ленты, языки пламени над плечами, нимб и т. д.¹ В росписях Пенджикента Б.И. Маршаком отмечаются изображения и других сезонных обрядов, которые он относит к календарным праздникам такого рода, как Навруз, Мехргон и т. д. Поскольку согдийский зороастрийский календарь был мобильным, за каждые 120 лет сдвигаясь на 30 дней и не корректировался, его месяцы и праздничные дни этих месяцев не соответствовали своим первоначальным временам года ². Так, вначале средних веков Новый год в Согде был летом. В одном из домов Пенджикента (помещение 14 объекта XVII) имеется изображение состязания борцов во время летнего празднества с купанием, венками³.

Таким образом, Б.И. Маршаком установлено, что зороастризм на согдийской земле, имея сходство с ортодоксальным иранским типом, имел корни, насыщенные местными верованиями, элементами индуизма и отчасти буддизма. Раннесредневековый пантеон божеств устанавливается по письменным источникам, находкам изобразительного искусства (настенной живописи и терракоты).

Тем самым, в Пенджикенте воссоздана программа росписей, которая отражает иерархию жанров и определяет персонажи. Определяется сходство пантеона VI-VIII вв. и отдельных фрагментов и сюжетов иконографии Согда, Хорезма, Уструшаны (божество в прообразе верблюда, четырехрукая богиня на льве). Определено совпадение отдельных обрядов, изображенных в живописи – композиция с оплакиванием усопшего.

Научное наследие Б.И. Маршака высветило эпоху сложнейшую и важнейшую в истории раннего средневековья, которая по многим

---

¹ См.: Маршак Б.И., Распопова В.И. Согдийское изображение Деда-Земледельца // Вопросы древней истории Южной Сибири. – Абакан, 1984; Maršak B.I., Rasporova V.I. Ure image sogdienne du dieu-patriarch de L'agriculture // Studia Iranica. – 1987. – Т. 16; Maršhak B.I., Rasporova V.I. Wall paintings from a house with a grahary...

² См.: Лившиц В.А. “Зороастрийский” календарь // Бикерман Э. Хронология Древнего мира. Ближний Восток и античность. – М., 1975. – С. 332.

³ См.: Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. – Рис. 19.

параметрам определяет этап истории Средней Азии как древний, завершающийся, и по значению открывающий ее новую страницу.

Известные образы богов встречаются на памятниках в Пенджикенте Самарканде, Уструшане, Кеше, Хафтруде, Отраре, т. е. это определённо были боги, почитавшиеся согдийцами там, где они жили. Зороастризм, судя по единой религиозной терминологии, согдийскому тексту с молитвой "Ашем Воху"¹⁸⁸, а также по сообщениям Хой Чао¹⁸⁹ и другим свидетельствам, являлся религией Согда. Однако этот довольно своеобразный зороастризм вобрал в себя неканонизированные представления. Согдийцы метрополии далеко не всегда крепко держались за зороастрийских богов своих гражданских общин.

Кроме того, не случайно Б.И. Маршак обратил внимание на то, что от Бухары и Кеша до Чуйской долины согдийцы молились богам одного пантеона, но речь идет именно о самаркандских богах и письменности в афрасиабской надписи. Некоторых из этих богов почитали также в Хорезме¹. Когда чаганианский посол в афрасиабской надписи говорил царю о богах, вероятно, он имел в виду их особое значение для Самарканда, как почитаемых небольшим самаркандским государством и покровительствующих именно этому государству, т. е. речь шла о своего рода "полисной" религии². Давая определение изображённой встрече, Б.И. Маршак заявляет о новом незаконченном блоке исследования – полисной религии.

---

¹ См.: Маршак Б.И. Изобразительное искусство // История таджикского народа. Т. II: Эпоха формирования таджикского народа. – Душанбе, 1999. – С. 235.

² См.: Маршак Б.И. Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Научная деятельность выдающегося ученого Бориса Ильича Маршака отражает огромный вклад в развитие археологической и исторической науки Республики Таджикистан. Изучение его научного наследия дает возможность комплексно представить личность учёного, дать надлежащую оценку его научных достижений, в полной мере представить масштабность и важность подобного рода комплексного изучения археологического материала.

Систематические археологические работы на территории Таджикистана и принципы основной научной деятельности Б.И. Маршака сложились в послевоенный период. В 1946 году были проведены полевые исследования и раскопки Согдийско-Таджикской археологической экспедиции (ТАЭ, в 1953 году Таджикская археологическая экспедиция – ТАЭ) под руководством известного ученого-востоковеда А.Ю. Якубовского. С созданием направления археологии в Институте истории АН Таджикской ССР встал вопрос о подготовке квалифицированных специалистов-археологов. Б.И. Маршак в 1954 году впервые поехал на раскопки городища Древнего Пенджикента (Таджикистан), и с тех пор пропустил только один сезон 1956 г., когда в МГУ должны были проходить военные сборы. После окончания МГУ работал в Институте истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. В 1958-1961 гг. – аспирант Государственного Эрмитажа, по окончании аспирантуры – сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Будучи студентом, а затем аспирантом, он приобрел огромный опыт научной и практической работы у всемирно известных ученых А.Ю. Якубовского, А.И. Тереножкина, М.М. Дьяконова, А.П. Окладникова, Л.С. Бретаницкого, В.Л. Ворониной, О.И. Смирновой и др. Без сомнения, знания и навыки, приобретенные за эти годы, сыграли ключевую роль в формировании и развитии научно-исследовательского опыта Б.И. Маршака как ученого. Начало его карьеры связано с Институтом истории Академии наук Таджикской ССР в 1956 году, куда он был принят лаборантом. Его становление как археолога проходило

в стенах Института истории материальной культуры Академии наук СССР в городе Ленинграде (совр. Санкт-Петербург), однако он провел все полевые исследования в Таджикистане, в составе Таджикской археологической экспедиции (позднее – Пенджикентской археологической экспедиции), и получил свои первые практические навыки во время раскопок древнего поселения Пенджикент.

Б.И. Маршак провел 50 лет (1956-2006) археологических раскопок в Таджикистане. В этот период под его руководством в республике были проведены археологические исследования и раскопки, в результате которых были досконально изучены фундаментальные проблемы таджикской истории и культуры, от античности до развитого средневековья.

В результате сопоставления и глубокого анализа исторических процессов Б.И. Маршаком была разработана концепция хронологического развития согдийской культуры. Несмотря на некоторое добавление отдельных деталей, модель, предложенная Б.И. Маршаком, остается наилучшей основой для возможного анализа. И в качестве общей модели в настоящее время она остается неизменной и признана лучшей.

Научные исследования Бориса Ильича были тесно связаны с разработкой теоретических проблем по археологическим материалам, археологии и истории культуры Согда, с привлечением инновационного опыта комплексности исследований. Одним из ярких примеров такого исследования является детальное изучение керамики Пенджикента, что привело к созданию периодизации керамики, на основе которой строится вся археологическая шкала датировок средневековой керамики Согда. Большинство содержащихся в ней теоретических положений, рассматриваемых проблем и предлагаемых подходов остаются неизменными и актуальными. Особое значение имеет созданная в работе стройная система терминологии по рассматриваемым проблемам. Отсутствие единой терминологии, разноречивой и путаница в такой основополагающей сфере, как археология, до сих пор являются «большим местом» в науке.

В ней впервые в науке систематически, четко, ясно, понятным языком представлена общая схема археологического исследования и возможности использования формализованных методов на разных его этапах. Целый ряд сформулированных положений справедлив не только для этих методов, но и для теории археологических исследований в целом. Безусловно, даже с высоты сегодняшнего информативного и технологического уровня данные, полученные Б.И. Маршаком, остаются актуальными и востребованными. Об этом также свидетельствуют современные наработки по исследованию керамики, сделанные молодыми учёными, о которых говорилось выше, в разделе «Шкала датировок средневековой керамики Б.И. Маршака».

В 50-годы XX века Б.И. Маршак с группой археологов Государственного Эрмитажа и Института материальной культуры Ленинграда приступает к исследованию археологических памятников верховьев долины реки Зеравшан в Таджикистане. В эти годы профессионально и планомерно изучаются такие исторические памятники, как городище Пенджикент, могильник Зосун и пещерный некрополь Гори Гург, крепостца Филмандар и др. Исследование этих памятников позволило Б.И. Маршаку сформулировать и обосновать новые научные знания по проблемам архитектуры Горного Согда.

Именно ему принадлежит методика раскопок раннесредневековых городов, разработанная по материалам Пенджикента. Разработка подобной методики исследования раннесредневековых памятников Центральной Азии стала возможной, прежде всего, благодаря умелому использованию в археологии опыта раскопок городища Пенджикент. Продуманная им гибкая методика раскопок, описаний и фиксаций, применяемая для сырцовой архитектуры, признана одной из лучших среди археологических методик, применяемых в Центральной Азии. Б.И. Маршаку принадлежит разработка единой схемы топографических координат, благодаря которой сложные сплетения городских и фортификационных сооружений более точно переносятся на планы. Разработанные им принципы проведения консервации сырцовой архитектуры признаны лучшими из применяемых в

археологических раскопках в Средней Азии. Фиксация разрезов по горизонтам позволяет получить максимально точную информацию, помогающую реконструировать облик архитектурных сооружений и создавать аксонометрические построения. Эту несложную методическую схему можно использовать во всех регионах, где имеются раннесредневековые памятники сырцово-глиняной архитектуры.

Проблемы древнейшей, древней и раннесредневековой истории Таджикистана в трудах Б.И. Маршака занимают особое место. Его исследования о Согдийской цивилизации, её месте в системе государств Востока поставили неопровержимые доказательства величайших достижений, вошедших в богатейшее культурное наследие таджикского народа. Это направление хорошо представлено изучением вопросов духовной культуры народов Центральной Азии. Древнее население этого горного региона Согда занималось земледелием, ремеслом, металлургией и добычей руды. На памятниках Согдийской культуры известно множество поселений раннего средневековья, где обнаружено большое количество бронзовых орудий труда, керамических изделий и предметов культа, свидетельствующих о богатой материальной и духовной культуре древнего населения этого края.

Пенджикент считался центром научных исследований и изучения произведений искусства – фресок, резьбы по дереву, глиняной скульптуры, терракоты. На самом деле, это кладёшь материалов по гораздо большему кругу тем – истории городской жизни, быта, ремесел, денежного обращения в доисламской Центральной Азии, не имеющий себе равных по объёму изучения. И это совместная работа Б.И. Маршака с В.И. Распоповой, подводящая к мысли и заключению о том, насколько важен Пенджикент как археологический памятник. Б.И. Маршак является лидером среди исследователей истории и культуры Центральной Азии. Не было другого специалиста, который бы так же глубоко и досконально разбирался в проблемах изобразительного искусства (живописи и скульптуры). Именно за эти качества его называли "специалистом высочайшего уровня" в странах

СНГ и за рубежом. Сюжеты фресок в его интерпретации предстали совсем по-новому: небольшой фрагмент картины сложился в целую группу изображений застолий, кукольного театра, праздничных шествий.

Б.И. Маршак внес значительный вклад в развитие изучения символов и символистики, выявленных в монументальной живописи и скульптуре Средневековья. Как знаток всех живописных стилей и школ Востока, даже по небольшому фрагменту он безошибочно определял, открывающую картину эпических сцен, изображенных на стенах древнего Пенджикента.

Именно благодаря детальному изучению фресок, проведенному Б.И. Маршаком совместно с А.М. Беленицким, Пенджикент становится подлинной сокровищницей согдийской живописи доарабской эпохи. Разработка исследовательских подходов к уникальным памятникам согдийского искусства – стенной живописи и скульптуры – вывела Б.И. Маршака в разряд крупнейших специалистов-искусствоведов, как знатока сюжетов и стилистических особенностей уникальных пенджикентских настенных росписей, и прославила его на весь мир.

Б.И. Маршак, планомерно исследуя материалы росписей Пенджикента, сравнивая их с аналогичными росписями Афрасиаба, Шахристана и других памятников Индии, Ирана составляет атрибутивную систему распознавания пантеона божеств. На основе чего доказывает, что в раннем средневековье на территории Согда был распространён согдийский тип зороастризма, который впитал в себя поклонение местных культовых практик, трансформировав их в зороастрийскую веру. Б.И. Маршак выделил ее как полисную религию. В своих статьях и монографиях учёный показывает проникновение техник и культуры изобразительного искусства из Индии, Ирана, Китая, вновь доказывая, что Средняя Азия является местом взаимообогащения и синтеза культур. Великолепное знание школ и канонов живописи Востока позволило Б.И. Маршаку создать классификацию и опыт методов датирования живописных изображений настенных росписей, которые успешно применяются в науке и сегодня.

Для многих из сегодняшних историков и археологов путь в мир истории начинался с прекрасных иллюстраций и реконструкций сюжетов живописи Пенджикента, выполненных Б.И. Маршаком. Умеющих рисовать на исторические темы и делать графические наброски, воспроизводящие реконструкцию сюжетов и сцен, наука знает достаточно, но пока никто не превзошел Б.И. Маршака в научной обоснованности подобных реконструкций и мастерстве художественно выраженных объяснений.

Б.И. Маршак сыграл существенную роль и в изучении вопросов возникновения, сложения, взаимообогащения и распространения различных религий, в особенности основных нюансов проникновения эллинизма, буддизма, индуизма на территорию Средней Азии, основал исследование раннесредневекового небуддийского искусства Тибета.

В результате тщательного изучения доступных ему изделий древних мастеров, хранящихся в различных музейных и частных коллекциях, Б.И. Маршак первым в мировой исторической науке надежно выделил локальные школы торевтики в Иране, Согде, Хорезме, Тохаристане, во владениях эфталитов и на других территориях Среднего Востока и Центральной Азии. Важнейшим итогом проделанной им грандиозной работы стало появление первой полной истории восточной торевтики, начиная с III и до XIII вв., которая до сих пор не имеет аналогов в отечественной и зарубежной историографии. Бесспорно, она представляет собой исключительно важный вклад в представления о культуре и искусстве Востока в позднеантичную и средневековую эпохи. Важно отметить, что в соответствии с целями своего исследования Б.И. Маршак также глубоко и всесторонне исследовал произведения средневековых торевтов из Восточной и Западной Европы, что значительно расширило историко-культурное значение его работы. Высказанные в ней наблюдения и выводы, в том числе методологического характера, чрезвычайно важны и полезны в деле дальнейшего изучения торевтики древности в пределах всего Евразийского пространства.

Научные результаты археологических и исторических исследований Согдийской культуры Б.И. Маршака в Таджикистане заключаются в следующем.

На примере Согдийской культуры и цивилизации исследованы основные исторические процессы, проходившие в Северном Таджикистане в древности и раннем средневековье.

На материалах памятников изобразительного искусства подробно представлена идеология древнего населения Северного Таджикистана на примере верований, культовых ритуалов и традиций.

На основе анализа основополагающих направлений развития и сложения искусства и архитектуры древнего Пенджикента в Северном Таджикистане показан вклад таджикского народа и его предков в становлении и развитие искусства и архитектуры Востока раннесредневекового периода.

На основе детальнейшего изучения и сравнения этапов сложения керамического производства доказано превалирующее положение лепной керамики в горной части Согда и станковой керамики в равнинной части. доказано прохождение в параллельной динамике мастерства торевтов и гончаров.

Таким образом, Б.И. Маршак внес огромный и неоценимый вклад в изучение и разработку основных проблем древней и раннесредневековой истории, материальной и духовной культуры, религии древнего Таджикистана.

Ученые, изучающие археологию, историю и культуру раннесредневекового Согда, опираются в первую очередь на работы Б.И. Маршака. Он сыграл неоценимую роль не только в изучении истории и культуры Северного Таджикистана, но и сознательно и активно участвовал в популяризации богатейшего исторического и культурного наследия таджикского народа, как в странах СНГ, так и за рубежом. Он выступал как активный популяризатор исторического и культурного наследия народа Таджикистана.

Во время работы в Таджикистане и, в частности, в Пенджикенте, Б.И. Маршак взял на себя множество обязанностей, в том числе руководителя раскопок, руководителя экспедиции, представителя Государственного Эрмитажа и т. д., но его педагогическая и просветительская деятельность занимала самое важное место среди этих обязанностей. Основными направлениями его научно-педагогической деятельности на протяжении нескольких лет являлось преподавание в высших учебных заведениях России, руководство археологической практикой студентов в Пенджикенте, разработка учебных планов, каталогов и путеводителей по истории и искусству Древнего Востока и Таджикистана в частности, а также научное руководство соискателями для защиты диссертаций. Проведенный анализ этих направлений деятельности Б.И. Маршака показывает, что в этой области его вклад неocenim. На данный момент всё написанное профессором Б.И. Маршаком не утратило своего значения, его используют в процессе обучения в средних школах и вузах республики. Его методическим указаниям следуют на практике.

Для таджикских историков Борис Ильич всегда был хорошим и авторитетным учителем, наставником и коллегой. Он активно участвовал практически во всех коллективных проектах и всех научных форумах, проводимых в Таджикистане. Его вклад в развитие истории не только Таджикистана, но и всего Центральноазиатского региона неocenim, и сохраняет своё огромное значение в условиях современности.

На наш взгляд, изучая опыт его научного наследия, можно более обнадеживающе описать горизонты научного развития в нашей республике. На прочном фундаменте, заложенном основателями археологической науки, и поскольку Б.И. Маршак является таковым, необходимо развивать те важные научные направления, над которыми он работал. Несмотря на то, что эта область интенсивно развивается, все еще существует ряд проблем, которые ждут дальнейшей разработки от отечественных ученых.

Вклад Б.И. Маршака, как ученого, в историческую науку огромен. Это подтверждается гибкостью и разнообразием его научных интересов и

занятий, большинство из которых находились в области изучения археологических первоисточников. За полвека работы и научной деятельности Б.И. Маршак руководил сбором энциклопедических знаний в различных областях таджикской науки и археологии, включая разработку научных направлений (археология, архитектура и ремёсла, историческая география, история искусств, этнокультурные процессы и др.), что позволило ему создать собственную научную школу, изучающую прошлое таджиков и других народов Центральной Азии.

Жизнь и творчество Б.И. Маршака весьма поучительны для нынешнего и будущих поколений таджикских ученых, общественных деятелей и молодежи. Выдающийся археолог оставил работы, которые являются эталоном для молодого поколения благодаря своему мастерству критического анализа источников.

Для молодого поколения нашей республики насыщенная жизнь профессора Б.И. Маршака – живой пример бескорыстного служения науке и таджикскому народу. Сегодня невозможно представить историческую и археологическую науку Таджикистана без работ Б.И. Маршака. С его именем связаны многие научные открытия во всем мире. Задавшись целью осветить историю и культуру народа Таджикистана, основываясь на изучении и критическом подходе во многих и разнообразнейших источниках, он смог очень объективно проанализировать исторические события, выявить особенности процессов, происходящих в общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни страны в разные исторические эпохи.

В целях дальнейшего изучения, исследования и использования творческого наследия профессора Б.И. Маршака необходимо:

1. Институту истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Национальной Академии наук Республики Таджикистан продолжить работу по исследованию городища Древний Пенджикент и других археологических и культурных памятников Таджикистана.

2. Использовать научное наследие Б.И. Маршака по проблемам истории, археологии, истории культуры и искусства Таджикистана при чтении спецкурсов и проведении спецсеминаров на исторических факультетах вузов страны.

3. В Институте истории, археологии и этнографии имени А. Дониша НАН РТ регулярно организовывать научно-практические конференции, круглые столы по актуальным проблемам археологии и истории таджикского народа с участием профессорско-преподавательского состава и студентов исторических факультетов вузов страны.

4. Министерству культуры Республики Таджикистан и Хукумату Согдийской области принять необходимые меры по восстановлению и охране исторических памятников Зарафшанской части Северного Таджикистана.

5. Министерству культуры Республики Таджикистан следует рассмотреть вопрос о возможностях включения археологических и культурных памятников Зарафшанской части в список охраняемого культурного материального и нематериального наследия и Серийную трансграничную номинацию "Великий шелковый путь: Зарафшан – Каракумский коридор" ЮНЕСКО.

6. Отделу археологии необходимо активизировать работу молодых специалистов с архивом.

7. Создать цифровой каталог материалов, находящихся на хранении в архивах и фондах отдела охраны памятников Министерства культуры, Государственного управления охраны памятников и отдела археологии Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники и личные сообщения

1. Фирдоуси, А. Шахнаме. Т. V (От начала царствования Искендера до начала царствования Йездигерда, сына Бехрама Гура) [Текст] / А Фирдоуси; пер. Ц.Б. Бану-Лахути и В.Г. Берзнева. – М.: Наука, 1984. – 392 с.
2. Личное сообщение в интервью с С. Марофиевым в передаче «Зов веков», телевидение Ленинабада (Худжанда) в 1984 г.
3. Личное сообщение Г.Р. Каримовой.
4. Личное сообщение П.Б. Лурье.
5. Личное сообщение И.М. Рахматуллаева.
6. Личное сообщение Ш.Ф. Курбанова.
7. Личное сообщение П.Б. Лурье.
8. Общий и сводный планы раскопок 1988-1992 гг. Разрезы 1986-1992 гг. Архив отдела археологии – папка П. 1992 - Ar_TJ_ARCH2-000319.
9. Отчёт о наложении точек фиксации находок на план-схему сети колов раскопок на объектах древнего Пенджикента (Архив отдела археологии папка П 1990 Ar_TJ_ARCH2-000289. С приложением: Альбом технических чертежей. Объект XXIX).
10. Отчет о научно-исследовательской и научно-организационной деятельности Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР за 1976 г.
11. Отчет о научно-исследовательской и научно-организационной деятельности Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР за 1978 г.
12. Отчет о научно-исследовательской и научно-организационной деятельности Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР за 1979 г.
13. Отчет о научно-исследовательской и научно-организационной деятельности Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР за 1980 г.
14. Отчет о научно-исследовательской работе отдела археологии и нумизматики Института истории, археологии и этнографии им А. Дониша АН ТаджССР за 2000 г.

15. Отчет о научно-исследовательской работе Отделения общественных наук АН ТаджССР за 1967 г., ф. 1, оп. 4, д. 271.
16. Отчёт о раскопках Объекта XXV. В приложении.
17. Отчёт о раскопках Объекта XXVIc. В приложении: Объект XXVIc – фото раскопок помещений 1, 2, 3, стены со следами росписей, пандус и световые окна второго этажа. Чертежи сети колов и точек фиксации находок. Архив отдела археологии, папка – Ar_TJ_ARCH2-000354; П – 1994 – Ar_TJ_ARCH2-000355.
18. Отчёт Пенджикентской археологической базы Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР за 11 месяцев 1973 года (Архив Отдела археологии, папка П – 1973 – Ar_TJ_ARCH2-000036)
19. Отчёт Пенджикентской археологической базы Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР за 11 месяцев 1973 года (Архив Отдела археологии папка П – 1973 - Ar_TJ_ARCH2-000036).
20. Отчет учреждений Отделения общественных наук АН Тадж ССР о научно-исследовательской деятельности в 1969 г., ф.1, оп. 4, ед. хр. 273.
21. Пенджикент – план сетка колов 1981-1990, 1994-1995. (Архив отдела археологии Папка – Ar_TJ_ARCH2-000105 Пенджикент – план сетка колов 1981-1990, 1994-1995.
22. Сведения и отчеты о работе научно-исследовательских учреждений Отделения общественных наук АН ТаджССР за 1949-1952 гг., фонд № 1, опись № 4, связка № I, ед. хр. № 135.
23. Сводный план объектов XXIII-XXV. Сеть колов сводного плана объектов XXIII-XXV для 1997 г. (архив отдела археологии, папка П – 1997 – Ar_TJ_ARCH2-000623) и для 2006 г. (папка П – 2005-2006 – Объект XXVI – Ar_TJ_ARCH2-000658) и др.

II. КНИГИ, БРОШЮРЫ И СТАТЬИ

24. Абдуллоев, Д. Двор в структуре городского жилища Средней Азии периода античности, раннего и развитого средневековья [Текст] / Д. Абдуллоев // Мерв в древней и средневековой истории Востока. – Ашхабад, 1991.– Вып. 2. – С. 42-43.

25. Абдуллоев, Д. К структуре тронных залов дворцов правителей Мавераннахра [Текст] / Д. Абдуллоев // КСИА. – 1990. – № 199. – С. 28-30.
26. Абдуллоев, Д. Согдийское наследие в культуре халифата [Текст] / Д. Абдуллоев // КСИА. – 1992. – № 209. – С. 41-44..
27. Абдуллоев, Д. Среднеазиатская археология в РАИМК-ГАИМК – ИИМК [Текст] / Д. Абдуллоев // Традиции российской археологии.- СПб., 1996.- С. 40-43.
28. Археологические материалы к истории Согда VI-VIII вв. [Текст]: тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1961 г. – Л., 1962. – С. 14-15..
29. Баипаков, К.М. Некоторые вопросы изучения раннесредневековых городов Семиречья и Южного Казахстана [Текст] / К.М. Баипаков. – Л., 1979. – Вып 4. – С. 7-9.
30. Балашова, Г.Н. Работа над кодами для описания массового археологического материала в отделении Средней Азии Отдела Востока Гос. Эрмитажа [Текст] / Г.Н. Балашова, Ф.А. Кондратьева, Б.И. Маршак // Проблемы археологии Средней Азии. – Л., 1968. – С. 73-75.
31. Бауло, А.В. Серебряные блюда с реки Войкар [Текст] / А.В. Бауло, Б.И. Маршак, Н.В. Федорова // АЭАЕ. – 2004. – № 2. – С. 107-114.
32. Бауло, А.В., Маршак, Б.И. Серебряный ритон из хантыйского святилища [Текст] / А.В. Бауло, Б.И. Маршак // АЭАЕ. – 2001. – № 3. – С. 113-141.
33. Бауло, А.В., Маршак, Б.И., Федорова, Н.В. Серебряные блюда с реки Войкар [Текст] / А.В. Бауло, Б.И. Маршак, В.А. Федорова // АЭАЕ. – 2004. – № 2. – С. 107-114.
34. Беленицкий, А.М. Согдийский город в начале средних веков (итоги и методы исследования древнего Пенджикента) [Текст] / А.М. Беленицкий, Б.И. Маршак, В.И. Распопова // СА. – № 2. – 1981. – С. 94-110.
35. Беленицкий, А.М. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам Пенджикентских храмов [Текст] / А.М. Беленицкий // Живопись древнего Пенджикента. – М., 1954. – С.25-82.

36. Беленицкий, А.М. Новые памятники искусства древнего Пенджикента. Опыт иконографического истолкования [Текст] / А.М. Беленицкий // Скульптура и живопись древнего Пенджикента. – М., 1959. – С.11-86.
37. Беленицкий, А.М. Раскопки древнего Пенджикента в 1977 году [Текст] / А.М. Беленицкий, Б.И. Маршак, В.И. Распопова, А.И. Исаков // АРТ. – Душанбе, 1983. – Вып. XVII (1977 г.) – С. 186-220.
38. Беленицкий, А.М. Среднеазиатское искусство предарабского времени и его связь с кушанским [Текст] / А.М. Беленицкий // Центральная Азия в кушанскую эпоху. – М., 1975. – Т. 2. – С. 392-395.
39. Беленицкий, А.М. Раскопки древнего Пенджикента в 1974 г. [Текст] / А.М. Беленицкий, Б.И. Маршак В.И. Распопова //АРТ.- Вып. 14 (1974 г.), 1979,- С. 258-265
40. Беленицкий, А.М. Средневековый город Средней Азии [Текст] / А.М. Беленицкий, И.Б. Бентович, О.Г. Большаков. – Ленинград: Наука, 1973. – 390 с.
41. Беленицкий, А.М. Маршак, Б.И., Распопова, В.И. К характеристике товарно-денежных отношений в раннесредневековом Согде [Текст] / А.М. Беленицкий, Б.И. Маршак, В.И. Распопова // Ближний и Средний Восток: Товарно-денежные отношения при феодализме. – М., 1980. – С. 15-26.
42. Беленицкий, А.М. Пенджикент [Текст] / А.М. Беленицкий, Б.И. Маршак, В.И. Распопова // Наука и жизнь – М., 1971. – № 8. – С. 120-125.
43. Беленицкий, А.М. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1975 году [Текст] / А. М. Беленицкий, Б.И. Маршак, В.И. Распопова // АРТ. – 1980 – Вып; 15: (1975 г.). – С. 213-245.
44. Беленицкий, А.М. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1977 году [Текст] / Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И., Исаков А.И // АРТ. – 1983. –Вып. 17: (1977 г.). – С. 187-209.

45. Беленицкий, А.М. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1978 году [Текст] / А.М. Беленицкий, Б.И. Маршак, В.И. Распопова // АРТ. – 1984. – Вып; 18: (1978 г.). – С. 223-263.
46. Беленицкий, А.М. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1979 году [Текст] / А. М. Беленицкий, Б.И. Маршак, В.И. Распопова // АРТ. – 1986. – Вып, 19: (1979 г.). – С. 293-333.
47. Беленицкий, А.М. Согдийский город в начале средних веков (итоги и методы исследования древнего Пенджикента) [Текст] / А.М. Беленицкий, Б.И. Маршак, В.И. Распопова // СА. – 1981. – № 2. – С. 94-110
48. Беленицкий, А.М. Социальная структура населения древнего Пенджикента [Текст] / А.М. Беленицкий, Б.И. Маршак, В.И. Распопова // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. – М., 1979. – С. 19-26.
49. Беленицкий, А.М., Маршак Б.И. Древнейшее изображение осадной машины в Средней Азии [Текст] / А.М. Беленицкий, Б.И. Маршак // Культура Востока: Древность и средневековье. – Л.: Аврора, 1978. – С. 215-221.
50. Беленицкий, А.М., Маршак, Б.И. Настенные росписи, открытые в Пенджикенте в 1971 году [Текст] / А.М. Беленицкий, Б.И. Маршак // СГЭ. – Л., 1973– Вып. XXXVII. – С. 54-58.
51. Беленицкий, А.М., Маршак, Б.И. Росписи древнего Пенджикента [Текст] / А. М. Беленицкий, Б.И. Маршак // Декоративное искусство. - М., 1976 – № 9. – С. 38-39.
52. Беленицкий, А.М., Маршак, Б.И., Распопова, В.И. Монументальная сырцовая архитектура городищ Средней Азии и проблема ее музеефикации [Текст] / А.М. Беленицкий, Б.И. Маршак, В.И. Распопова // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. – М., 1987. Спец. вып.– С. 95-96.
53. Беленицкий, А.М. Раскопки на городище древнего Пенджикента в 1973 г. [Текст] / А.М. Беленицкий, Б.И. Маршак, В.И. Распопова, А.И. Исаков // АРТ. – Душанбе, 1973. – Вып. XIII. – С. 155-188.

54. Беленицкий, А.М. Пенджикентские храмы и развитие согдийского культового искусства в V-VII вв. [Текст] / А.М. Беленицкий, Л.Л. Гуревич, Б.И. Маршак // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. – Ташкент, ГОД? – С. 157-160.

55. Беленицкий, А.М. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1986 году [Текст] / А.М. Беленицкий, Б.И. Маршак, В.И. Распопова // АРТ. – 2005. – Вып. 26. – С. 224-270.

56. Беленицкий, А.М., Маршак, Б.И. Вопросы хронологии живописи раннесредневекового Согда [Текст] / А.М. Беленицкий, Б.И. Маршак // УСА. – Л., 1979, – Вып.4. – С. 32-37.

57. Беленицкий, А.М., Маршак, Б.И. Стенные росписи, обнаруженные в 1970 году на городище древнего Пенджикента [Текст] / А.М. Беленицкий, Б.И. Маршак // Сообщения Гос. Эрмитажа. – Вып. XXXVI. – Л., 1973. – С. 58-64.

58. Беленицкий, А.М., Маршак, Б.И. Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. в искусстве Пенджикента [Текст] / А.М. Беленицкий, Б.И. Маршак // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). – М., 1976. – С. 75-89.

59. Беленицкий, А.М. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1976 году [Текст] / А.М. Беленицкий, Б.И. Маршак, В.И. Распопова, А.И. Исаков // АРТ. – 1982. – Вып. 16: (1976 г.). – С. 196-220.

60. Бентович, И.Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII-VIII вв.) [Текст] / И. Б. Бентович // Материалы и исследования по археологии СССР. № 124: Труды Таджикской археологической экспедиции ИА АН СССР, ИИ им. А. Дониша АН Таджикской ССР и Государственного Эрмитажа. Т. IV: 1954-1959 гг. – М.- Л., 1964. – С. 265-298.

61. Бентович, И.Б. Керамика Пенджикента [Текст] / И.Б. Бентович // Материалы и исследования по археологии СССР. № 37: Труды Таджикской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, ИИАЭ АН Таджикской ССР и Гос. Эрмитажа. Т. II: 1948–1950 гг. – М.- Л., 1953. – С. 133–145.

62. Бичурин, Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена [Текст] / Н.Я. Бичурин. – М.-Л., 1950. – Т. 2. – 334 с.
63. Большаков, О.Г. Отчет о раскопках северо-восточной части объекта III (комплексы I и II, раскопки 1952-1956 гг.) [Текст] / О. Г. Большаков // МИА, – М.-Л., 1964. – № 124. – С. 88-120.
64. Воронина, В.Л.. Архитектура Средней Азии VI-VIII вв. [Текст] / В.Л. Воронина // Архитектура стран Средиземноморья, Африки и Азии. VI-XIX вв. / под ред. Ю.С. Яралова (отв. ред.), Б.В. Веймарна, В.А. Лаврова, А.М. Прибытковой, М.А. Усейнова, О.Х. Халпахчьяна. – 1969. – Т. 8. – С. 183-197.
65. Гарден, Ж.К. Теоретическая археология [Текст] / Ж.К. Гарден. – М.: Прогресс, 1983. – 296 с.
66. Горячева, В.Д. Город золотого верблюда [Текст] / В.Д. Горячева. – Фрунзе, 1988. – 118 с.
67. Гренэ, Ф. Борис Ильич Маршак и восточная торевтика [Текст] / Ф. Гренэ // Маршак Б.И. История восточной торевтики III-XIII вв. и проблемы культурной преемственности / под ред. В.П. Никонорова. – СПб.: Академия исследования культуры, 2017. – С. 20 – С.
68. Гренэ, Франц, Рапен, Клод. Формационные этапы согдийской культуры [Текст] / Франц Гренэ, Клод Рапен // Согдийцы, их предшественники, современники и наследники: на основе материалов конференции «Согдийцы дома и на чужбине», посвященной памяти Бориса Ильича Маршака (1933–2006). – СПб. Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. – С. 13-26.
69. Дандамаев, М.А., Луконин, В.Г. Культура и экономика древнего Ирана [Текст] / М.А. Дандамаев, В.Г. Луконин. – М., 1980. – 416 с.
70. Древности Таджикистана [Текст]: каталог выставки. – Душанбе, 1985. – 343 с.
71. Дьяконов, М.М. Очерк истории древнего Ирана [Текст] / М.М. Дьяконов. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1961. – 452 с.

72. Дьяконов, М.М. Росписи Пенджикента и живопись Средней Азии [Текст] / М.М. Дьяконов // Живопись древнего Пенджикента. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 83-158.
73. Зеймаль, Е.В. Древние монеты Таджикистана [Текст] / Е.В. Зеймаль. – Душанбе, 1983. – 310 с.
74. Зеймаль, Е.В. Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным [Текст] / Е.В. Зеймаль // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. – Л., 1978. – С. 192-214.
75. Икромов, Н., Рахимов, Н. Сахми шаркшиносони рус дар омузиши таърих ва маданияти аҳолии шимоли Тоҷикистон (1867-1917). [Матн] / Н. Икромов, Н. Рахимов. – Хучанд, 2015. – 124 с.
76. Исамиддинов, М. Истоки городской культуры самаркандского Согда (Проблемы взаимодействия культурных традиций в эпоху раннежелезного века и в период античности) [Текст] / М. Исамиддинов. – Ташкент, 2002. – 256 с.
77. Исамиддинов, М., Хасанов, М. Памяти нашего учителя [Текст] / М. Исамиддинов, М. Хасанов // Вестник Международного института центральноазиатских исследований. – Самарканд, 2007. – Вып. 5. – С. 66-68.
78. Каменецкий, И.С. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода) [Текст] / И.С. Каменецкий, Б.И. Маршак, Я.А Шер. – М.: Наука, 1975. – 178 с.
79. Каримова, Г.Р. Археологи Таджикистана [Текст] / Г.Р. Каримова. – Самарканд: МИЦАИ, 2021. – 342 с.
80. Каримова, Г.Р. Борис Ильич Маршак [Текст] / Г.Р. Каримова // АРТ. – Вып. XXXI. – Душанбе, 2007. – С. 248-257.
81. Каримова, Г.Р. Сороковой юбилейный выпуск сборника «Археологические работы в Таджикистане» – сложение и значение [Текст] / Г.Р. Каримова // АРТ. – Душанбе: ООО «Хирадмандон», 2019. – Вып. 40. – С. 11-20

82. Каримова, Г.Р. Уникальная находка из Пенджикента (к вопросу о символах и культах) [Текст] / Г.Р. Каримова // Наследие предков.– Душанбе, 2007. – № 10. – С. 103-128.
83. Каримова, Г.Р. Эволюция духовных координат культовой архитектуры Таджикистана (из древности к исламу) [Текст] / Г.Р. Каримова // Муаррих. – 2021. – № 1 (25). - С. 121-129.
84. Колчин, Б.А., Маршак, Б.И., Шер, Я.А. Археология и математика (вместо предисловия) [Текст] / Б.А. Колчин, Б.И. Маршак, Я.А. Шер // Статистико-комбинаторные методы в археологии. – М.: Наука, 1970. - 220 с.
85. Косолапов, А.И., Маршак, Б.И. Стенная живопись Средней и Центральной Азии. (Историко-художественное и лабораторное исследование) [Текст] / А.И. Косолапов, Б.И. Маршак. – СПб.: Формика, 1999. – 79 с. – (На рус. и англ. яз.).
86. Костров, П.И. Техника живописи и консервации росписей древнего Пенджикента [Текст] / П.И. Костров // Живопись древнего Пенджикента. – М., 1954. – С. 159-197.
87. Курбанов, Ш.Ф. Локальное и региональное в керамике Санджар-шаха [Текст] / Ш.Ф. Курбанов // Материалы Международной научной конференции, посвященной Дню молодежи: «Проблемы образования современной молодёжи». – Пенджикент, 2015. – С. 56-59.
88. Курбанов, Ш.Ф., Лурье, П.Б. Резная деревянная панель с буддийской сценой поклонения из Пенджикента [Текст] / Ш.Ф. Курбанов, П.Б. Лурье // История и археология Турана. – 2017. – № 3. – 426 с.
89. Кызласов, И.Л. Енисейская руническая надпись с иранским заимствованием [Текст] / И.Л. Кызласов // Согдийцы, их предшественники, современники и наследники: на основе материалов конференции «Согдийцы дома и на чужбине», посвященной памяти Бориса Ильича Маршака (1933–2006) . – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. – С. 266-293.
90. Левин, В.И. Л.А. Растригин – ученый, педагог, организатор науки [Текст] / В.И. Левин // Семь искусств. – 2019. – № 10 (114). – С. 100-106.

91. Левин, В.И. Профессор Л.А. Растрингин – ученый и популяризатор науки. К 85-летию со дня рождения [Текст] / В.И. Левин // Педагогика и просвещение. – 2014. – № 2. – С. 37-49.
92. Лившиц, В.А. Созданный Огнем и Благой Мыслью в согдийской надписи из Пенджикента [Текст] / В.А. Лившиц // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции, – СПб., 1999.– Вып. I. – 51 стр. текста +70 ил.
93. Луконин, В.Г. Иран в эпоху первых Сасанидов [Текст] / В.Г. Луконин // Очерки по истории культуры. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961. – 116 с.
94. Луконин, В.Г. Кушано-сасанидские монеты [Текст] / В.Г. Луконин //ЭВ. – М.-Л.,1967– Вып. 18. – С. 14-33.
95. Лурье, П.Б. К юбилею Валентины Ивановны Распоповой [Текст] / П.Б. Лурье // Археологические вести. – 2021. – № 32. – С. 10-18.
96. Лурье, П.Б. Из истории Пенджикентской археологической экспедиции [Текст] / П.Б. Лурье // Экспедиции. Археология в Эрмитаже / Государственный Эрмитаж. – СПб.: АО «Славия», 2014 . – С. 252-265.
97. Маршак, Б.И. Отчет о работах па объекте XII за 1955-1960 гг. [Текст] / Б.И. Маршак // МИА. – 1964. – № 124. – С. 182-244.
98. Маршак, Б.И., Распопова, В.И Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 2003 году [Текст] / Б.И. Маршак, В.И. Распопова // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. Вып. 5. – СПб., 2004. – 196 с.
99. Маршак, Б.И, Распопова, В.И. Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 2003 году [Текст] / Б.И. Маршак, В.И. Распопова // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. – СПб., 2004. – Вып. 6. – С. 3-5.
100. Маршак, Б.И. Воины в искусстве Согда и Центральной Азии [Текст] / Б.И. Маршак// Северная Евразия от древности до средневековья (тезисы докладов конференции к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – СПб., 1992.– С. 208-211.

101. Маршак, Б.И. Живопись средневекового Востока [Текст] / Б.И. Маршак // Каталог выставки [Государственный Эрмитаж]. – Л., 1967. – С. 9-11.
102. Маршак, Б.И. Изобразительное искусство [Текст] / Б.И. Маршак // История таджикского народа. Т. II: Эпоха формирования таджикского народа. – Душанбе, 1999. – 790 с. – С.
103. Маршак, Б.И. К вопросу о восточных противниках Ирана в V в. [Текст] / Б.И. Маршак // Страны и народы Востока. – М., 1971. – Вып. 10. – С. 58-66.
104. Маршак, Б.И. К методике атрибуции среднеазиатской торевтики [Текст] / Б.И. Маршак // СА. – М., 1976. – № 4. – С. 208-213.
105. Маршак, Б.И. Материалы по среднеазиатской торевтике [Текст] / Б.И. Маршак // СА. – М., 1976– № 1. – С. 227-240.
106. Маршак, Б.И. Материальная культура V–VIII веков [Текст] / Б.И. Маршак // ИТН. – Душанбе, 1999. – С. 211-239.
107. Маршак, Б.И. Образ мира в позднеасанидской торевтике [Текст] / Б.И. Маршак // Культура Востока: проблемы и памятники: тезисы докладов. – СПб., 1992. – С. 87-93.
108. Маршак, Б.И. Пещера Гори-Гург близ Пенджикента [Текст] / Б.И. Маршак // Тр. ИИАН ТаджССР. – 1960. – Т.103. – С.171-173.
109. Маршак, Б.И. Серебряное блюдо со сценой полета Александра Македонского [Текст] / Б.И. Маршак // Византино – Россия. – СПб., 2003. – Т. 2. – С. 1-41.
110. Маршак, Б.И., Лурье, П.Б. Согдийские надписи [Текст] / Б.И. Маршак, П.Б. Лурье // МПАЭ. – 2002. – Вып. 4. – С. 84-86.
111. Маршак, Б.И. Амфора из нижнего слоя Пенджикента [Текст] / Б.И. Маршак // ТИИАН ТаджССР. – 1961. – Т. 29. – С. 168-172.
112. Маршак, Б.И. Боги, демоны и герои пенджикентской живописи [Текст] / Б.И. Маршак // Итоги археологических экспедиций Гос. Эрмитажа. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1989. – С. 115-127.

113. Маршак, Б.И. Византия и Восток по памятникам торевтики [Текст] / Б.И. Маршак // Культура и искусство Византии. – Л., 1975. – С. 27-30.
114. Маршак, Б.И. Вильгортская и черниговская серебряные чаши [Текст] / Б.И. Маршак // Тезисы докладов 3-й Республиканской научной конференции по проблемам культуры и искусства Армении. – Ереван, 1977. – С. 52-54, 139-140.
115. Маршак, Б.И. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII-VIII веков [Текст] / Б.И. Маршак // Труды Гос. Эрмитажа. Т. V. – Л., 1961. – С. 177-201.
116. Маршак, Б.И. Городская стена V-VI вв. в Пенджикенте [Текст] / Б.И. Маршак // Новые открытия советских археологов. – Киев, 1985. – Ч. 2. – С. 115-118,
117. Маршак, Б.И. Искусство раннесредневекового Согда как явление городской цивилизации [Текст] / Б.И. Маршак // Городская среда и культура Бактрии – Тохаристана и Согда (IV в. до н. э. – VIII в. н. э.): тезисы докладов. – Ташкент, 1986– С. 61-63.
118. Маршак, Б.И. Искусство Согда [Текст] / Б.И. Маршак // Государственный Эрмитаж. – СПб.: Изд-во Гос.Эрмитажа, 2009.– 64 с.
119. Маршак, Б.И. Искусство Согда [Текст] / Б.И. Маршак // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства. – М., 1987. – С. 234-235.
120. Маршак, Б.И. Историко-культурное значение согдийского календаря [Текст] / Б.И. Маршак // Мировая культура. Традиции и современность. – М.: Наука, 1991. – С. 183-197.
121. Маршак, Б.И. История восточной торевтики III-XIII вв. и проблемы культурной преемственности [Текст] / Б.И. Маршак. – СПб.: Академия исследования культуры, 2017. – 736 с.
122. Маршак, Б.И. К разборке критериев сходства и различия керамических комплексов [Текст] / Б.И. Маршак // Археология и естественные науки / МИА. – 1965. – № 129. – С. 308-318.

123. Маршак, Б.И. Керамика Согда V-VII веков как историко-культурный памятник (к методике изучения керамических комплексов) [Текст] / Б.И. Маршак. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. – 384 с.: ил.

124. Маршак, Б.И. Керамика и даты слоев (на примерах из археологии Средней Азии) [Текст] / Б.И. Маршак // Проблемы археологии Средней Азии. – Л., ГОД? – С. 55-56.

125. Маршак, Б.И. Керамика нижнего слоя Пенджикента. (Предварительные сообщения по материалам раскопок 1955 г.) [Текст] / Б.И. Маршак // Изв. АН ТаджССР. Отд. обществ. наук. – 1959. – Вып. 14. – С. 91-99.

126. Маршак, Б.И. Код для описания керамики Пенджикента V-VI вв. [Текст] / Б.И. Маршак // Статистико-комбинаторные методы в археологии. – М., 1970. – С. 25-52.

127. Маршак, Б.И. Краткий отчет о работах на городище древнего Пенджикента в 1996-1999 годах [Текст] / Б.И. Маршак, В.И. Распопова, В.Г. Шкода // АРТ. – 2000. – Вып. 27. – С. 189-208.

128. Маршак, Б.И. Культурные связи Востока и Европы в торевтике XI-XIII вв. Серебро с чернью [Текст] / Б.И. Маршак. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2014. – 176 с.

129. Маршак, Б.И. Неувядаемая слава древнего Пенджикента [Текст] / Б.И. Маршак // Наследие предков. – Душанбе, 1998. – № 3. – С. 89-91

130. Маршак, Б.И. О принципах составления каталога стеклянной посуды Средней Азии VIII-XIII вв. [Текст] / Б.И. Маршак, Г.Н. Балашова, Ф.А. Кондратьева // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1965 г. – Л.- М., 1966. – С. 34-36.

131. Маршак, Б.И. О создании Пенджикентского археологического заповедника. (Пути и методы организации заповедника-музея сырцовый архитектуры) [Текст] / Б.И. Маршак // Проблемы охраны памятников археологии в населенных местах. – Ереван, 1980. – С. 99-101.

132. Маршак, Б.И. Отчет о работах на объекте 12 за 1955/1966 гг. [Текст] / Б.И. Маршак; отв. ред. А.М. Беленицкий // МИА СССР. – М.-Л.: Наука, 1964. – Т. 4. – № 124. – С. 182-243.
133. Маршак, Б.И. Отчет о работах на объекте XII [Текст] / Б.И. Маршак // МИА. – № 124. – 1964. – С. 182-243.
134. Маршак, Б.И. Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 1998 году [Текст] / Б.И. Маршак, В.И. Распопова, В.Г. Шкода // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. – СПб., 1999. – Вып. 1. – С. 3-45.
135. Маршак, Б.И. Подъемная машина в храме древнего Пенджикента [Текст] / Б.И. Маршак // Прошлое Средней Азии. – Душанбе.: Дониш, 1987. – С. 95-103.
136. Маршак, Б.И. Раннеисламские бронзовые блюда (сиро-египетская и иранская традиции в искусстве халифата) [Текст] / Б.И. Маршак // ТГЭ. – 1978. – Т. XIX. – С. 26-52.
137. Маршак, Б.И. Серебро за меха [Текст] / Б.И. Маршак // Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов. – СПб., 2006. – С. 72-82.
138. Маршак, Б.И. Серебро Тибета VII-IX вв./ Б.И. Маршак // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского: тезисы докладов.– СПб., 1996. – С. 50-51.
139. Маршак, Б.И. Серебряные сосуды X-XI вв., их значение для периодизации искусства Ирана и Средней Азии [Текст] / Б.И. Маршак // Тезисы докладов 2-й Всесоюзной конференции по искусству и археологии Ирана на тему: «Проблемы периодизации искусства Ирана и его взаимосвязь с искусством других народов в средние века». – М., 1973. – С. 20-22.
140. Маршак, Б.И. Серебряные сосуды X-XI вв., их значение для периодизации искусства Ирана и Средней Азии [Текст] / Б.И. Маршак // Искусство и археология Ирана: Доклады 2-й Всесоюзной конференции. – М., 1976. – С. 148-173.

141. Маршак, Б.И. Сказки и притчи древнего Пенджикента [Текст] / Б.И. Маршак // Наука и жизнь. – М., 1977. – № 11. – С. 108.
142. Маршак, Б.И. Согд V-VIII вв. Идеология по памятникам искусства [Текст] / Б.И. Маршак // Археология СССР. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. Т. 17. – М.: Наука, 1999. – С. 175-191.
143. Маршак, Б.И. Согдийские терракоты [Текст] / Б.И. Маршак // Тезисы докладов на секциях конференции, посвященной итогам полевых исследований 1971 г. Археологические секции. – М., 1971. – С. 276-277.
144. Маршак, Б.И. Согдийский город (К вопросу о городах-государствах Востока) [Текст] / Б.И. Маршак // Древние культуры Евразии и античная цивилизация. Краткие тезисы докладов научной конференции. 10-13 мая 1983 г. – Л.: Гос. Эрмитаж, 1983. – С. 11-14.
145. Маршак, Б.И. Согдийское серебро. Очерки по истории восточной торевтики [Текст] / Б.И. Маршак. – М.: Изд-во «Наука», 1971. – 191 с.: ил.
146. Маршак, Б.И. Хорасанско-мавераннахрский культурный синтез в эпоху Саманидов и его исторические корни [Текст] / Б.И. Маршак // 1100-летие образования государства Саманидов: материалы Международной конференции. – СПб., 1999. – С. 32-42.
147. Маршак, Б.И., Балашова, Г.Н., Кондратьева, Ф.А. Работа над кодами для описания массового археологического материала в Отделении Средней Азии Отдела Востока Гос. Эрмитажа [Текст] / Б.И. Маршак, Г.Н. Балашова, Ф.А. Кондратьева // Проблемы археологии Средней Азии. – Л., 1968. – С. 73-75.
148. Маршак, Б.И., Даркевич, В.П. О так называемом сирийском блюде из Пермской области [Текст] / Б.И. Маршак, В.П. Даркевич // СА. – 1974. – № 2. – С. 213-222.
149. Маршак, Б.И., Залеская, В.Н., Львова, З.А., Теляшев, Р.Х. Сокровища хана Кубрата/ [Текст]: каталог выставки. – СПб.: Изд-во «Славия», 1997. – 136 с.

150. Маршак, Б.И., Крикис, Я.К. Чилекские вазы [Текст] / Б.И. Маршак, Я.К. Крикис // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1962 г. – Л., 1963. – С. 18-20.

151. Маршак, Б.И., Пайкова, А.В. Сирийская надпись из Пенджикента [Текст] / Б.И. Маршак, А. В. Пайкова // КСИА. – ГОД? – Вып. 147. – С. 34-38.

152. Маршак, Б.И., Распопова, В.И. Война глазами согдийских художников / Б.И. Маршак, В.И. Распопова [Текст] // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: материалы Международной конференции (2-5 сентября 1998 г.). – СПб., 1998. – С. 278-281

153. Маршак, Б.И., Распопова, В.И., Найшулер, А.Г. Реконструкция дворца правителей Бухары VII–VIII вв. и жилая архитектура Пенджикента [Текст] / Б.И. Маршак, В.И. Распопова, А.Г. Найшулер // Материалы I Международного симпозиума «Бухара и мировая культура». – Бухара, 1984– С. 109-112.

154. Маршак, Б.И., Распопова, В.И. Купольные конструкции в Пенджикенте начала VIII века (на примере помещения 57 объекта XXIII). [Текст] / Б.И. Маршак, В.И. Распопова. – СПб.: Изд-во «Политех-пресс», 2021. – 158 с.

155. Маршак, Б.И., Распопова, В.И. Дворец VI века у подножия цитадели древнего Пенджикента [Текст] / Б.И. Маршак, В.И. Распопова. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2012. – 80 с.

156. Маршак, Б.И., Распопова, В.И. Международные связи согдийской цивилизации [Текст] / Б.И. Маршак, В.И. Распопова // Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза. – СПб., 1994. – С. 95-97.

157. Маршак, Б.И., Распопова, В.И. Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 1999 году [Текст] / Б.И. Маршак, В.И. Распопова // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. – СПб., 2000. – Вып. 2. – С. 3-41.

158. Маршак, Б.И., Распопова, В.И. Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 2006 году [Текст] / Б.И. Маршак, В.И. Распопова // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. – СПб., 2006. – Вып. 8. – С. 3-58,
159. Маршак, Б.И., Распопова, В.И. Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 2004 году [Текст] / Б.И. Маршак, В.И. Распопова // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. – СПб., 2005. – Вып. 1. – С. 3-69.
160. Маршак, Б.И., Распопова, В.И. Связи искусства Средней Азии с искусством стран Дальнего Востока [Текст] / Б.И. Маршак, В.И. Распопова // Средняя Азия и мировая цивилизация: тезисы докладов. – Ташкент, 1992. – С. 84-86.
161. Маршак, Б.И., Распопова, В.И. Согдийское изображение Деда-Земледельца [Текст] / Б.И. Маршак, В.И. Распопова // Вопросы древней истории Южной Сибири. – Абакан, 1984. – С. 108-116.
162. Маршак, Б.И. Новые исследования согдийской культуры в Пенджикенте [Текст] / Б.И. Маршак, В.И. Распопова, В.Г. Шкода // Археологические вести. – СПб., 1993. – № 2. – С. 91-102.
163. Маршак, Б.И. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1992 году [Текст] / Б.И. Маршак, В.И. Распопова, В.Г. Шкода // АРТ. – 2004. – Вып. 29. – С. 302-333.
164. Массон, В.М. Раннесредневековая археология Средней Азии и Казахстана [Текст] / В.М. Массон // УСА. – М., 1979. – Вып. 4. – С. 3-6.
165. Негматов, Н.Н. О живописи дворца афшинов Уструшаны [Текст] / Н.Н. Негматов // УСА. – Л., 1973. – № 3. – С. 192-195.
166. Негматов Н.Н. Характер и уровень материальной культуры Уструшаны [Текст] / Н. Н. Негматов. // УСА. - Л., 1979, Вып.4.- С. 10-16.
167. Пугаченкова, Г.А., Ремпель, Л.И. Очерки искусства Средней Азии. Древность и средневековье [Текст] / Г.А. Пугаченкова, Л.И. Ремпель. – М.: Искусство, 1982. – 288 с.

168. Пулотов, А.Г. Соотношение лепной и круговой керамики в раннесредневековых памятниках верховьев Зеравшана [Текст] / А.Г. Пулотов // «Актуальная археология 3. Новые интерпретации археологических данных»: Тезисы Международной научной конференции молодых ученых, Санкт-Петербург, 25-28 апреля 2016 г.– СПб., 2016. – С. 295-299.

169. 50 [Пятьдесят] лет раскопок древнего Пенджикента [Текст]: тезисы докладов научной конференции (15-20 августа 1997 год) / отв. ред. Б.И. Маршак. – Пенджикент, 1997. – 77 с.

170. Ранов, В.А. Начальнику Пенджикентской экспедиции Б.И. Маршаку –семьдесят лет [Текст] / В.А. Ранов // АРТ. – 2004. – Вып. 29. – С. 25-27.

171. Рапен, К. Коктепа в период железного века до прихода Ахеменидов [Текст] / К. Рапен // Роль города Самарканда в истории мирового культурного развития: материалы Международного научного симпозиума, посвященного 2750-летнему юбилею города Самарканда. – Самарканд, 2007. – С. 29-38.

172. Рапен, К. От Коктепе до Киндикли-тепе: новый подход к истории возникновения ирригации в северной части Зеравшанской долины [Текст] / К. Рапен // Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии: материалы Международной конференции. Самарканд, 7-8 сентября 2009 г. – Самарканд; Ташкент, 2010. – С. 139-150.

173. Распопова, В.И. Дополнения к библиографии Б.И. Маршака [Текст] / В.И. Распопова, П.Б. Лурье, А.И. Торгоев // Согдийцы, их предшественники, современники и наследники: на основе материалов конференции «Согдийцы дома и на чужбине», посвященной памяти Бориса Ильича Маршака (1933-2006). – СПб., 2013. – С. 10-12.

174. Распопова, В.И. К вопросу о специфике города и сельских поселений раннесредневекового города [Текст] / В.И. Распопова // УСА. – Л., 1979. – Вып. 4. – С. 22-25.

175. Распопова, В.И. Жилища Пенджикента (опыт историко-

социальной интерпретации) [Текст] / В.И. Распопова. – Л.: Наука, 1990. – 208 с.+ вкладка.

176. Распопова, В.И. Металлические изделия из Пенджикента (находки 1971-1998 гг.) [Текст] / В.И. Распопова. – СПб.: Формика, 1999. – 60 с.+ 43 ил.

177. Рахматуллаев, И. Городище древнего Пенджикента – первый археологический музей-заповедник Таджикистана [Текст] / И. Рахматуллаев // 50 лет раскопок древнего Пенджикента: тезисы докладов научной конференции в г. Пенджикенте, 15-20 августа 1997 года. – Пенджикент, 1997. – С. 18-21.

178. Рахматуллоев, И. Вклад российской науки в историко-археологические исследования Таджикистана [Текст] / И. Рахматуллоев // Вклад российской науки в изучение уникального историко-культурного и природного богатства Таджикистана: сборник материалов Международной научной конференции, посвящённой 200-летию российского востоковедения (г. Худжанд, 23 ноября 2018 года). Серия: «Евразийский перекресток». – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2019. – Вып. 11. – С. 219-223.

179. Саввониди, Н.Ф. Виноградодавильни близ древнего Пенджикента [Текст] / Н.Ф. Саввониди // Информационный бюллетень МАИКЦА. – М., 1990. – Вып. 17. – С. 53-60.

180. Саввониди, Н.Ф. Керамика IX-X вв. древнего Пенджикента [Текст] / Н.Ф. Саввониди // Сборник статей молодых ученых ЛО ИА АН СССР. – СПб., 1991. – Вып. 3. – С. 77-86.

181. Семенов, Г.Л. Структура согдийского города раннего средневековья [Текст] / Г.Л. Семенов // ИМКУ. – 1998. – Вып. 29. – С. 96-108.

182. Семенов, Г.Л. Структура согдийского города раннего средневековья [Текст] / Г. Л. Семенов // ОН Уз. – 1998. – № 4-5. – С. 30-43.

183. Смирнова, Л.О. Керамика из раскопок городища Хисорак. (В сравнении с другими памятниками верховьев Зеравшана) [Текст] / Л.О. Смирнова // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции (Отчет о полевых работах экспедиции в 2013 г.). – СПб., 2014. – С. 60-113.

184. Смирнова, О.И. Каталог монет с городища Пенджикент (материалы 1949-1956 гг.) [Текст] / О.И. Смирнова. – М., 1963. – 201 с.
185. Согдийцы, их предшественники, современники и наследники [Текст]: на основе материалов конференции «Согдийцы дома и на чужбине», посвященной памяти Бориса Ильича Маршака (1933-2006). – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. – 504 с.
186. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье [Текст] / отв. ред. Г.А. Брыкина; авт. Б.В. Андрианов, К.М. Байпаков, Г.А. Брыкина и др. // Археология СССР. – М., Наука. – 1999. – Т. 17. – 378 с.
187. Ставиский, Б.Я. Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части пенджикентского городища (объект VI) в 1951-1959 гг. [Текст] / Ставиский Б.Я. // МИА. – 1964. – № 124. – С. 121-181.
188. Сулейманов, Р. Об истоках раннесредневековой культуры древнебухарского оазиса [Текст] / Р. Сулейманов // УСА. – 1979. – Вып. 4. – С. 17-21.
189. Цзян Боцинь. Ценность русской согдологии для синологии [Текст] / Цзян Боцинь – Пекин, 2000. – С. 201-208.
190. Шкода, В.Г. Пенджикентские храмы и проблемы религии Согда (V-VIII вв.) [Текст] / В.Г. Шкода. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. – 280 с.
191. Шкода, В.Г. Генезис согдийской культовой архитектуры [Текст] / В.Г. Шкода // Древние цивилизации Евразии: История и культура: тезисы докладов научной конференции. – М., 1998. – С. 99-101.
192. Шкода, В.Г. Особенности согдийского зороастризма в свете археологии [Текст] / В.Г. Шкода // Итоги работ археологических экспедиций Гос. Эрмитажа. – Л., 1989. – С. 38. – С.
193. Шкода, В.Г. “Varasnum-gah в Пенджикенте”. Памятники старины, концепции, открытия, версии [Текст] / В.Г. Шкода // Памяти В.Д. Белецкого. – СПб.; Псков, 1997. – Т. II. – С. 387-389.

194. Шкода, В.Г. Биобиблиография Б.И. Маршака. Борис Ильич Маршак (1933-2006) [Текст] / В.Г. Шкода // Российская археология. – М., 2007. – № 4. – С. 187-188.

195. Шкода, В.Г. Согдийские храмы и погребальный обряд [Текст] / В.Г. Шкода // Древние памятники культуры на территории СССР – СПб., 1991. – С. 60-68.

196. Шкода, В.Г. Пенджикентские храмы и проблемы религии Согда (V-VIII вв.) [Текст] / В.Г. Шкода. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 2009. – с.

197. Якубов, Ю.Я., Каримова, Г.Р. Случайные находки [Текст] / Ю.Я. Якубов, Г.Р. Каримова // АРТ. – Душанбе, 2017. – Вып. 39. – С. 237-252.

198. Якубов, Ю.Я., Каримова, Г.Р. Зороастризм в древней истории таджиков [Текст]: в 2-х т. Т. 1 / Ю.Я. Якубов, Г.Р. Каримова // Этногенез и этническая история таджикского народа. – Душанбе, Дониш, 2021. – С. 752-805.

199. Якубовский, А.Ю. Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии [Текст] / А.Ю. Якубовский // Труды Тадж. ФАН СССР. Т. XXIX. – Сталинабад, 1951. – С. 3-4.

200. Якубовский, А.Ю. Вопросы изучения пенджикентской живописи [Текст] / А.Ю. Якубовский // Живопись древнего Пенджикента. – М., 1954. – С. 7-24.

201. Якубовский, А.Ю. Итоги работ Таджикской археологической экспедиции за 1948-1950 гг. [Текст] / А.Ю. Якубовский // МИА СССР. – М, Изд-во АН СССР, 1953. – № 37. – Т. 2. – С. 12.

III. Диссертации и авторефераты

202. Маршак, Б.И. Керамика Согда V-VII веков как историко-культурный памятник [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Б.И. Маршак Борис Ильич. – Л., 1965. – 88 с.

203. Маршак, Б.И. История восточной теревтики III-XI вв. и проблемы культурной преемственности [Текст]: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. 07.00.06 / Маршак Борис Ильич. – М., 1980. – 36 с.

204. Распопова, В.И. Раннесредневековый согдийский город (по

материалам Пенджикента) [Текст]: дис. ... д-ра ист. наук в форме научного доклада / Распопова Валентина Ивановна. – СПб., 1993. – 70 с.

205. Рахматова, З.Ю. Вклад русских ученых в формирование и развитие естественных наук Таджикистана во второй половине XIX – начале XX вв. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: / Рахматова З.Ю. – Душанбе, 2009. – 167 с.

206. Рахматуллаев, И. История жилых комплексов согдийского города VII-VIII веков. (По материалам объекта XXIII городища древнего Пенджикента). [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук: Рахматуллаев И. – Душанбе, 2006. – 28 с.

207. Саввониди, Н.Ф. Керамика Пенджикента VII–VIII вв. Комплексы, типология и историческая интерпретация [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук: / Саввониди Н.Ф. – СПб., 1992. – 22 с.

208. Сайфуллоев, Н. Вклад Ранова В. А. в изучение каменного века Таджикистана. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: / Сайфуллоев Н. – Душанбе, 2015. – 165 с.

209. Тожиев, Э.И. Вклад академика Б.А. Литвинского в изучение истории культуры Северного Таджикистана [Текст]: дис. ... канд ист. наук: / Тожиев Э.И. – Душанбе, 2009. – 178 с.: ил.

IV. ЛИТЕРАТУРА НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

210. Final Technical Report on the results of the UNESCO [Text] / Japanese Funds-in-Trust project: Support for Silk Roads World Heritage Sites in Central Asia (Phase II), April 2015 – November 2019. – London: London University College, 2020. – 237 p.

211. Grenet, F. L'art zoroastrien en Sogdiane [Text] / F. Grenet // Mesopotamia, 1986. – Vol. XXI. – P. 38.

212. Grenet, F. Maracanda/Samarkand, une métropole pré-mongole. Sources écrites et archéologie [Text] / F. Grenet // Annales. Histoire, sciences sociales. – 2004. – P. 1043-1067.

213. Grenet, F., Marshak, B.I. Le mythe de Nana dans Tart de la Sogdiane

[Text] / F. Grenet, B.I. Marshak // *Arts Asiatiques*. – 1998. – Vol. 53. – No 1. – P. 5-18.

214. Grenet, F. Samarcande et la route de la soie [Text] / F. Grenet // *L'Histoire*. – 1985. – No 77. – P. 37-38.

215. Karimova, G.R., Kurbanov, Sh. F. Mural Painting from Panjikent (to the Problem of Symbols and Cults) [Text] / G.R. Karimova, Sh. F. Kurbanov // *Miho Museum*. – 2008. – Vol. 3. – No 7/8. – P.196-215.

216. Marshak, B.I. L'art Sogdien (IVe au IXe siècle) [Text] / B.I. Marshak // In: *Les arts de l'Asie Centrale* / P. Chuvin, ed. – Paris, 1999. – P. 114-163.

217. Marschak, B.I. Central Asia from the Third to the Seventh Century [Text] / B. I. Marschak // *Nomads, Traders and Holy Men along China's Silk Road: Papers presented at a Symposium held at the Asia Society in New York, November 9-10, 2001. Turnhout (Silk Road Studies. VII)*. – 2003. – P.11-23.

218. Marshak, B.I. Indian motifs in Sogdian art [Text] / B.I. Marshak // *Fifteenth International Conference on South Asian archaeology: Abstracts/ – Leiden, 1999. – P. 27-28.*

219. Marshak, B.I. Le décor de la vaisselle en argent à la fin de la période sassanide et au début de l'époque islamique [Text] / B. I. Marshak // *PS*. – 2006. – P. 76-79.

220. Marshak, B.I. Legends, Tales and Fables in the Art of Sogdiana [Text] / B.I. Marshak. – New York, 2002. – 195 p.

221. Marshak, B.I. Les fouilles de Pendjikent [Text] / B.I. Marshak // *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. – J.-M., 1990. – P. 286-313. Marshak, B.I., Marsadolov, L.S. Early Indian Mirrors and the Problem of the Pre-Mauryan Figurative Art [Text] / B.I. Marshak, L.S. Marsadolov // *South Asian Archaeology 1997*. – Roma, 2000. – Vol. III (Serie Orientale Roma. Vol. XC/3). – P. 1055-1063,

222. Marshak, B.I. Sogdian Art [Text] / B.I. Marshak // *New History of World Art – Shogakukan*, 1999. – Vol. 15. – P. 207-218, 386-395/ – (In Japanese).

223. Marshak, B.I., Raspopova, V.I. Buddha Icon from Panjikent [Text] / B.I. Marshak, V.I Raspopova // *Silk Road Art and Archaeology*, 1997. – Vol. 5. –

No 98. – P. 297-305.

224. Marshak, B.I., Raspopova, V.I. Cultes communautaires et cultes privies en Sogdiane [Text] / B.I. Marshak, V.I Raspopova // In: Histoire et cultes de l'Asie Centrale preislamique. – Paris: CNRS, 1991. – P. 187-195.

225. Marshak, B.L, Raspopova, V.I. A Hunting Scene from Panjikent [Text] / B.I. Marshak, V.I. Raspopova // Bulletin of the Asia Institute, 1990. – Vol. 4. – P 77-94.

226. Marshak, B.I., Raspopova, V.I. Research of Sogdian Civilization in Penjikent, Tajikistan [Text] / B.I. Marshak, V.I. Raspopova // New Archaeological Discoveries in Asiatic Russia and Central Asia. – Saint-Petersburg, 1994. – P. 79-82.

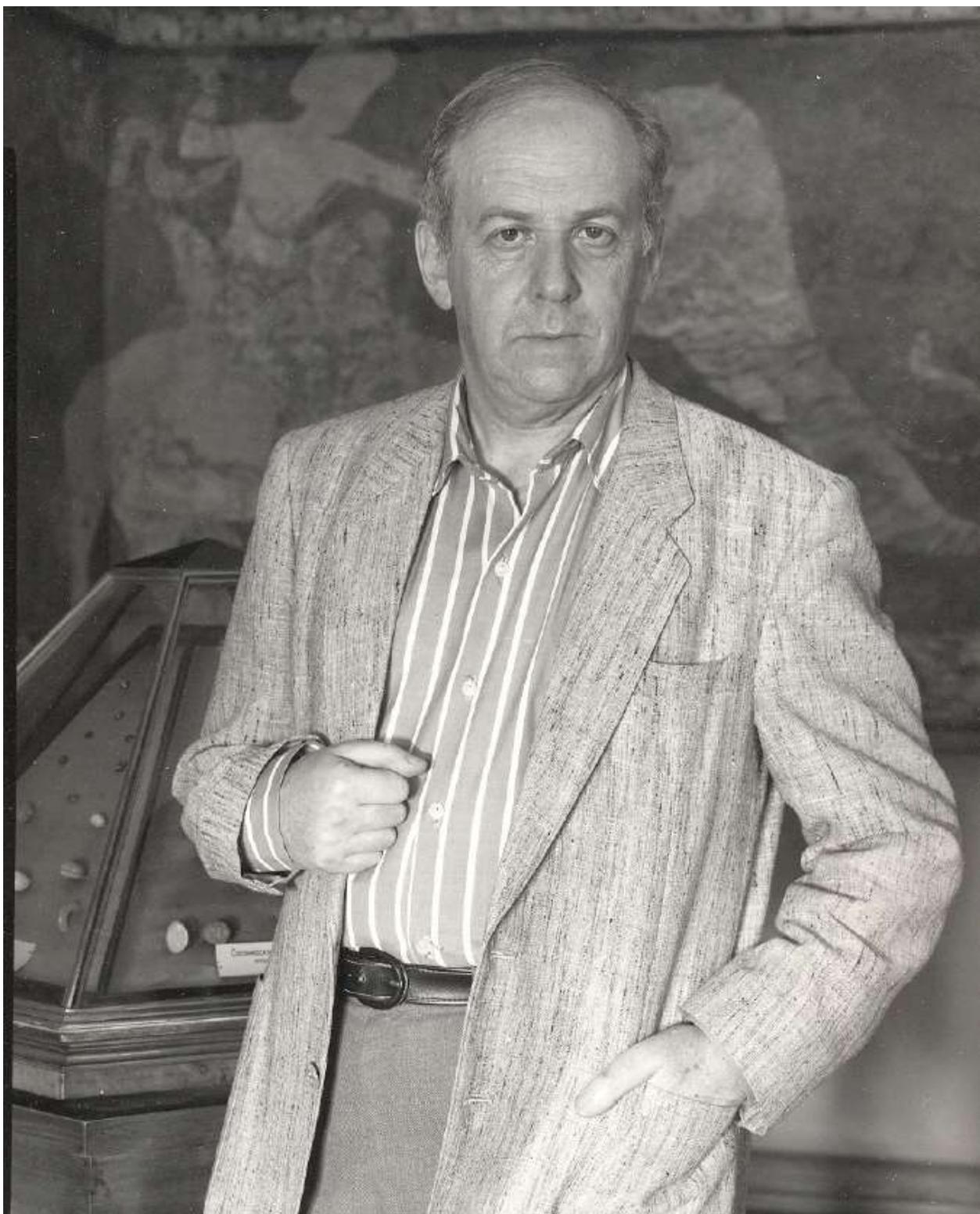
227. Marshak, B.I., Raspopova, V.I. Wall Painting from a House with a Granary. Panjikent, 1st Quarter of the Eighth Century A.D. [Text] / B.I. Marshak, V.I Raspopova // Silk Road Art and Archaeology. – Kanakura, 1990. – Vol. 1. – P. 123-176.

228. Rapin, C. Nomads and the Shaping of Central Asia: from the Early Iron Age to the Kushan period [Text] / C. Rapin // After Alexander. Central Asia before Islam. (Proceedings of the British Academy, 133) / eds. J. Cribb, G. Herrmann. Oxford, 2007. – P. 29-72.

229. Skoda, V.G. Ein Siva-Heiligtum in Pendzikent [Text] / V.G. Skoda // Archaeologische Mitteilungen aus Iran, 1992. – Bd. 25. – S. 319-327.

230. Vsevirov L.M., Škoda V.G. A Bibliography by Boris Il'ič Maršak [Text] / L. M. Vsevirov, V. G. Škoda // Ērān ud Anērān. Studies Presented to Boris Il'ič Maršak on the Ocassion of His 70th Birthday. – Venezia, 2006. – P. 13-30.

ПРИЛОЖЕНИЕ
Фотоальбом
БОРИС ИЛЬИЧ МАРШАК

Борис Ильич Маршак

Б.И. Маршак

В.И. Распопова, супруга Б.И. Маршака

Справа налево: Б.И. Маршак, В.И. Распопова, Камол Насрулло,
Р.М. Масов, Юсуфбеков

На переднем плане слева направо: Б.И. Маршак, В.И. Распопова,
А.М. Беленицкий

Участники Пенджикентской археологической экспедиции 2003 г.:
слева направо стоят: В.Г. Шкода, Ф. Шодмонбоев, Д.А. Абдуллаев, Г.Р. Каримова, В.И. Распопова, Г. Рахимова, Б.И. Маршак, И.М. Рахматуллоев. Слева направо сидят в первом ряду: М. Хасанов, И.К. Малкиель, Ш.Ф. Курбанов, А.Р. Раззоков.

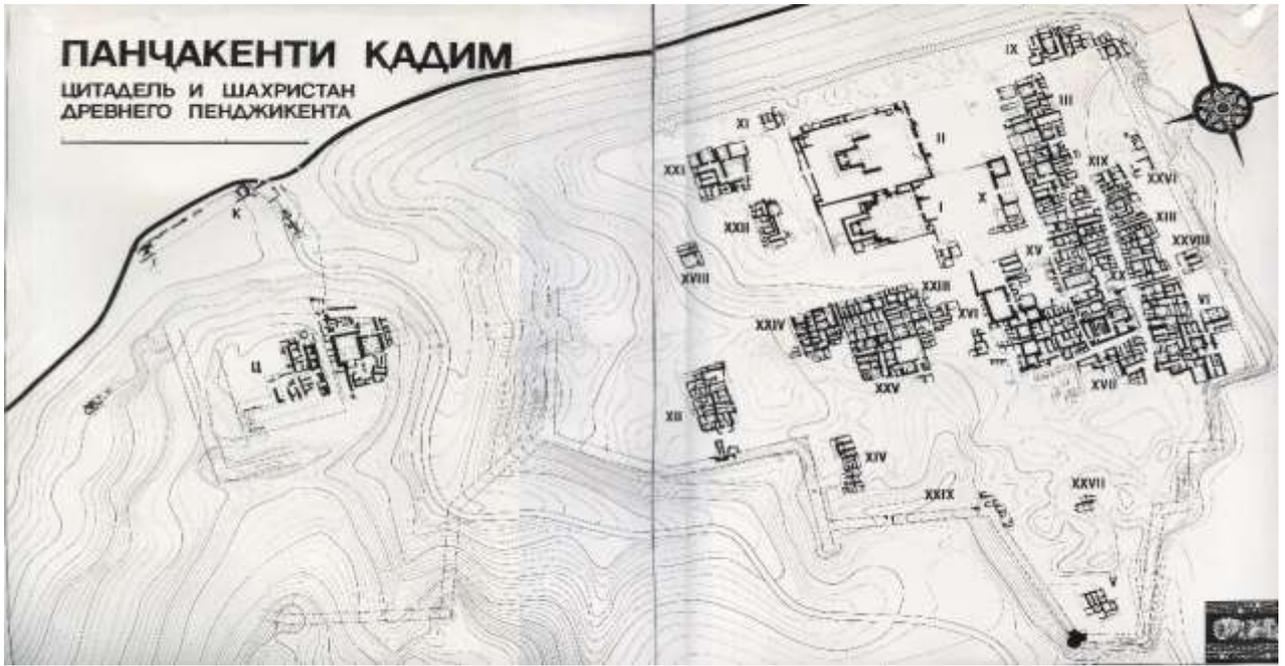
И.Р. Рахматуллаев (ученик Б.И. Маршака) показывает раскопанный двухэтажный дом

Следы пожарищ на городище Пенджикент

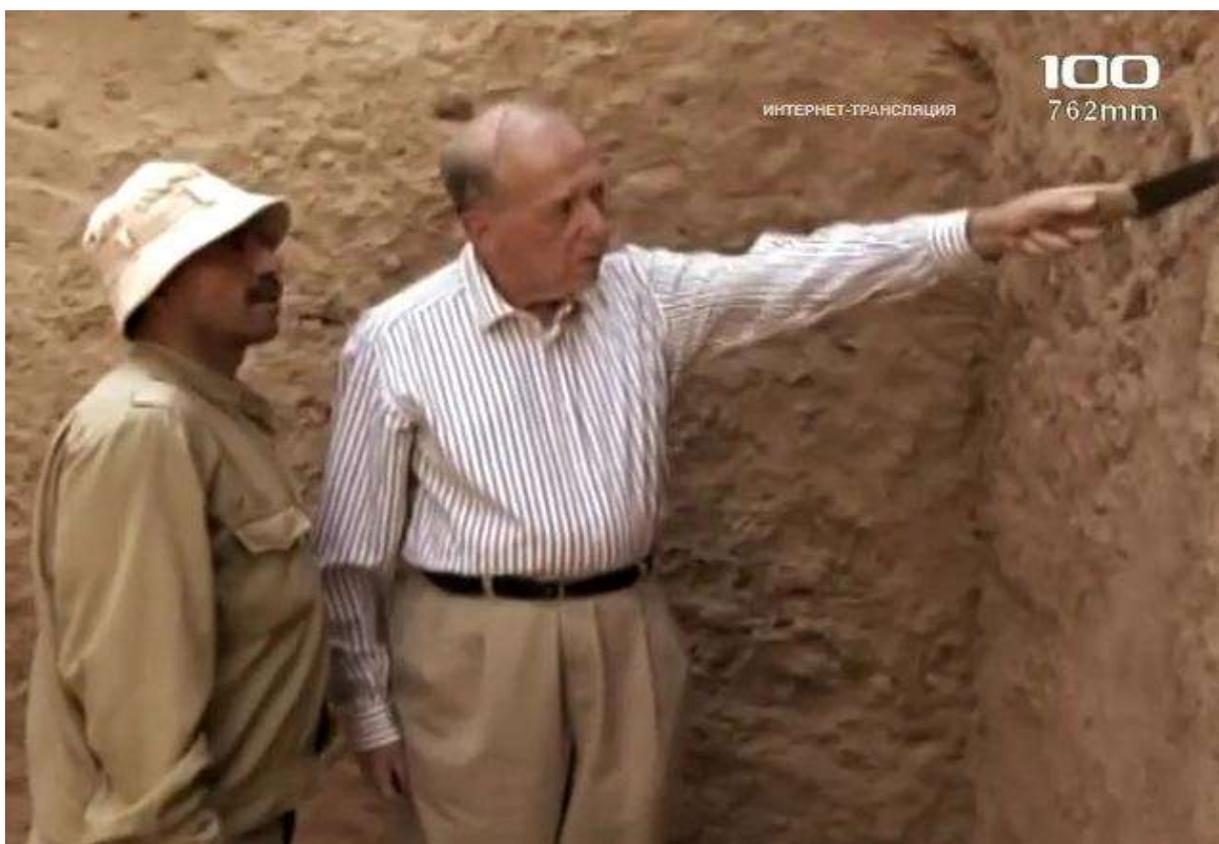
Раскопки на городище Кайнар. Храм с тюльпанами

Рабочий момент разборки завала с керамикой.

В центре в белой рубашке Б.И. Маршак

Б.И. Маршак и Ш.Ф. Курбанов в процессе открытия живописи

LEGENDS, TALES AND FABLES IN THE ART OF SOGDIANA

Fig. 1: Map of Firdojent, showing actual excavated ruins 1947-1952.

Могила Б.И. Маршака на городище древнего Пенджикента

Автор на могиле Б.И. Маршака

ТАБЛИЦЫ

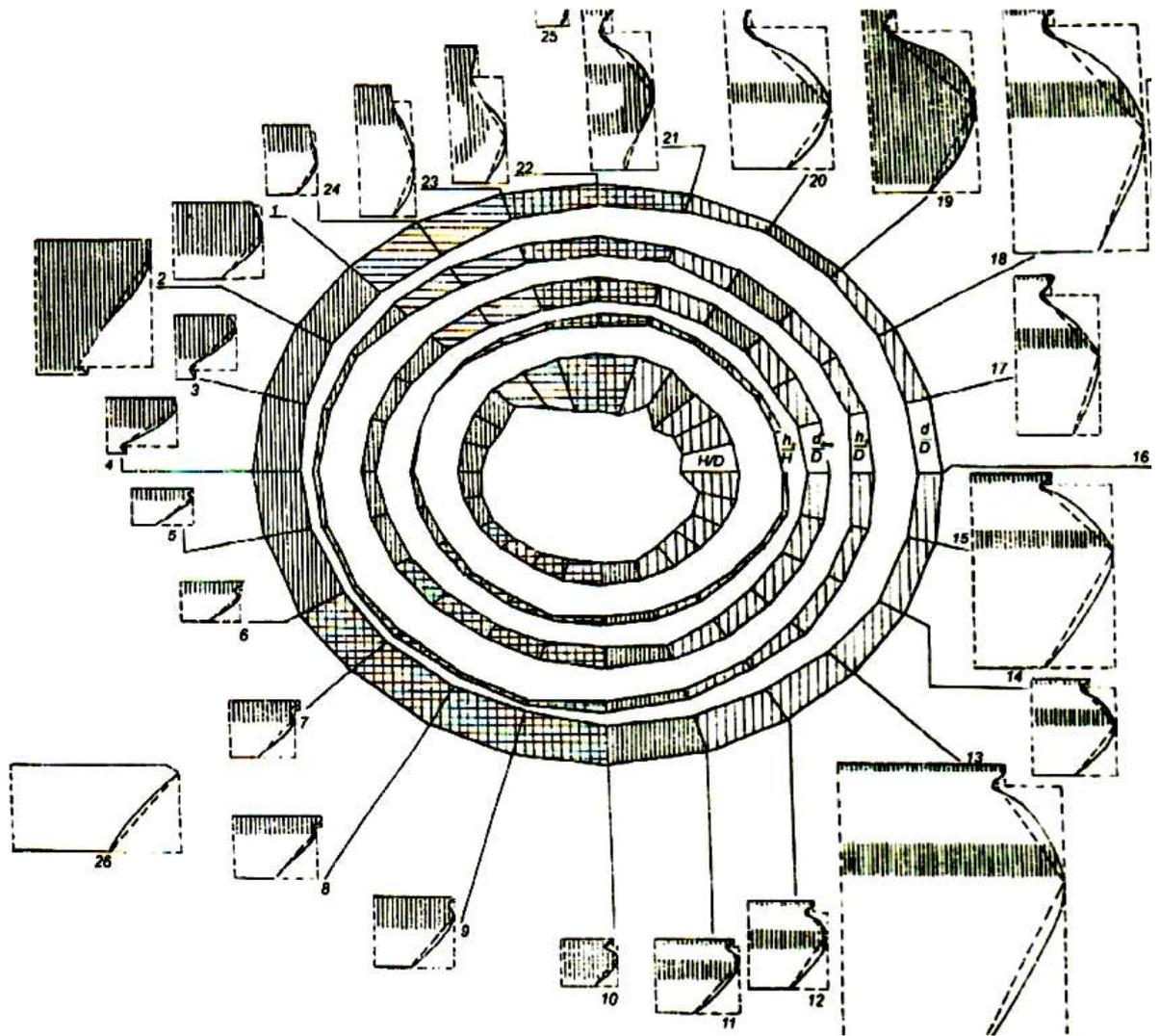
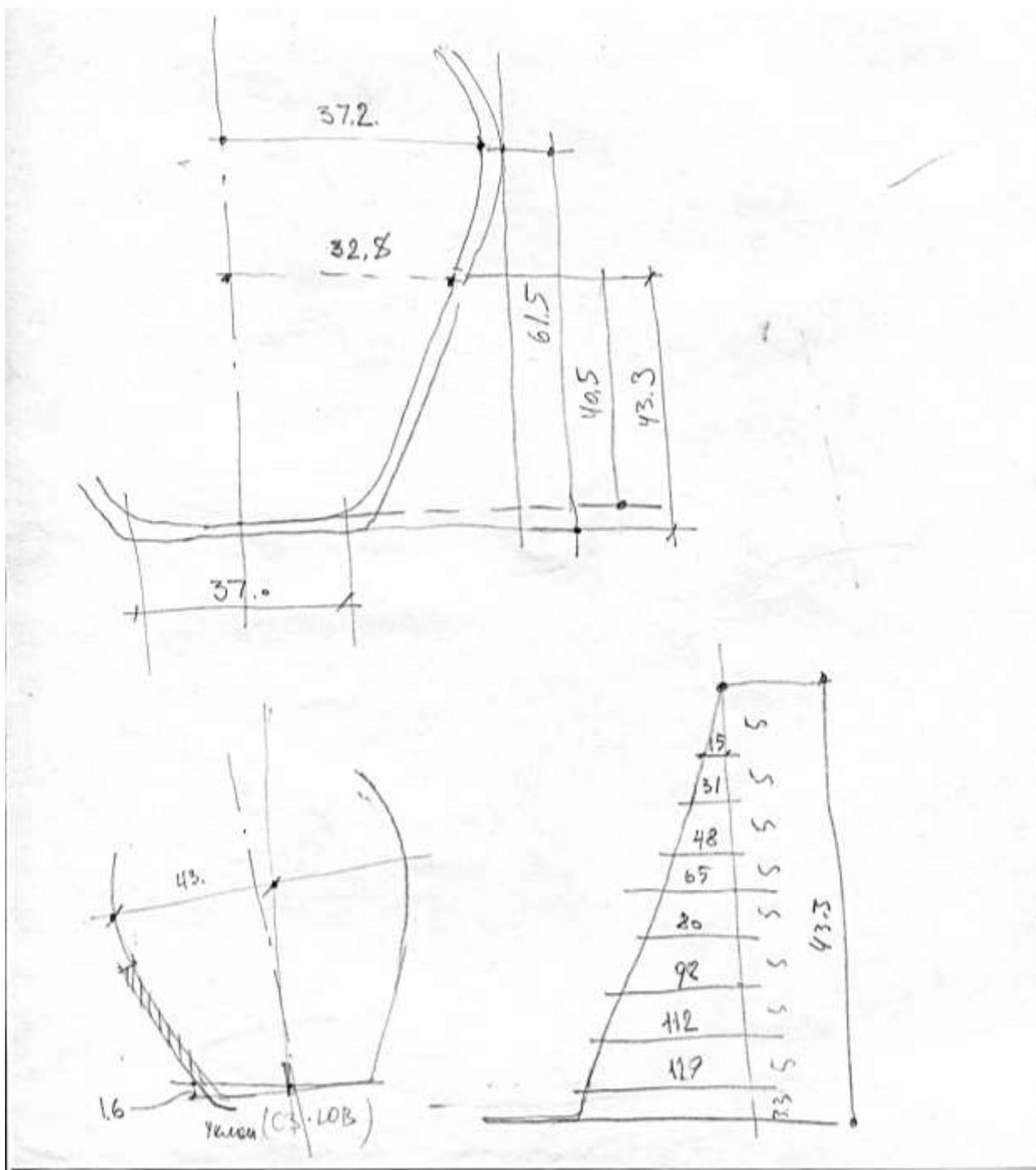

Табл. I. Круг форм – диаграмма, построенная Б.И. Маршаком¹

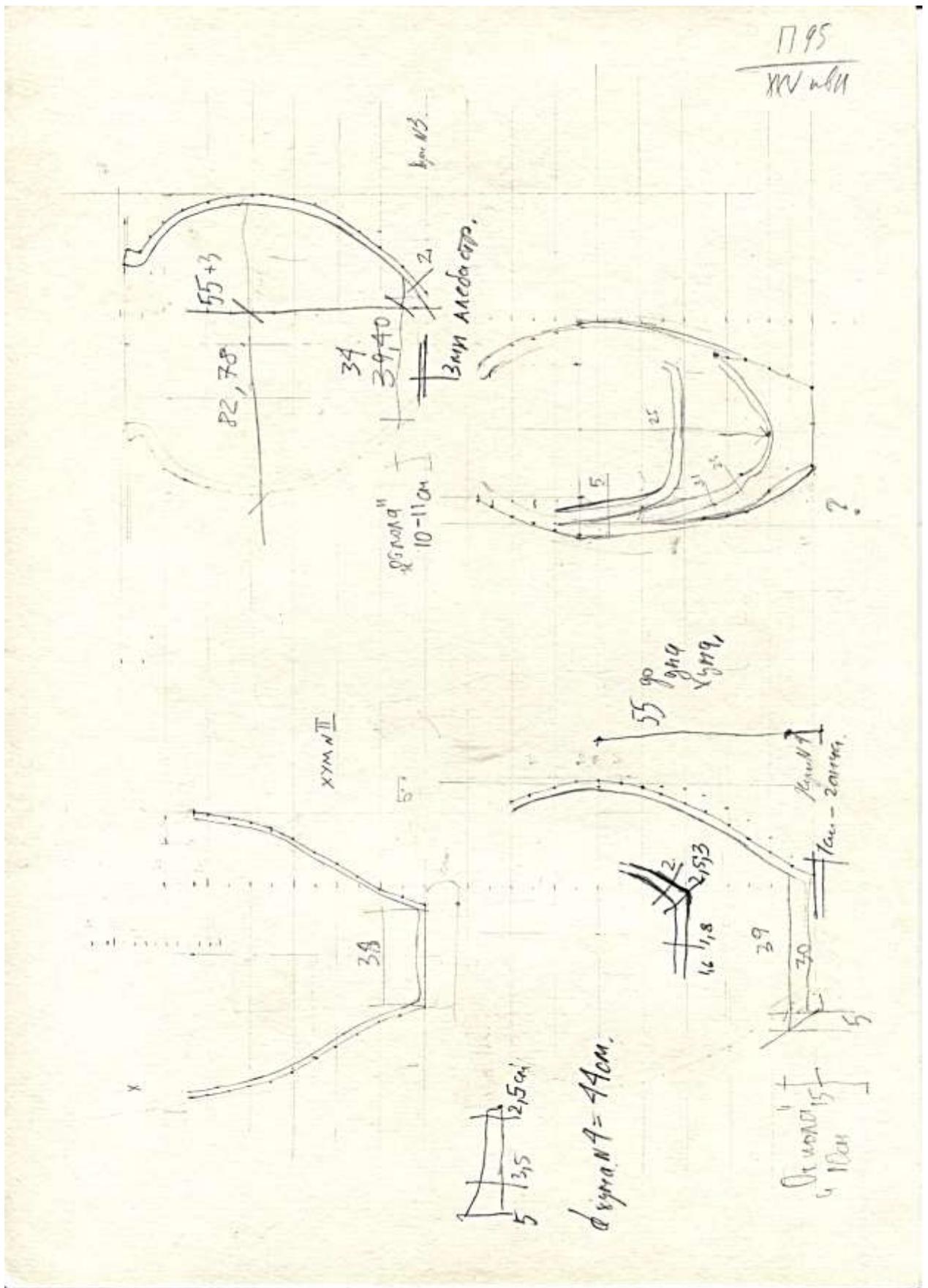
¹ Маршак Б.И. Керамика Согда V-VII веков как историко-культурный памятник (К методике изучения керамических комплексов). – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. – Ил. 29. – С. 271

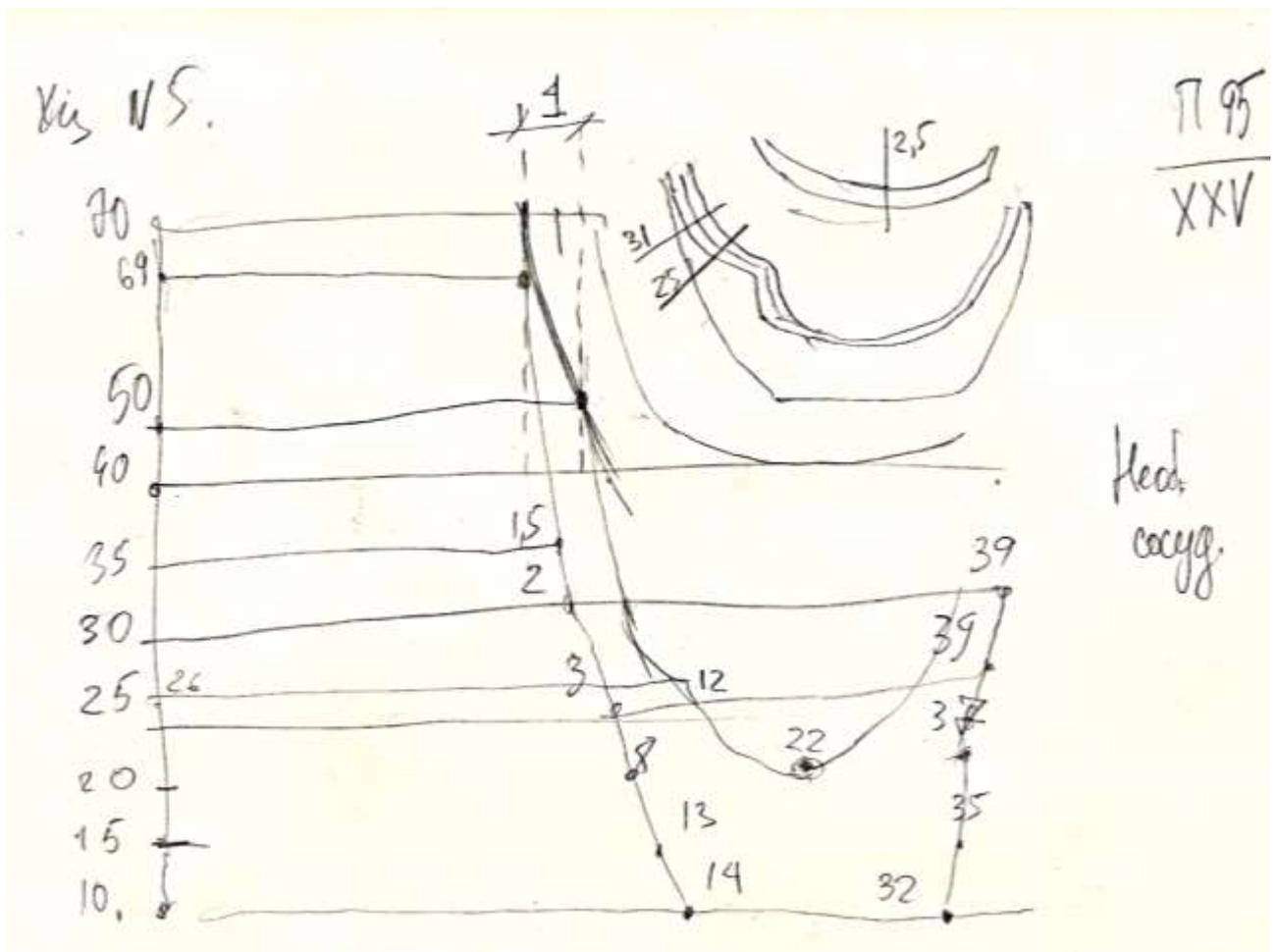
1. Папка П – 1996. Объект XXV

Табл. II. Примеры замеров и прорисовки керамических форм по материалам архива Отдела археологии Института Истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ

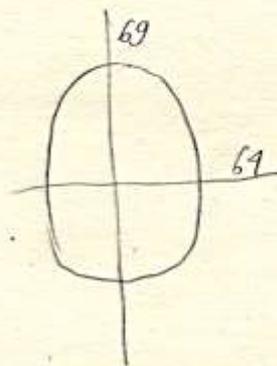
2. Папка II – 1995. Объект XXV

3. Папка П – 1995. Объект XXV

Хура N2.

7(70)	63
91	60
91	55
23	50
37	45
6	40
9	35
12	30
15	25
18	20
20	15
215	10

Толщина.
~~15~~

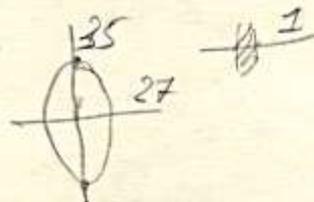
$\frac{17-75}{XXV}$

Хура N3.

15,4	68,5
13	68
13,6	65
10	63
6,6	60
3,7	55
2	50
0,75	45
0,15	40
0	38
0,2	35
1	30
2,1	25
5,4	20
8,7	15
12,4	10
17	5
23	0

~~17~~

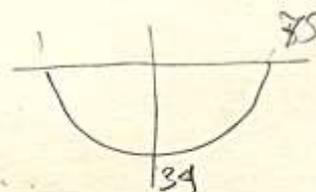
Кубини

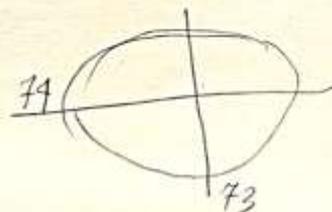
Хура N4

44	51
40	50
35	45
30	40
25	35
20	30
15	25
10	20
5	15
0	10

5,3	51
4,6	50
2,5	45
1,5	40
1,2	35
1,5	30

~~2,2~~

4. Папка II – 1995. Объект XXV

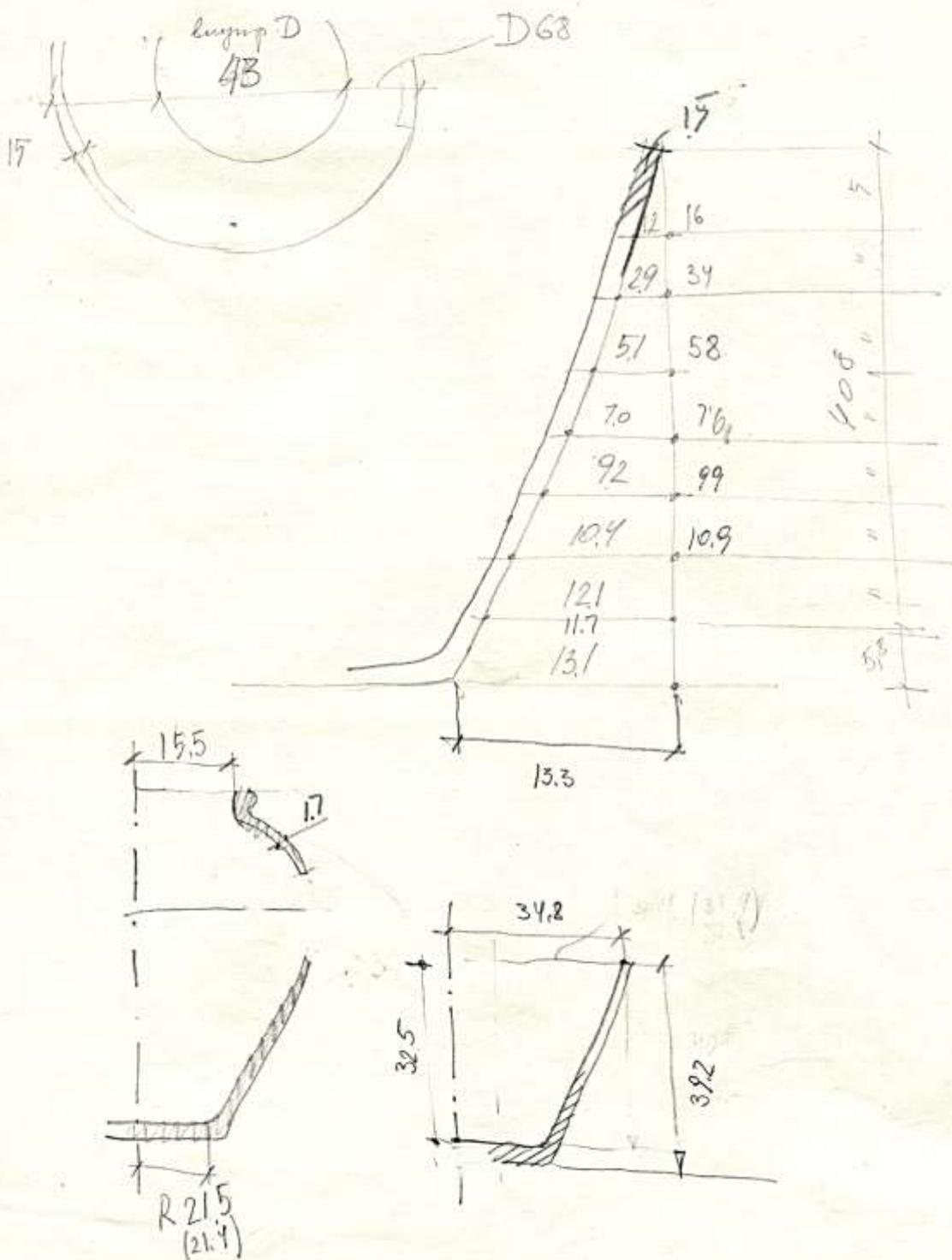

Хум

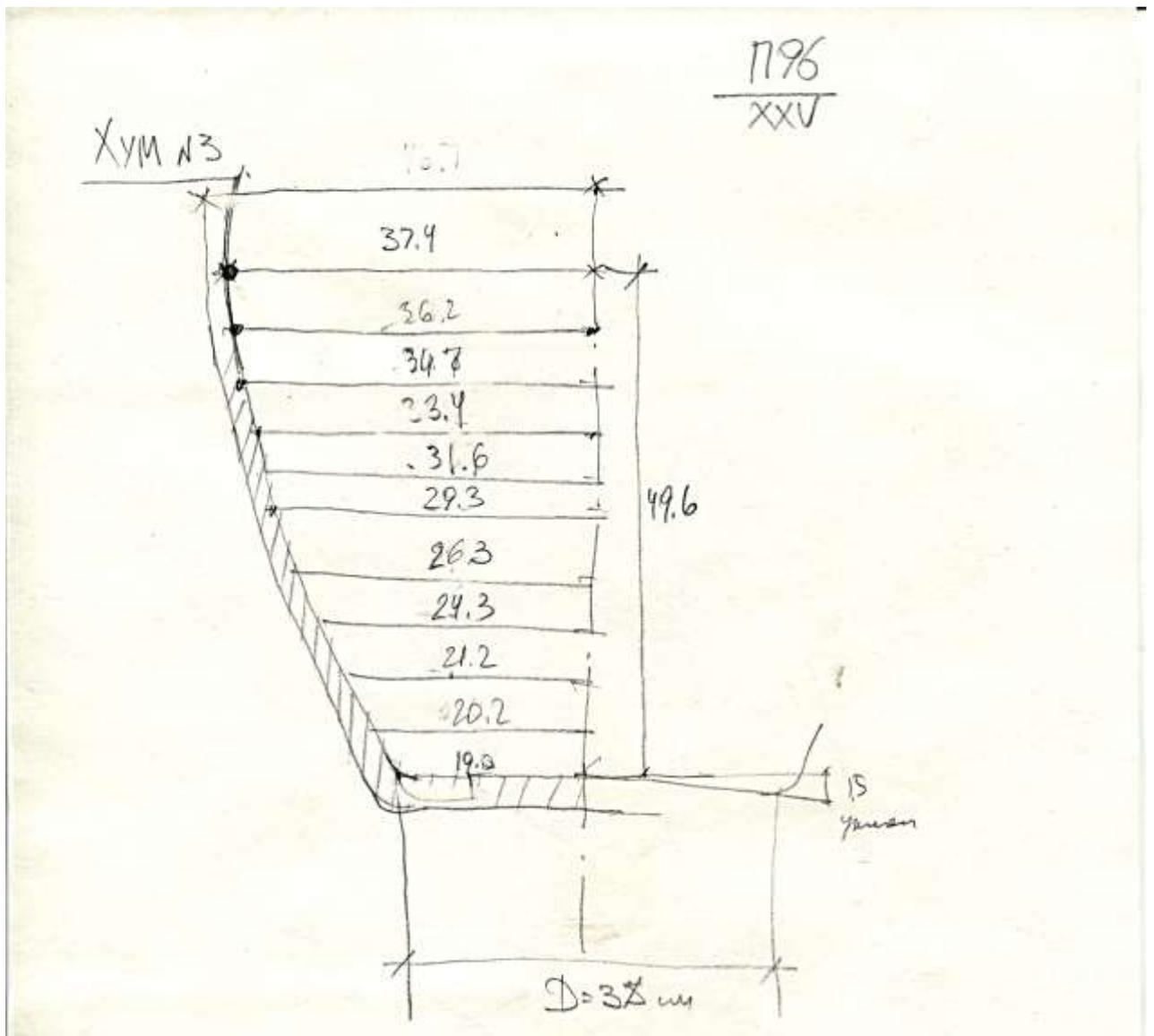
(12)

Толщина 17мм

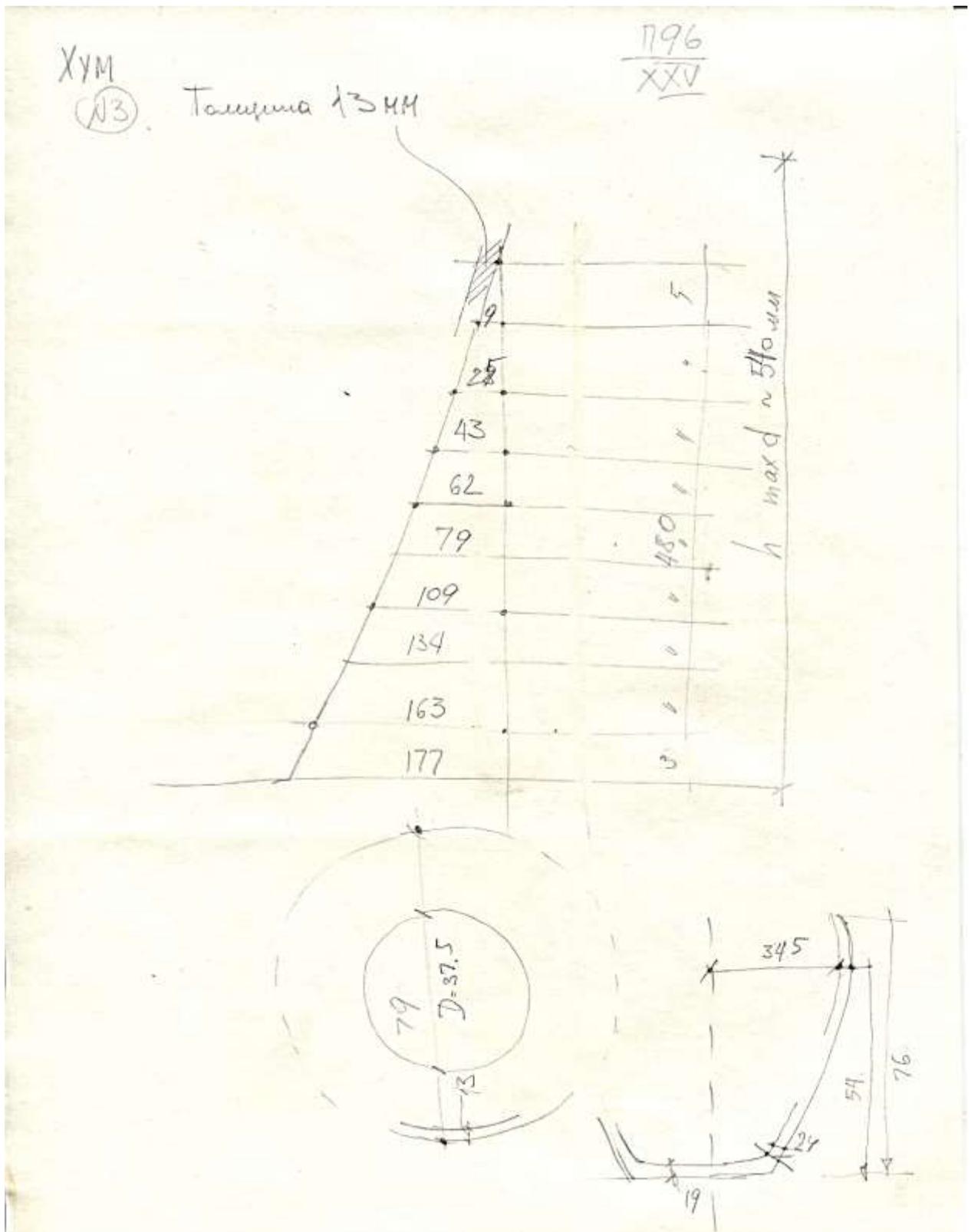
1996
XXV

6. Папка II – 1996. Объект XXV

7. Папка П – 1996. Объект XXV

8. Папка П – 1996. Объект XXV

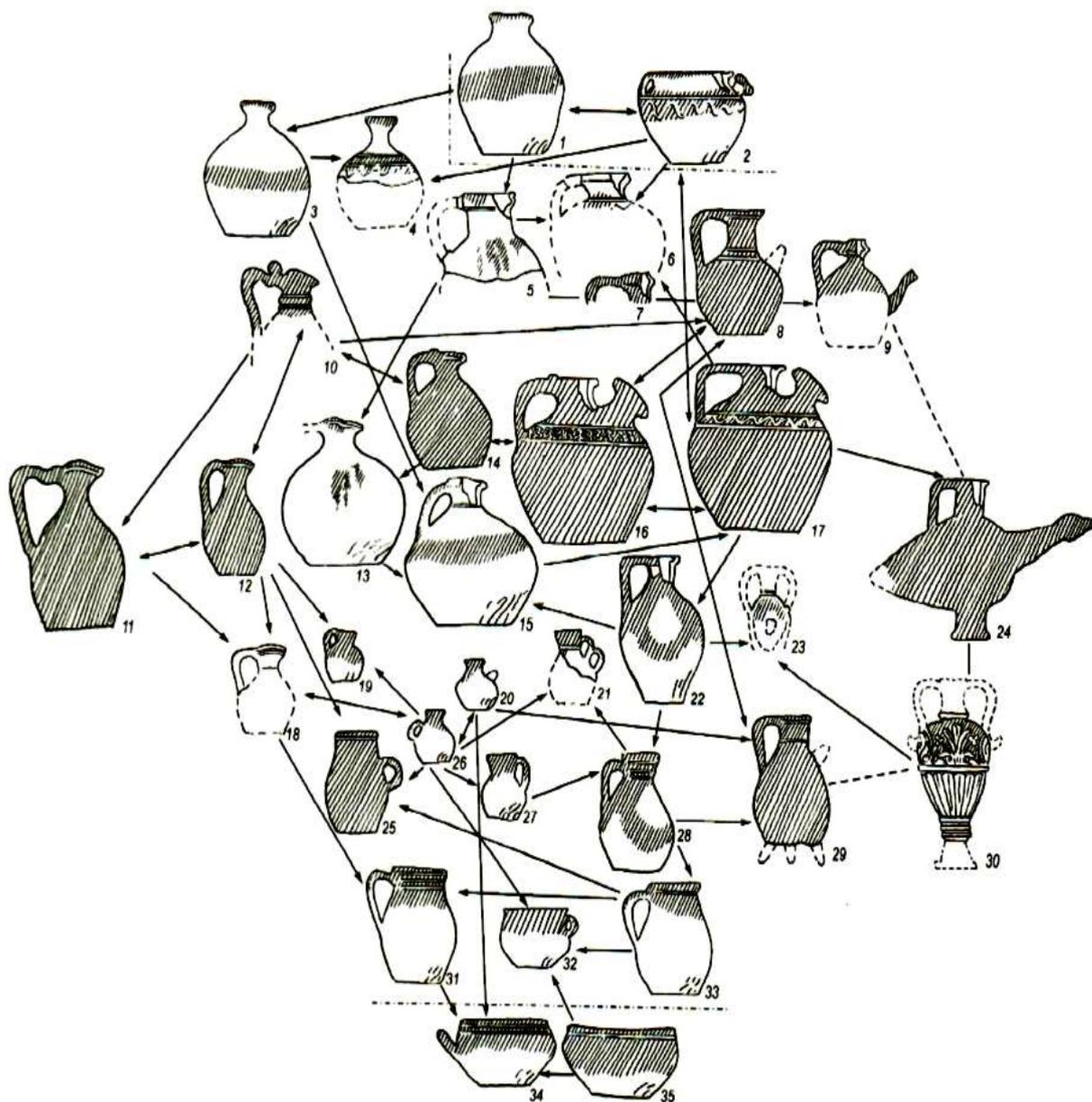

Табл. III. Схема связи форм столовых кувшинов, составленная Б.И. Маршаком¹

¹ Маршак Б.И. Керамика Согда V-VII веков как историко-культурный памятник. (К методике изучения керамических комплексов). – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. – Ил. 50. – С. 288.

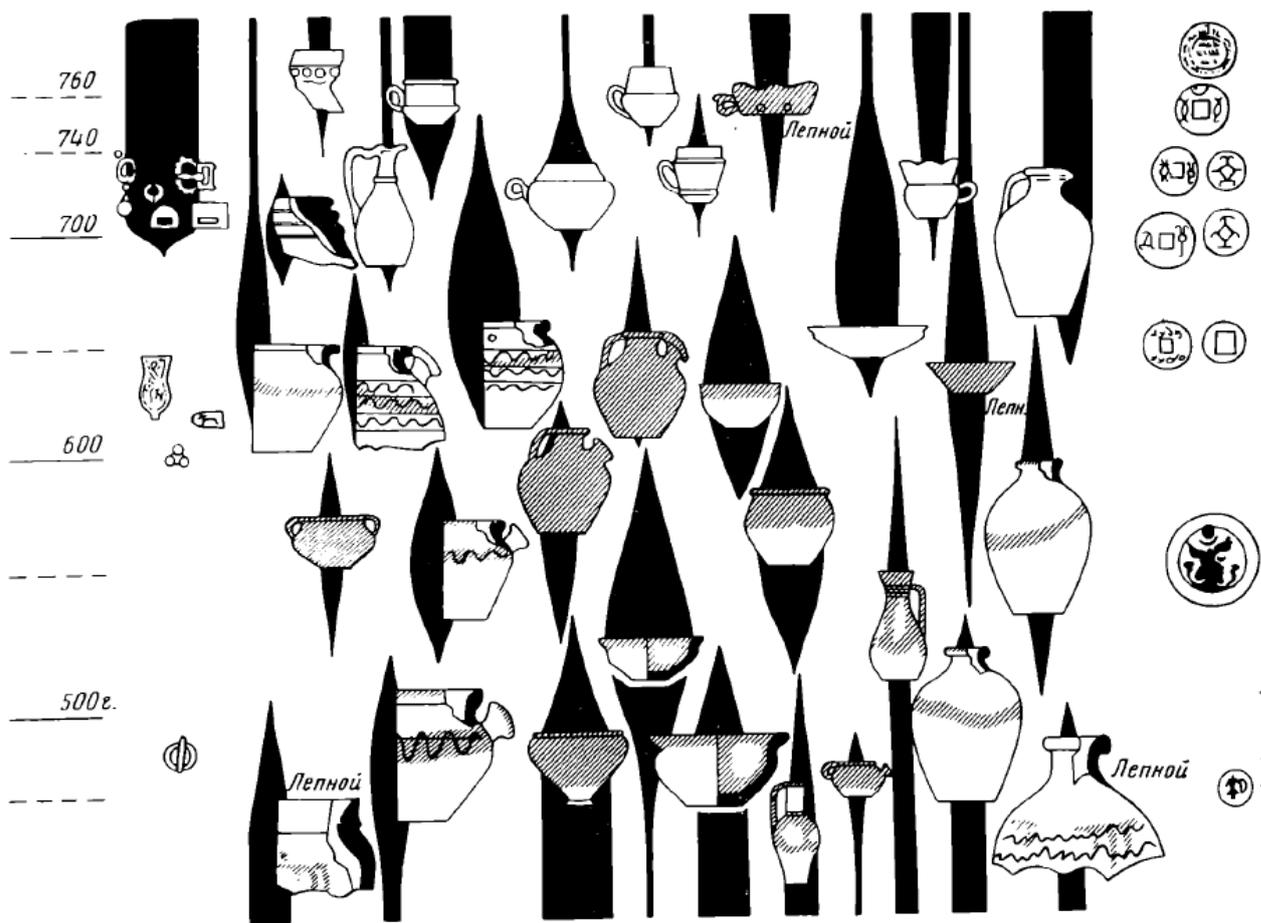
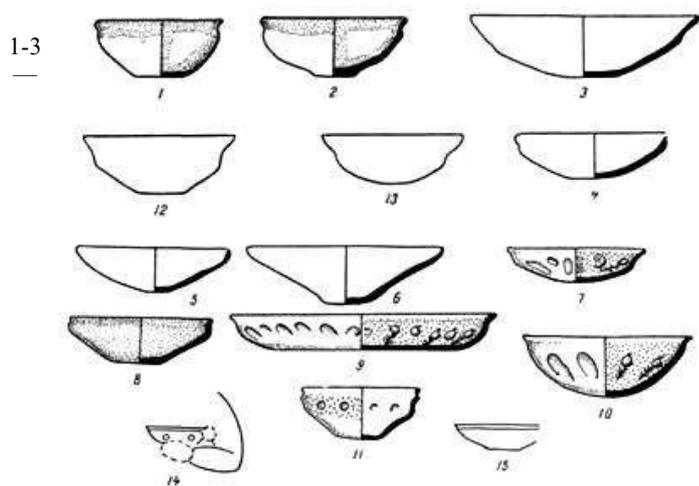

Табл. IV. Пенджикент. Основные датированные находки согласно шкале датировок.

Чёрные «линзы» показывают изменения в степени распространённости тех или иных разновидностей в последовательности разновременных слоёв¹.

Чашы-тарелки Кафыр-калы.
— Пенджикент (1 и 2 — VI в., 3 — VII-VIII вв.); 4-11
Кафыр-кала; 12, 13 — Ак-Бешим (Семиречье,
раскопки Л.Р. Кызласова); 14, 15 — изображения
золотых чаш на живописи Пенджикента.

¹ Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И.. Согдийский город вначале средних веков (итоги и методы исследования древнего Пенджикента) // СА. — 1981. — № 2. — С. 99, рис. 3.

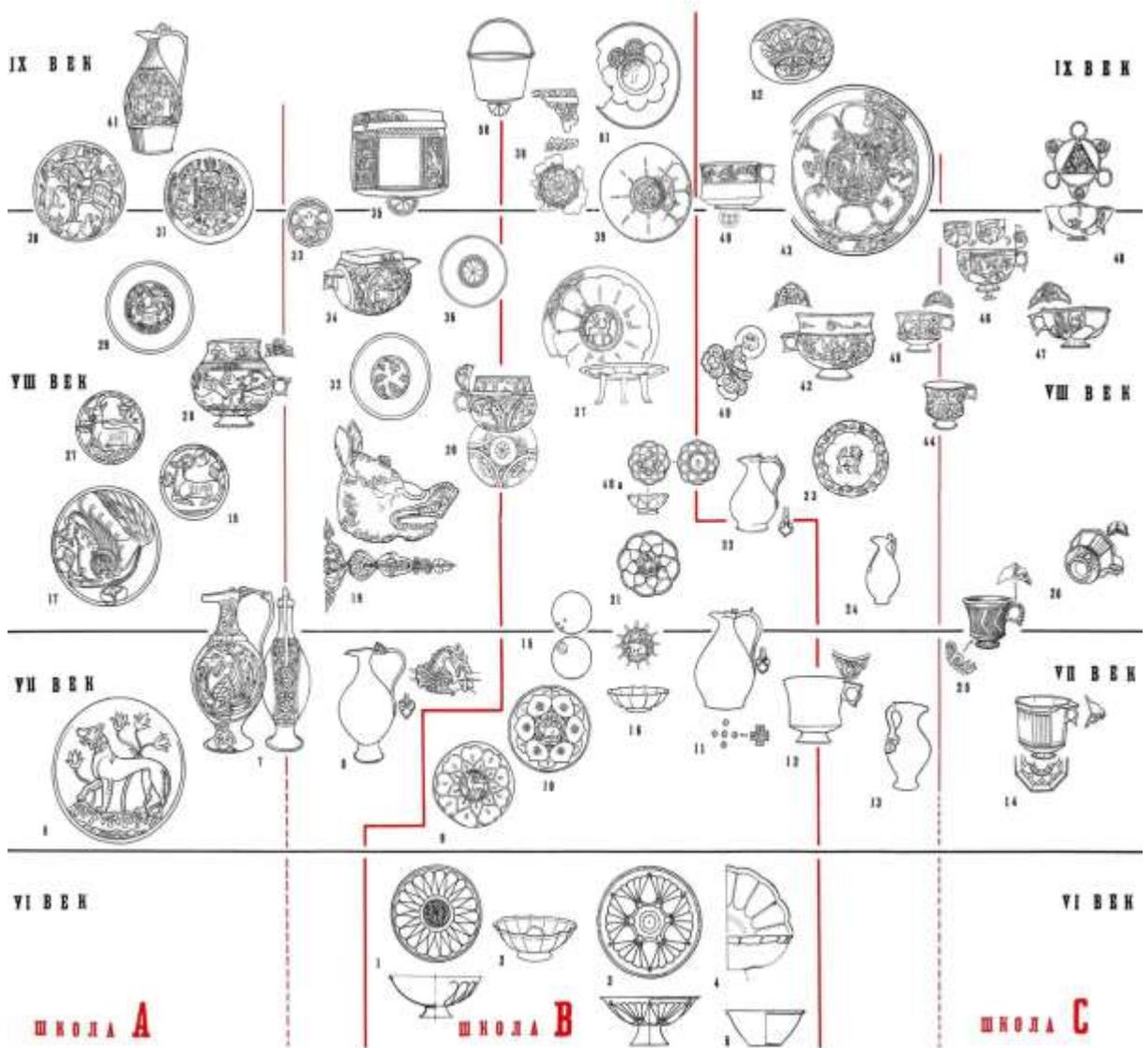
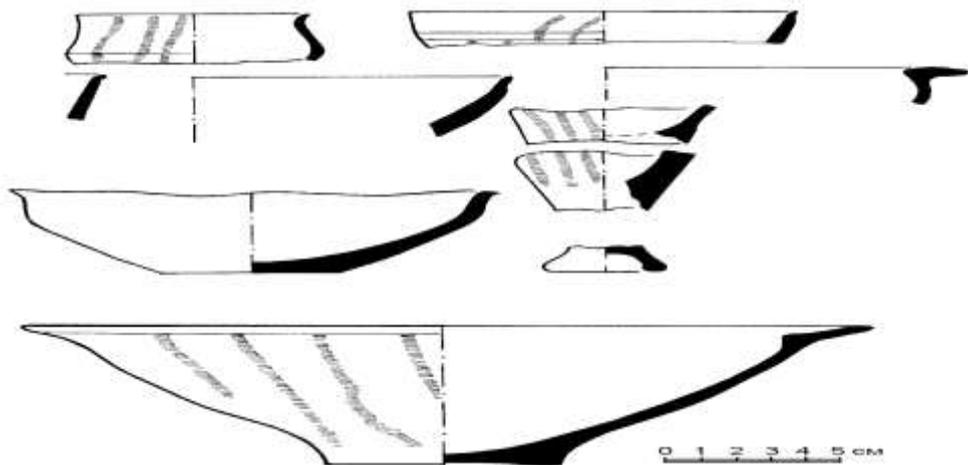

Табл. V. Классификация и шкала датировок серебряных сосудов¹

Пенджикент. Кайнар. Керамика из слоя над материком

¹ Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. – М., 1971. – 191 с.

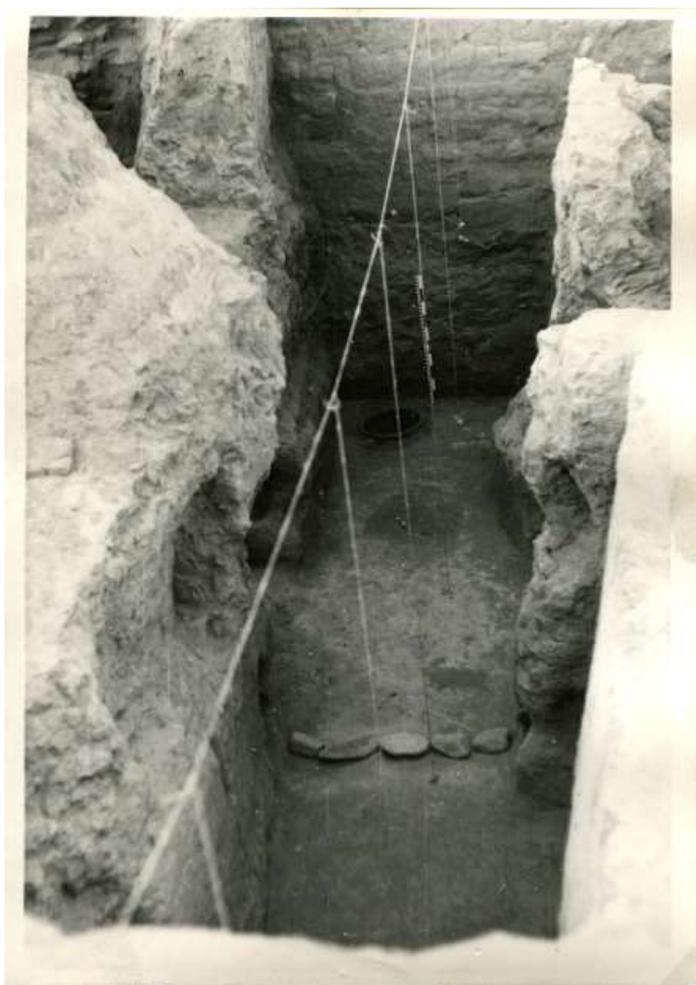

Табл. VI. Пример и опыт фиксации точек сети колов. (Фото из архива отдела археологии, Папка П-1957).

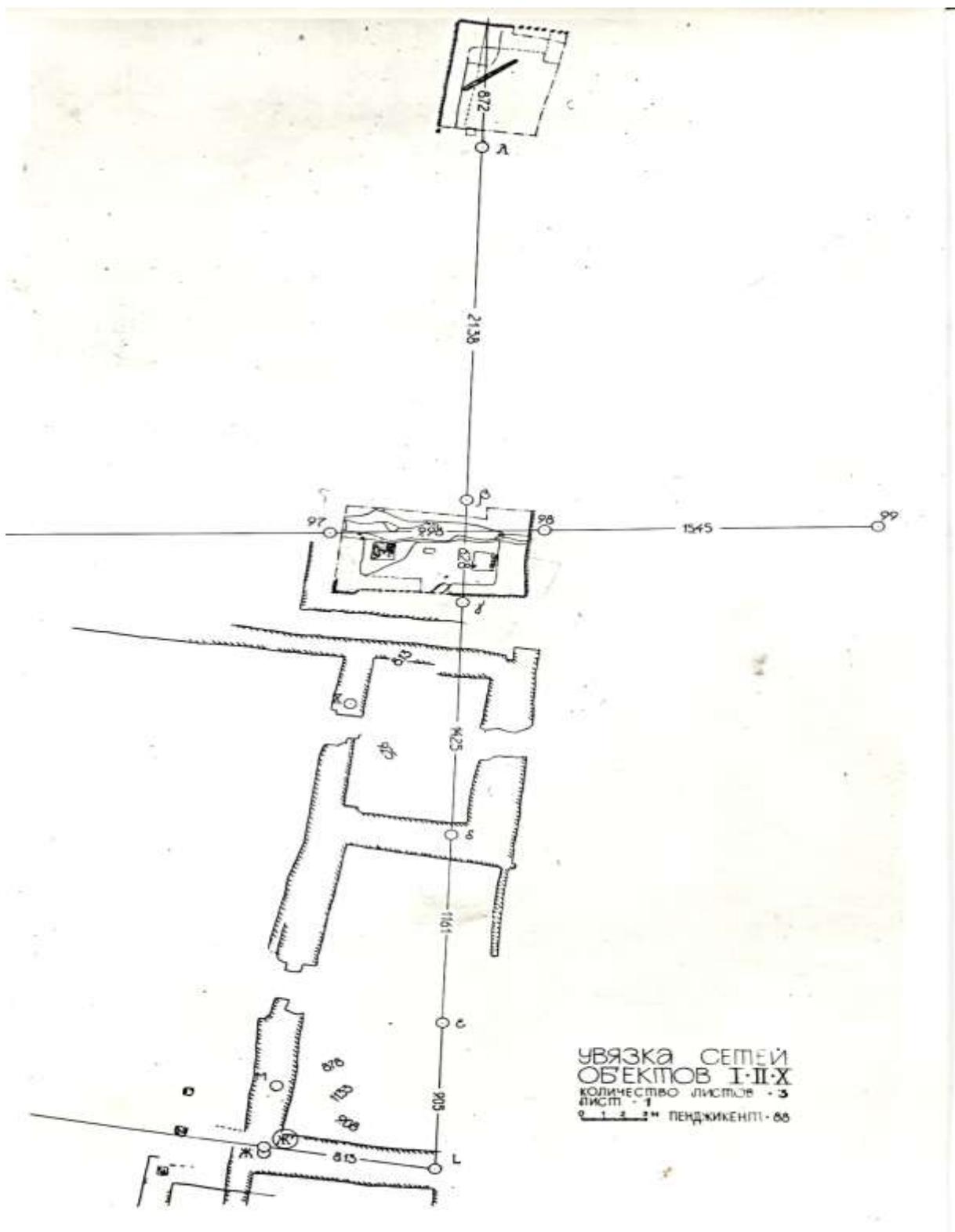
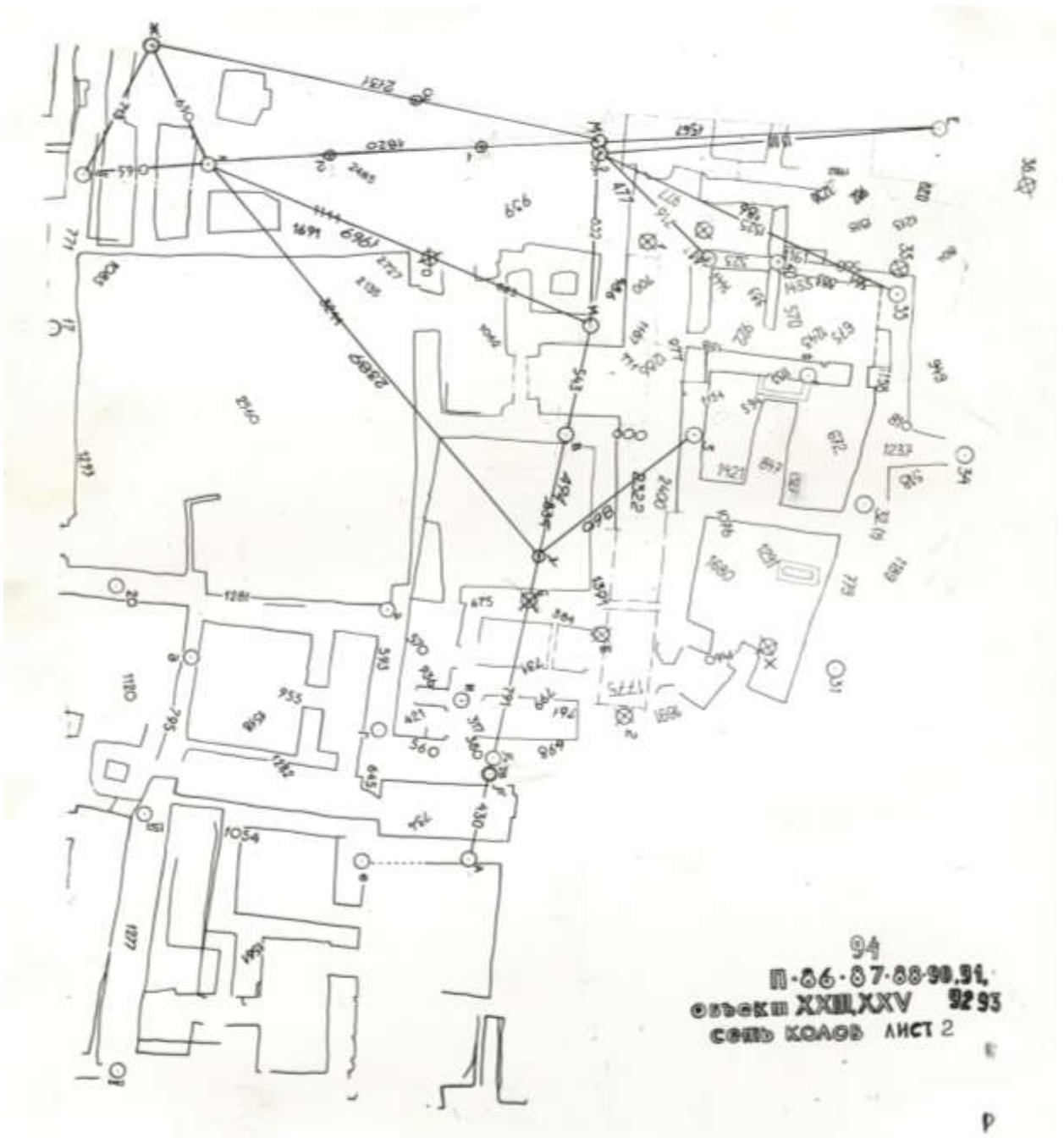
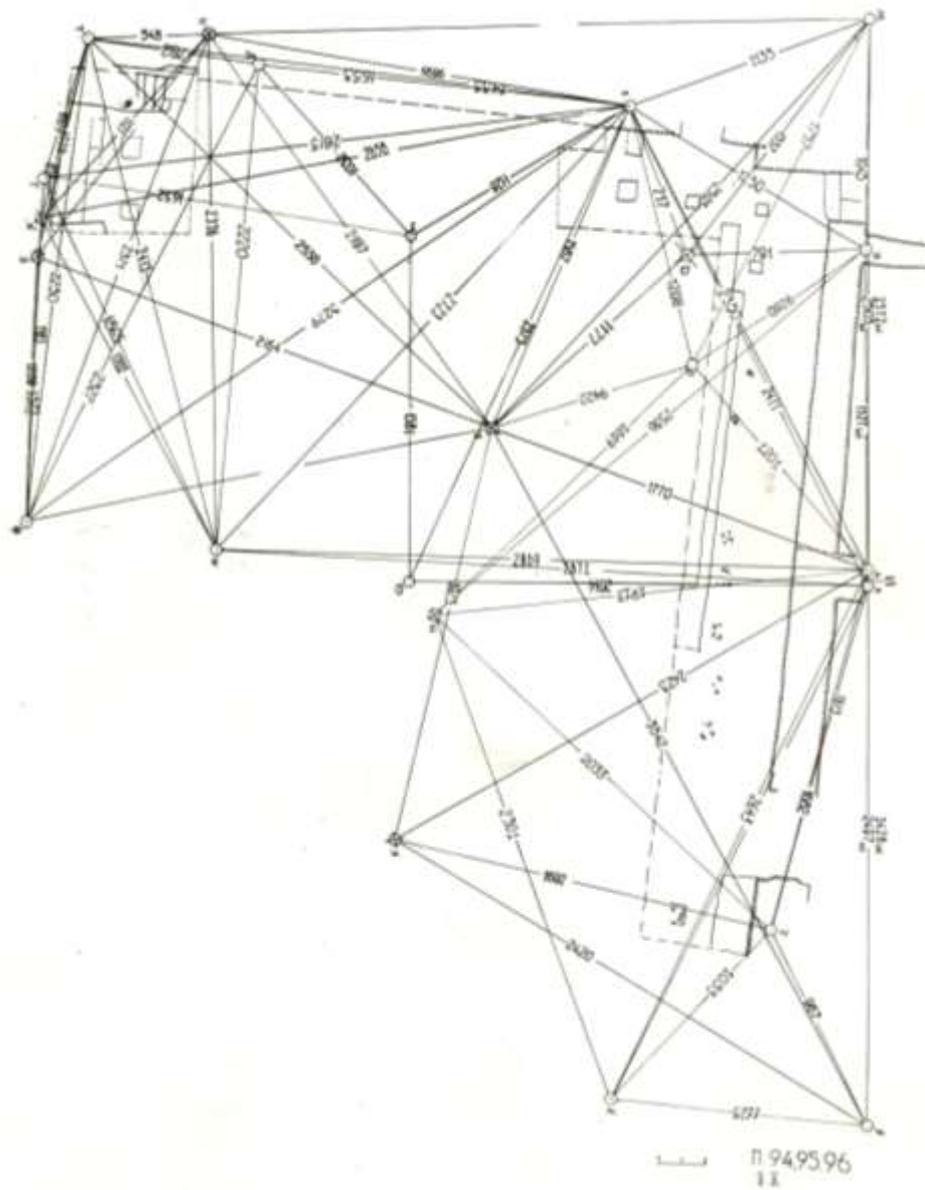

Табл. VII. Пример и опыт фиксации точек сети колов на разных объектах раскопок

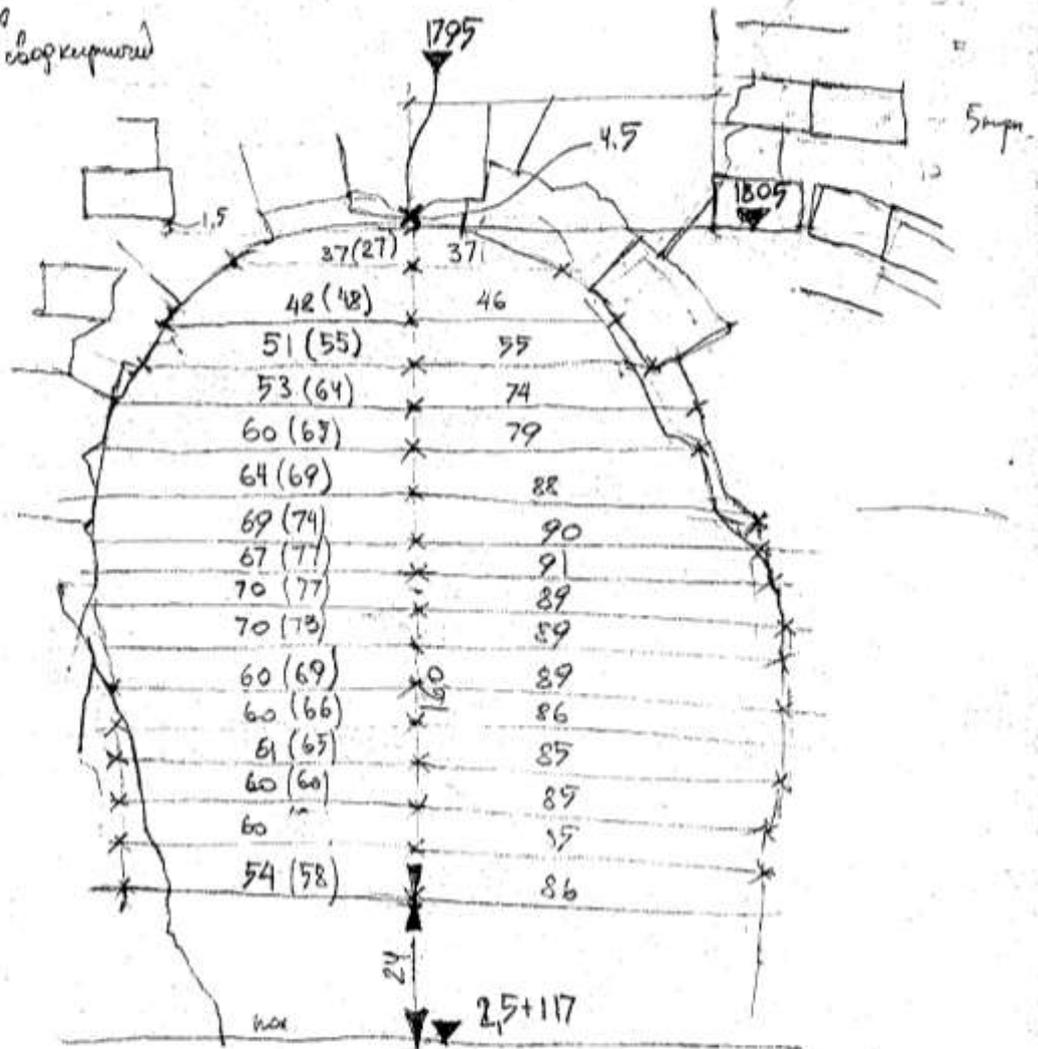

3. Совмещение сети колов Объектов XXIII, XXV. Папка 1993.

4. Совмещение сети колов Объектов II, X. Папка 1996.

в свободном
висящем состоянии

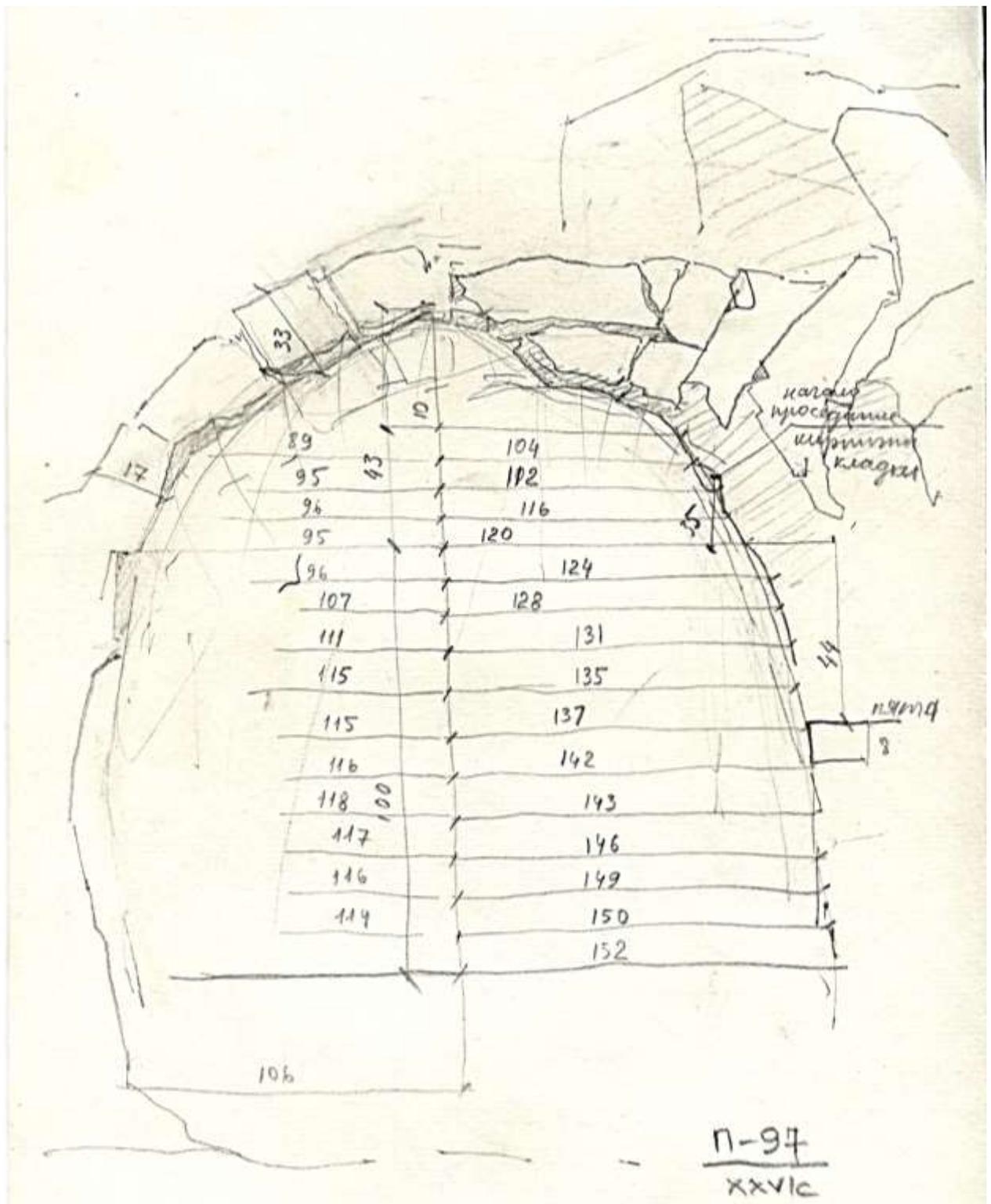
П-96

XXVI

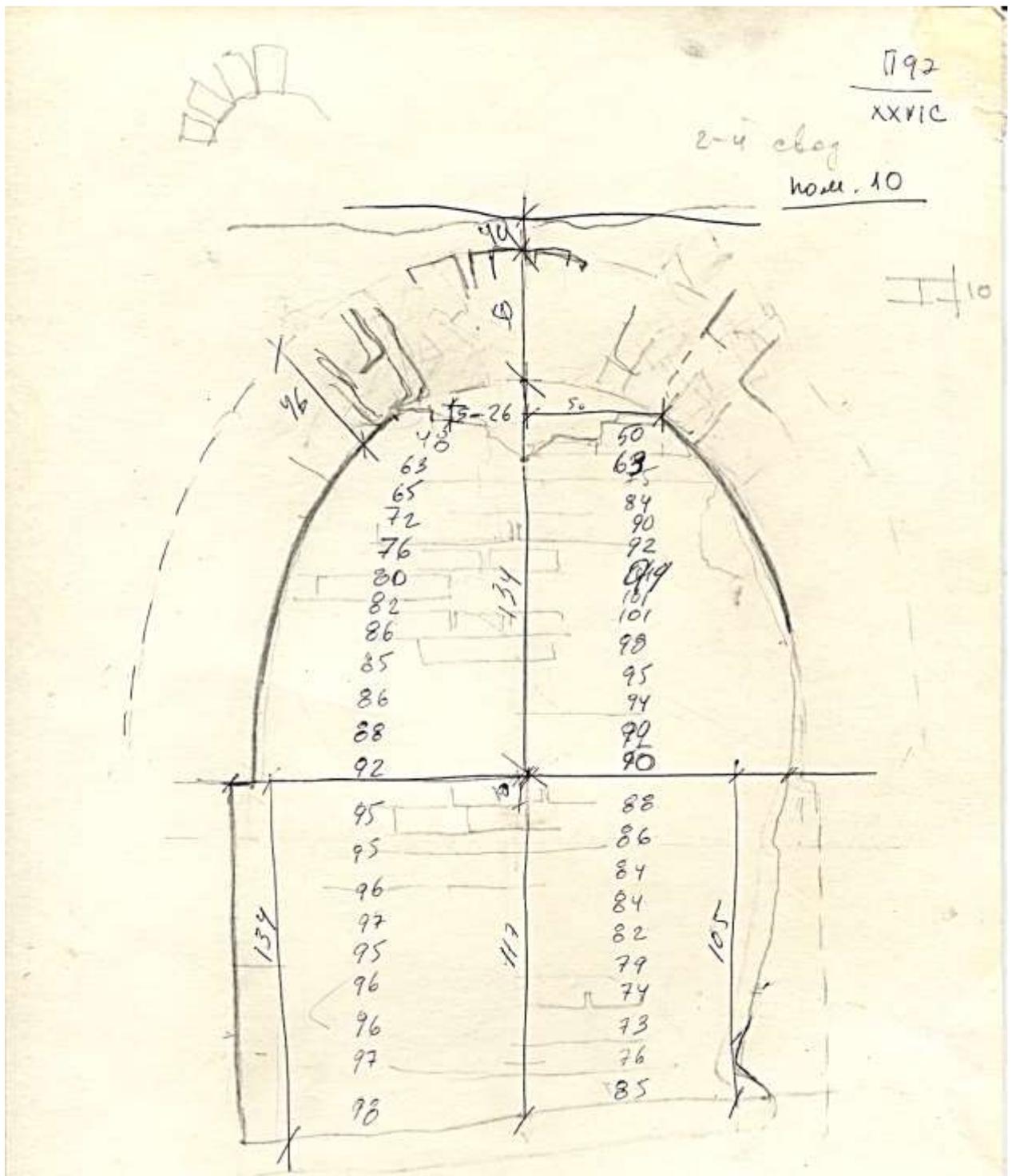

Табл. VIII. Пример фиксации и прорисовки арочных конструкций

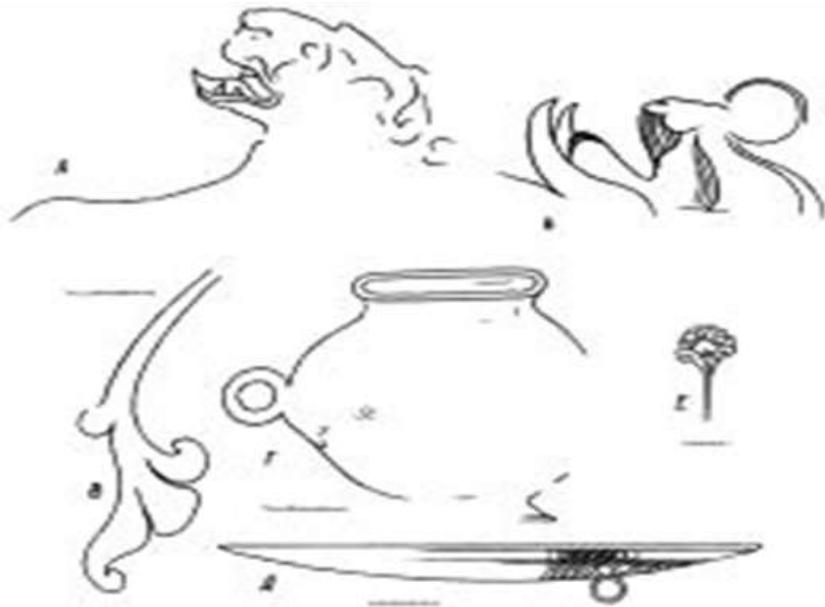
1. Папка П – 1996. Объект XXVI

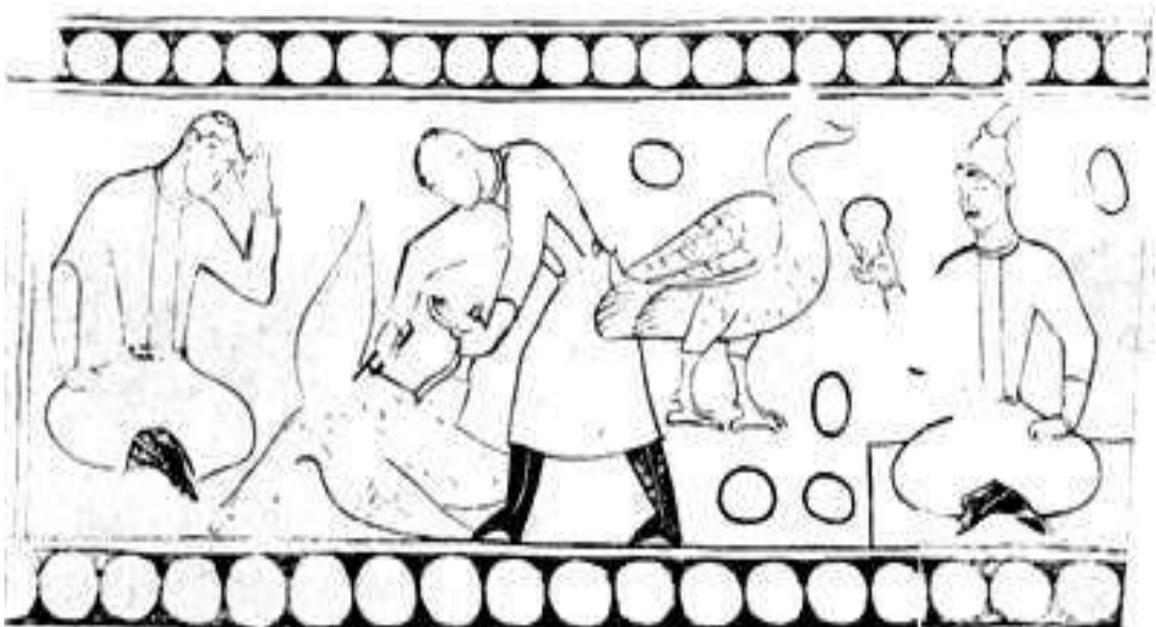
2. Папка П – 1997. Объект XXVIc

3. Папка П – 1997. Объект XXVIC

1. Детали пенджикентских росписей: А) лев (цитадель); Б) крылатый верблюд (объект XVII); В) пальметта; Г) кружка; Д) блюдо; Е) опахало (В-Е – объект XXIV).¹

2. Басня о птице с золотыми яйцами. Прорисовка П.И. Кострова.²

¹ Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. – М., 1971. – С. 45. – Рис. 3.

² Беленицкий А.М., Маршак Б.И.. Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. в искусстве Пенджикента // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). – М., 1976. - С. 184.

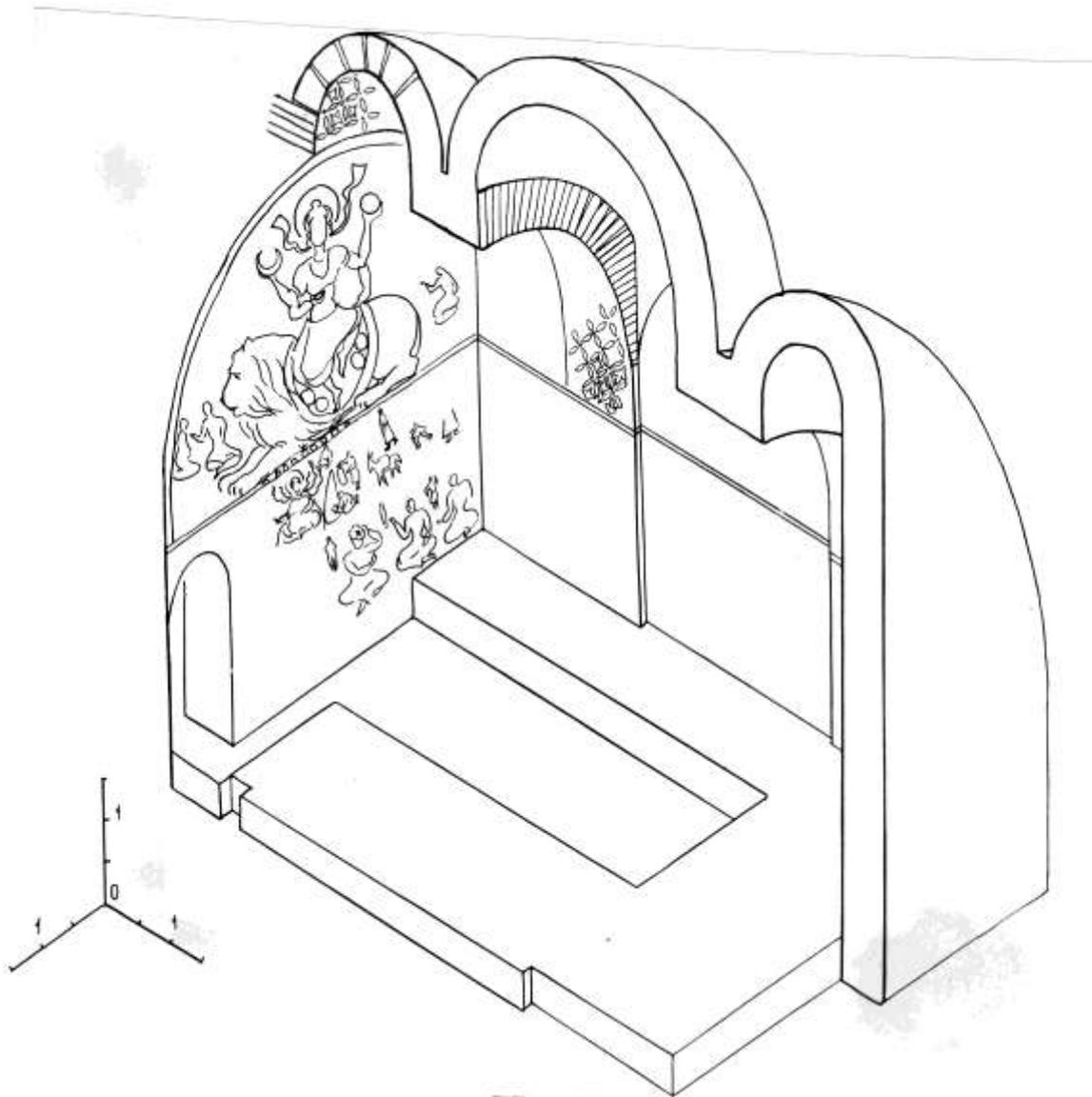

3. Притча о льве и зайце. Эскизная прорисовка.¹

4
. Реконструкция Б.И. Маршака живописи с изображением божественных патронов

¹ Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. в искусстве Пенджикента // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). – М., 1976. – С. 185.

4. Помещение 28. Реконструкция Б.И. Маршака